

Научно-информационный центр «Мемориал»
Санкт-Петербург

Польский институт
в Санкт-Петербурге

Двенадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля
2014

Санкт-Петербург
2015

Чтения проведены при поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге

Instytut Polski w Sankt Petersburgu

Петр Базанов

Заявления из Гулага как биографический источник

Петр Николаевич БАЗАНОВ

*профессор кафедры документоведения
и информационной аналитики
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
(СПбГУКИ), доктор исторических наук*

В российском общественном мнении сложился определенный стереотип, что советские люди, репрессированные в 1920–1950-х годах, становясь заключенными, прекращали легальную борьбу за свое освобождение. Всеобщему заблуждению способствует почти полное отсутствие источниковой базы. Действительно после советского суда, «самого гуманного и справедливого в мире», арестованные теряли всякую надежду, их возможности борьбы за свободу сводились к минимуму. Условия советской правоохранительной системы и системы ГУЛага не очень способствовали созданию и сохранению документальных источников. Хорошо известны в историографии просьбы и прошения о реабилитации родственников, друзей арестованных. Также исследователи репрессий располагали различными прошениями о реабилитации самих зеков, но написанными уже после выхода из тюрьмы или лагеря. Малоизвестной и практически неизученной является переписка заключенных с различными

bazanovpn@mail.ru

структурами советской власти (органы ОГПУ-НКВД-МГБ, прокуратура, партийные структуры) из самого лагеря.

В контексте исследуемой проблемы большое значение приобретают любые документы, написанные из мест заключения. Архив Санкт-Петербургского НИЦ «Мемориал» располагает такими материалами. Интерес автора данной статьи к теме появился после того, как он обнаружил в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в деле историка Н.И. Ульянова два уникальных документа: «Заявление Н.И. Ульянова о реабилитации из 8-го отд. ББК (Соловки) Народному Комиссару Внутренних Дел, Генеральному Комиссару Государственной Безопасности Н.И. Ежову от 20/IV 1937 г.»¹ и «Заявление Н.И. Ульянова, содержащегося в Норильлаге, Народному Комиссару Внутренних Дел СССР от 27/II 1940 г.»².

О сложной судьбе известного историка, профессора Ленинградского и Йельского университетов Н.И. Ульянова (1904–1985) нами в 2009 уже было сделано сообщение на седьмых Чтениях памяти Вениамина Иофе³; в данной работе ставится проблема борьбы узника Гулага за освобождение.

Впоследствии в Архиве НИЦ «Мемориал» выявились и другие подобные документы, в том числе:

«Заявление Т.М. Косого наркому внутренних дел СССР о проверке выдвинутых против него обвинений и пересмотре его дела от 31.05.1939 г.»⁴.

Тувий (Тувим) Михайлович Косой – заместитель директора завода «Ленинская кузница» в Киеве. Родился в 1899 в Гомеле, до ареста проживал в Киеве. Арестован 09.08.1937 и приговорен ОС НКВД СССР 29.10.1938 по ст. 54-7, 11 к пяти годам ИТЛ. Отбывал срок в Новосибирской области, в Томасинлаге, умер от туберкулеза легких в 1943. Реабилитирован Президиумом Киевского областного суда 18.07.1956⁵.

«Заявление заключенного Н.А. Сойкеля от [1941 г.] в Секретариат ЦК ВКП(б) с просьбой оказать содействие в пересмотре его дела»⁶.

Воентехник Николай Александрович Сойкель родился в 1907 в Старом Петергофе в семье рабочих; по национальности – финн, но всячески под-

¹ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-71288. Т.1. Л. 50–59об. (далее – Архив УФСБ, с указанием номера листа). В типографский бланк анкеты текст вписан черными чернилами рукой Н.И. Ульянова.

² Архив УФСБ. Л. 45–48.

³ Опубл.: Базанов П.Н. Историк Н.И. Ульянов: официальная советская биография, эмигрантская версия и реальная действительность // Право на имя. Биографика 20 века: 7-е чтения памяти Вениамина Иофе. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2009 / НИЦ «Мемориал»; Европейский ун-т в СПб. – СПб., 2010. – С. 73–83.

⁴ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Д. Косой Тувий (Тувим) Михайлович. Л. 1–3.

⁵ Там же. Опись фонда.

⁶ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Д. Сойкель Николай Александрович. Л. 1–3 (машиннописная копия).

черкивает, что он человек русского языка и культуры, член ВКП(б) с 1932 по 1938. Был призван в РККА по спецнабору из запаса среднего комсостава в 1935 и служил в должности воентехника в части НКО № 4876 (бывшая 31-я мехбригада) в Старом Осколе Ленинградской области. В октябре 1937 исключен из рядов ВКП(б) за связь с осужденным инженером. В феврале 1938 переведен в 25-й мехполк (Псков). Арестован 28.06.1938 Особым отделом 5-го мехкорпуса (Псков). Приговорен Военным трибуналом ЛенВО 19.03.1939 к пяти годам ИТЛ с поражением в правах на два года. Отбывал срок в 4-м отдельном лагпункте Онеглага НКВД Северной ж.д. (Архангельская область, ст. Пукса, п/я № 238/04). Умер в заключении в Пермской области. Реабилитирован в 1956⁷.

«Жалоба А.П. Тихонова на имя Генпрокурора СССР от 20.08.1950. Баку, лагерный пункт № 1 КАСПЛО⁸ ГУЛага»⁹.

Анатолий Петрович Тихонов (1902–1989) – военный топограф и геодезист. Родился в 1902 в Томске. Окончил Томское реальное училище в 1912 и Омскую военно-топографическую школу. Арестован 05.01.1949 и осужден на 10 лет ИТЛ. Срок отбывал в Азербайджанской ССР. Освобожден 10.08.1956. Реабилитирован Верховным Советом Азербайджанской ССР 10.08.1956¹⁰.

Для исследователей репрессий такой необычный биографический источник интересен прежде всего тем, как заключенные объясняют несправедливость своего осуждения. Ибо именно эти аргументы фигурируют во всех биографиях и документах.

1. Случайность происшествия, послужившая поводом к аресту. Н.И. Ульянов: «...считать мою погрешность не ошибкой, а сознательной контрреволюционной агитацией»¹¹; ту же причину называет и Н.А. Сойка¹².

2. Абсурдность обвинения. Н.И. Ульянов: «участие в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации»¹³, Т.М. Косой – в «троцкистской» организации, Н.А. Сойка – «национализм и шпионская деятельность»¹⁴.

3. Отсутствие «конкретных данных, подтверждающих вину»: Н.И. Ульянов, Т.М. Косой, Н.А. Сойка, А.П. Тихонов.

4. Знакомство с ранее арестованными – совершенно случайное и чисто служебное: Н.И. Ульянов, Т.М. Косой, Н.А. Сойка.

⁷ Там же. Описание фонда.

⁸ Имеется в виду одно из отделений Каспийского ИТЛ, который с октября 1943 базировался в районе Баку.

⁹ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Д. Тихонов Анатолий Петрович. Л. 1–12.

¹⁰ Там же. Описание фонда.

¹¹ Архив УФСБ. Л. 51.

¹² Здесь и далее отсылки на архив приводятся только в случае прямого цитирования документа.

¹³ Архив УФСБ. Л. 51.

¹⁴ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Д. Сойка Николай Александрович. Л. 1-2.

5. Клевета: Н.И. Ульянов, Т.М. Косой, Н.А. Сойкель, А.П. Тихонов.

6. Пренебрежение следователями показаний заключенного: Н.И. Ульянов, Н.А. Сойкель.

7. Отсутствие очных ставок: Н.И. Ульянов, Н.А. Сойкель.

8. Пролетарское происхождение как смягчающее обстоятельство: Н.И. Ульянов, Н.А. Сойкель.

9. Выбывание «признаний». Н.И. Ульянов: «при помощи непрерывных допросов и пытка без сна и отдыха»¹⁵; Н.А. Сойкель: «психофизическое воздействие и запугивание со стороны следователя»¹⁶.

10. Отсутствие какой-либо законности и угрозы следователя. Н.И. Ульянов: «вроде ареста и высылки семьи, которые немедленно последуют в случае не подписания документа»¹⁷.

11. Самооговор. Н.И. Ульянов: «Тогда, усилив репрессии, доведя меня до полного изнеможения, следователь добился того, что я совершил величайшее преступление в своей жизни – подписал мрачную клевету на себя. Трудно передать, какое моральное увечье нанесено мне этим фактом, я и сейчас переживаю его столь остро, что с трудом нашел силы, чтобы написать данную апелляцию»¹⁸.

12. Принадлежность к троцкистской научной школе. Н.И. Ульянов: «...а неприятнь моя к школе Покровского и борьба с нею не менее хорошо известны еще со времени моей аспирантуры. Именно через сильное увлечение борьбой с этой школой было причиной перегиба и злополучной формулировки о вырождении, к которому, якобы, шла у нас историческая наука до постановления ЦК от 16 мая 1934 г.»¹⁹.

Заявления заключенных служили основным документом для последующей реабилитации. В 1950-е прокуратура и другие органы рассматривали именно конкретные жалобы на неправильное ведение следствия для оправдания заключенного и снятия судимости.

¹⁵ Архив УФСБ. Л. 52.

¹⁶ Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Д. Сойкель Николай Александрович. Л. 2.

¹⁷ Архив УФСБ. Л. 52-52об.

¹⁸ Там же. Л. 52об.

¹⁹ Там же. Л. 57.

ПРИЛОЖЕНИЕ**Заявление Н.И. Ульянова от 20 апреля 1937²⁰**

Народному комиссару внутренних дел,
Генеральному комиссару Государственной безопасности
Н.И. Ежову

от Ульянова Николая Ивановича,
заключенного 8-го отд. ББК (Соловки)
рождения 1904 г., по происхождению – сына рабочего,
бывшего кандидата ВКП(б) с 1931 г.

Последнее место работы: профессор истории СССР
в Ленинградском Гос. университете, Ленингр. институте
истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) и
ученый специалист в Институте истории Акад. наук СССР

Заявление

Постановлением Особого Совещания при НКВД от 15 октября 1936 г. я приговорен к 5 годам заключения в исправительном трудовом лагере «за контрреволюционную троцкистскую деятельность». Сколько я мог понять, подозрения в моей принадлежности к контрреволюционному троцкизму создались в силу двух обстоятельств: исключения моего из партии и службы в одних учреждениях с бывшими оппозиционерами. Я был исключен из числа кандидатов ВКП(б) постановлением бюро Василеостровского райкома ВКП(б) от 27 ноября 1935 г. за статью «Советский исторический фронт», помещенную в студенческой газете ЛИФЛИ¹ где я допустил неправильную формулировку. Желая резче подчеркнуть положительный перелом, совершившийся на историческом фронте в результате постановления ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г., я написал, что до этого постановления наша историческая наука шла к вырождению. Взятая изолированно от контекста, сама по себе эта формулировка является, конечно, антисоветской и была допущена мною только по небрежности, т. к. статья писалась поспешно, почти на ходу и я не успел ее даже перечитать. Никакого контрреволюционного содержания я не хотел и не мог вкладывать в эти слова. Речь идет здесь не о политике партии в области науки, относительно которой у меня никогда не было сомнений и тем более желания

²⁰ Архив УФСБ. Л. 50-59об. При публикации орфография и пунктуация документа приведены к современной норме.

чернить ее, а об извращениях школы Покровского, которая главенствовала в течение ряда лет на историческом фронте и ошибки которой в постановлении ЦК от 27 февраля 1936 г. были охарактеризованы как «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские тенденции в исторической науке». Достаточно даже бегло ознакомиться с текстом моей статьи, [чтобы] ясно стало, что речь идет именно об этих извращениях, а не о чем-либо другом. Указанная формулировка явилась с моей стороны простым перегибом, объяснявшимся небрежным отношением к написанию статьи, но отнюдь не сознательным контрреволюционным актом. Впоследствии я от многих партийных товарищей слышал, что если бы моя статья появилась после постановления ЦК от 27 февраля «О положении на историческом фронте», меня не постигло бы столь суровое взыскание. Но за три месяца до этого бюро райкома подошло ко мне исключительно жестко и усмотрело в злополучной формулировке протаскивание контрреволюционных взглядов. На следствии в НКВД тоже не захотели вникнуть в смысл моей ошибки. Правда, следователь неоднократно заявлял, что она мне в данном случае не инкриминируется. Тем не менее, упорно игнорируя контекст статьи, он продолжал считать мою погрешность не ошибкой, а сознательной контрреволюционной агитацией.

Между тем, Ленинградская областная партколлегия 20 мая 1936 г. разбирила мое дело, и после заседания партследователем т. Старыгиным мне было сообщено в официальной форме, что я буду восстановлен². Бюро парткома и вся парторганизация ЛИФЛИ, где я состоял на учете, хорошо меня знавшие и защищавшие как на бюро райкома, так и на заседании партколлегии, – выразили ту же уверенность.

Но 2 июня 1936 г. я был арестован.

Другим обстоятельством, привлечшим ко мне внимание следственных органов, был факт моей службы в таких учреждениях, как истфак Лен. Гос. университета, ЛИФЛИ и Института истории Академии наук СССР, где работал ряд бывших оппозиционеров, знакомство с которыми, по мнению следователя, не могло не отразиться на мне с точки зрения троцкистского влияния. Мне было предъявлено следователем Ленинградского отделения НКВД обвинение в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации в Ленинграде, куда я был, якобы, вовлечен Томсинским С.Г.³ – бывшим директором Исторического института Академии наук СССР. Следователь утверждал, будто я был «обработан» Томсинским и вел с ним разговоры контрреволюционного порядка, в каковых подвергалась критике и осуждению политика ЦК партии в области исторической науки. Никаких конкретных данных, подтверждающих мою вину, мне при этом не было предъявлено; ни одной ссылки на какой-нибудь отдельный случай разговора, равно как на содержание такого разговора, не было сделано. Единственным предъявленным доказательством были выдержки из копий протокола допроса Томсинского, Зайделя

(бывш. директор Лен. отд. Ком. Академии)⁴ и Меламеда (бывш. сотрудник ЛОКА)⁵, где Томсинский заявляет, что знает меня как скрытого троцкиста, а Зайдель и Меламед – как участника контрреволюционной организации. Никаких опять-таки намеков на конкретные факты в подтверждение своих заявлений помянутые лица не приводят.

Все мои указания следователю на лживость и голословность их показаний не в состоянии были побудить его проверить их правильность, что было чрезвычайно легко сделать. Точно также мои настоятельные требования очных ставок с ними остались неудовлетворенными. Вместо этого быстрого и наиболее эффективного метода выяснения истины, следователь встал на путь выжимания из меня «признания», прибегая при этом к таким приемам, о которых я здесь считаю необходимым сообщить.

После двухмесячного пребывания в тюрьме и после утомительных ночных допросов, практиковавшихся ежесуточно в течение месяца, следователь Тихоновецкий⁶ перевел меня в одиночку и, перейдя на непрерывный допрос, держал у себя в кабинете в продолжение 5 суток днем и ночью без сна и отдыха, отпуская в камеру только для принятия пищи, да и то только после того, как она остывала. Передо мной была положена бумага с текстом так называемого «признания», гласившая, что я признаю себя участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации в Ленинграде, в которую был вовлечен Томсинским. Следователь в ультимативной форме, чрезвычайно грубо и оскорбительно требовал моей подписи под этим текстом, заявляя, что я до тех пор не встану с места, пока не удовлетворю его требования.

В ответ на мои протесты квалифицировавшие такое поведение как явное насилие, он заявлял, что другого пути у него нет, если я не подписываю добровольно, он вынужден прибегнуть к нажиму и будет продолжать его, пока не добьется своего. Мои протесты, как он заявил, не будут иметь значения, хотя бы потому, что их никто не услышит, т. к. писать прокурору он мне не позволит. По его словам, в борьбе с контрреволюцией все средства хороши, и рассчитывать на какую-нибудь революционную законность я ни в коем случае не могу²¹.

Продолжая посменно со своим помощником Гороховым изнурять меня непрерывным допросом (фактически это был не допрос, а дежурство возле моей особы, чтобы не давать мне спать на табуретке), – следователь внушал мысль о совершенной безвыходности моего положения, при котором я должен либо подписать, либо примириться с перспективой тяжелого нервного заболевания, до которого он меня доведет. Перспектива эта была вполне реальна. Общая слабость здоровья, болезнь сердца и пережитые потрясения двухмесячного заключения довели мой организм до такого состояния, что на четвертый день непрерывного допроса я стал ощущать симптомы паралича левой руки.

²¹ Подчеркнуто следователем.

Кроме того, на мне, человеке непривычном к таким операциям, продолжительное лишение сна отразилось сильным притуплением сознания и ослаблением воли, при которых наступает в известный момент состояние какого-то безразличия. Понуждая меня к подписанию бумаги, следователь доказывал, что участие в организации должно понимать отнюдь не в общепринятом смысле, а несколько проще. По его словам, партия сейчас считает участником контрреволюционной организации всякого, кто в силу благодушия и самоуспокоенности не замечал работавшей возле него троцкистской группы и тем самым не способствовал ее разоблачению. В доказательство он приводил выдержку из передовицы ЦО⁷ «Правда», не давая читать при этом всей передовицы, которая, как я потом узнал, имела совершенно другой смысл. По его мнению, я и сам мог не знать о том, что являюсь участником контрреволюционной организации. Признав, что я действительно не замечал троцкистской организации и не способствовал ее выявлению, я, тем не менее, выразил удивление по поводу необычной трактовки факта участия в ней и не подписывал бумаги. Тогда, усилив репрессии, доведя меня до полного изнеможения, следователь добился того, что я совершил величайшее преступление в своей жизни – подписал мрачную клевету на себя. Трудно передать, какое моральное увечье нанесено мне этим фактом, я и сейчас переживаю его столь остро, что с трудом нашел силы, чтобы написать данную апелляцию.

Подписывая бумагу, я заявил присутствовавшему при этом помощнику следователя Горохову, что делаю это не добровольно, а по принуждению, не будучи в состоянии противостоять насилию. Его абсолютное безразличие к этому заявлению окончательно укрепило давно напрашивавшуюся мысль о том, что следователь отнюдь не заинтересован в выяснении объективной истины, а преследует заранее поставленную цель. Еще больше я убедился в этом, когда предложил зачеркнуть в тексте фразу о вовлечении меня в организацию Томсинским, как противоречащую утверждению следователя о том, что я сам не знал о своем участии в организации. Ведь если я этого не знал, то как я мог знать, кем вовлечен туда? Далее, я предложил зачеркнуть другую противоречивую фразу, согласно которой я будто бы являлся участником организации по день моего ареста. Томсинский и прочие троцкисты, с которыми мне приписывается связь, были убраны из Ленинграда еще в начале 1933, и я т. о. объективно не мог бы по день моего ареста состоять в их организации. Эти поправки, делавшие весь остальной текст абстрактным и, в значительной мере, юридически бессодержательным, были приняты, и у меня не осталось тени сомнения относительно предвзятого намерения следователя.

Характерно, что Тихоновецкий и Горохов не желали даже слушать моих оправданий, их это абсолютно не интересовало, интерес для них представляла, по их собственному признанию, только моя подпись, которую они должны были получить любым путем. «Вы будете хрипеть на смертном одре, а мы будем

требовать от вас признания», «будете бетонный пол глодать, но мы не отстанем от вас, пока не подпишете». Такого рода афоризмы неоднократно приходилось слышать и от моих следователей, и от тех, что приходили им на помощь. А грубая площадная брань, а надругательства над личностью, какого я никогда еще в жизни не знал! Не говорю уже о всякого рода угрозах, вроде ареста и высылки семьи, которые немедленно последуют в случае не подписания документа.

Получив возможность отдохнуть и несколько восстановить силы, я заявил следователю об отказе от своей подписи, данной по принуждению. Он обещал принять их к сведению, а между тем прочел мне протокол чьего-то допроса (по его словам, это был допрос моего сослуживца по Академии наук И.М. Троцкого⁸), справился, подтверждаю ли я заключающиеся там сведения относительно к.р. деятельности Томсинского и других лиц, работавших в Институте истории. Заявив, что приведенные факты мне неизвестны, я подтвердил только один, а именно – принятие Томсинским на работу нескольких беспартийных, не представлявших для института особенной ценности. При этом я заявил, что мне неизвестно, приняты ли данные лица с контрреволюционными целями или в силу простой протекции и кумовства. Этот ответ следователь счел, видимо, достаточным, чтобы сделать заключение о моем согласии со всем протоколом в целом, потому что, отпустив в камеру, он вызвал меня снова через несколько дней и предложил прочесть текст готового протокола, напечатанного на машинке, где от моего имени излагались с некоторыми добавлениями и вариантами факты, прочитанные мне на предыдущем допросе. Там говорилось, что Томсинский вел со мной разговоры, порочащие политику ЦК ВКП(б) в области исторической науки, и что, якобы, я узнал от него о существовании троцкистско-зиновьевской организации, ставившей целью... протаскивание троцкистских идей в истории. Далее говорилось, что в Институте истории мне, якобы, известны некоторые лица, как-то: Бибикова К.М.⁹, Волгин В.П.¹⁰, Кальменс¹¹, которые вели контрреволюционную работу, что, якобы со слов Томсинского, мне известен в качестве члена организации Зайдель Г.С. – бывший директор ЛОКА. Целый ряд подобных утверждений, которых я не могу сейчас припомнить в точности, значился в этом протоколе. Под ним-то следователь потребовал моей подписи. Я категорически отказался, заявив, что ничего подобного мне известно не было, что мои мнимые разговоры с Томсинским являются чистейшим вымыслом и что, раз я отказываюсь от вынужденной подписи под указанным выше «признанием», то нелепо требовать ее повторения под новым протоколом. Следователь готов был получить мою подпись даже с той припиской, что она сделана по принуждению, и в целях побудить меня к этому разорвал на моих глазах бумагу с моей прежней подписью, хотя я так и не знаю, разорвана ли она действительно или, в силу проявленной ловкости, разорванной оказалась только чистая часть листа, а текст сохранился? Однако на этот раз я решился скорей умереть, но не возводить

на себя клеветы. Опять начались уламывания и угрозы десятилетним заключением, расстрелом, арестом семьи, и хотя я сильно страдал от этих угроз, тем не менее, подписи не дал.

Тогда пригласив двух других следователей, фамилии которых я не помню¹², Тихоновецкий составил акт, где было сказано, будто я отказался подписать протокол, составленный на основании показаний, добровольно мною самим данным, что абсолютно не соответствовало действительности. В акте было сказано между прочим, что свой отказ я мотивировал какими-то «к. р. троцкистскими установками», а также политическим заверением формулировок. Это утверждение тоже насквозь неверно, т. к. я не мотивировал своего отказа ничем, кроме того, что предложенный мне протокол был от начала до конца написан самим следователем и ни одного моего показания (тем более добровольного) не содержит. Мне было предложено подписать акт, но я этого не сделал, т. к. акт был заведомо неправильный. По этому поводу была сделана приписка, что и данный отказ вызван с моей стороны теми же «троцкистскими установками». Обо всех этих неправильных действиях следователя я письменно уведомил прокурора, как только был переведен в общую камеру и получил возможность писать. При объявлении об окончании следствия Тихоновецкий сообщил, что неподписанный мною протокол с актом приложен к делу. С самим делом мне не разрешено было ознакомиться.

Кроме этого следователь добился моей подписи под какой-то анкетой, не дав ее прочесть. Вызвав меня однажды полусонно ночью и посадив на приличном расстоянии от стола, так что мне не видно было, что он пишет, он стал заносить в анкету имена членов моей семьи и моих знакомых из числа тех, что названы были мною на первом допросе. Уверив, что ничего, кроме этих имен, он не записал и что данная анкета – простая формальность, не имеющая никакого отношения к следствию, он в ответ на мое желание просмотреть ее – стал обвинять в недоверии к следственному аппарату НКВД, рассматривая мое требование как враждебную демонстрацию. Никакого недоверия у меня не было, и потому, не желая давать повода к подобным обвинениям и не опасаясь нечестных приемов, я подписал анкету не читая. Только позднее я узнал от других заключенных, что эта анкета – важный документ, содержащий такие графы, как организационно-политические связи и проч., что занесение фамилий в ту или иную графу имеет определенный смысл и что, кроме простых фамилий, там пишется многое другое. Сделался жертвой недобросовестного приема следователя, я теперь не имею даже возможности знать, что написано в этой анкете. Только два документа я подписал добровольно, с полным ознакомлением с их содержанием, – это первый и заключительный протокол следствия, где я решительно отрицал возводимые на меня обвинения. Любопытно, что мои отрицания воспринимались следователем почти как личная обида ему, и он с озлоблением грозил написать мне убийственную характеристику как укрывателю

и защитнику троцкистов. Все сказанное дает ясное представление относительно характера юридического оформления моего дела.

Что касается существа приписываемого мне преступления, то заявляю по этому поводу следующее. Приписывать мне какое-то политическое влияние со стороны таких лиц, как Томсинский, Зайдель, Меламед и проч., – по меньшей мере, странно.

Начать с того, что некоторые мои личные особенности и скромное партийное и служебное положение ставили меня всегда на почтительное расстояние от этих «генералов» исторического фронта, исключая всякую сколько-нибудь интимную близость с ними.

С Зайделем, например, я имел всего лишь 3–4 сугубо официальных разговора в общественном месте и [в] присутствии большого количества людей. С Меламедом у меня было буквально «шапочное» знакомство, и я могу только поражаться той наглости, с которой он лжет в своем показании. Что касается Томсинского, связь с которым мне особенно инкриминировалась, то характер знакомства с ним был не таков, чтобы на этой почве могла произойти такая-то «обработка» меня в троцкистском духе. С 1927 по 1930 г. меня в Ленинграде не было, я проходил в Москве аспирантуру, и с Томсинским не был знаком вовсе. С 1930 по 1933 г. я работал преподавателем Комвуза в Архангельске и лишь изредка наезжал в Ленинград для занятий в библиотеках и архивах. В одну из таких поездок в 1932 г. я познакомился с Томсинским. Мне надо было у него, как директора Историко-археологического института, получить разрешения на занятия в архиве института.

Знакомство было строго официальным. Таким же оно продолжало оставаться и после моего переезда в Ленинград в 1933 г. Никаким служебным или иным успехом в Ленинграде я не был обязан Томсинскому. Местом моей основной работы был Ленинградский ин-т истории философии и лингвистики, а впоследствии Ленинградский гос. университет, куда я был направлен Горкомом ВКП(б). Никакой, следовательно, зависимости от Томсинского, могущей послужить причиной известной податливости при «обработке», у меня на этой почве не было. В Исторический институт Академии наук я был приглашен только зимой 1934 г. и работал там по совместительству, уделяя ему гораздо меньше времени, чем другим службам. С Томсинским я работал в этом ин-те, следовательно, немногим больше года, потому что в самом начале 1935 г. он был уже убран из Ленинграда. В продолжение этого времени мои отношения с ним не выходили за рамки служебных. Я не только не участвовал с ним ни в какой организации, но даже не подозревал о существовании таковой. Встречи с Томсинским происходили в институте на глазах у множества людей, и никаких политических, тем более антипартийных разговоров между нами не было. Всякие утверждения обратного порядка являются чистой ложью и не могут быть подтверждены конкретными фактами.

Мои отношения с ним были далеки от дружеских, все работники института знают о наших неоднократных столкновениях, в результате которых я одно время собирался уходить из института. Томсинский ни в научном, ни в политическом отношении не являлся для меня авторитетом. Он был типичным представителем школы Покровского, с которой я всегда боролся, и нужно было полное игнорирование обстановки на историческом фронте, чтобы приписать мне вкупе с ним какую то дискредитацию исторической науки. Ведь до 1936 г. в области истории наблюдалось засилье школы Покровского, видным представителем которой являлся Томсинский. Выходит, что он «обрабатывал» меня на предмет дискредитации его же самого. Что касается утверждения, будто я вел с ним разговоры, порочащие политику ЦК в области исторической науки, то с этим абсолютно не согласуется моя всегдашняя горячая защита этой политики. Да и что значит – порочить политику ЦК в этом вопросе? Если говорить не отвлеченным языком, а конкретно, то это означает несогласие с линией, выраженной в решении ЦК от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории, в замечаниях т.т. Сталина, Кирова и Жданова¹³ на конспект учебников по истории, в постановлении о положении на историческом фронте от 27 февраля 1936 г.

Беру смелость утверждать, что в СССР нет таких идиотов, которые бы стали возражать против этой линии, вносящей струю свежего воздуха в изучение истории и выводящей ее из тупика, куда она была заведена школой Покровского. Если бы такие идиоты, паче чаяния, обнаружили, они не нашли [бы] других, еще больших идиотов, которые стали их слушать. Почему следователю было угодно составить столь плохое мнение о моих умственных способностях и зачислить меня в разряд таких идиотов, мне неизвестно. Утешаю себя тем, что сам я к этому повода не давал, ибо, как подтвердят все мои сослуживцы и слушатели, – постоянно выступал ревностным почитателем и защитником указанных решений ЦК, а неприязнь моя к школе Покровского и борьба с нею не менее хорошо известны еще со времени моей аспирантуры. Именно через сильное увлечение борьбой с этой школой было причиной перегиба и злополучной формулировки о вырождении, к которому, якобы, шла у нас историческая наука до постановления ЦК от 16 мая 1934 г. Не эта ли формулировка дала повод следователю к построению всего нелепого обвинения?

Столь же нелепо приписывать мне участие в организации, ставившей задачей протаскивание троцкистских идей в историю. Как известно, в этой области троцкизм не богат идеями, особенно в истории феодального периода нашей страны, которым я занимаюсь. Все его немногочисленные идеи здесь известны наперечет и давно подверглись сокрушительному разгрому, особенно после письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция». Может быть, среди закоренелых троцкистов есть люди, продолжающие держаться этих разбитых идей, только разве с помощью колдовства они способны навер-

бовать себе сторонников из числа нормально мыслящих людей. Для того ли я в свои молодые годы, в период недостаточной научной зрелости, удержался на правильных позициях, чтобы теперь, будучи сложившимся исследователем, пройдя к тому же через горнило дискуссий и борьбы с гнилыми концепциями, – впал в троцкистский соблазн? Где тут логика? Если допустить такой невероятный факт, то мне надо приписывать нечто более серьезное, чем эти подмоченные исторические концепции. На почве таких концепций никого в троцкизм не обратишь. Чтобы покончить с этим, скажу, что в моей научной и педагогической работе ни разу еще не было обнаружено протаскивания троцкистских идей, тогда как о моей борьбе с троцкистскими концепциями и, в частности, с концепциями Томсинского, знают многие. Совершенно очевидно, что следствие было введено в заблуждение ложными показаниями людей, которые либо сознательно марали троцкистской грязью честных людей, избрав то как последний метод своего вредительства, либо мнимо «откровенными» показаниями надеялись спасти свою шкуру. Не исключена при этом возможность и какого-нибудь доноса не в меру бдительного гражданина.

Я заявляю, что никогда ни в какой оппозиции я не состоял и не испытывал по этому поводу ни малейших колебаний, напротив, за свою короткую партийную жизнь боролся по мере сил и знания с троцкистскими уклонами от генеральной линии. Контрреволюционный смысл троцкизма мне ясен был давно, и никакие «обрабатывания» не в состоянии были бы увлечь меня в эту сторону, тем более, что внутренних стимулов к троцкистским настроениям у меня не было и не могло быть. Я происхожу из рабочей семьи (отец мой был слесарь-водопроводчик) и рос в рабочей среде. При старом режиме меня ожидала бы участь кухаркина сына, которого не пускали дальше начальной школы, благодаря же революции я получил возможность не только попасть в высшую школу, но стать научным работником. Забыть это значило бы стать на путь явной деградации. Кроме того, я не имел абсолютно никаких причин быть недовольным партийным руководством и ЦК ВКП(б), т. к. никакого несогласия с его политикой у меня не было. Не могло возникнуть чувства недовольства против партии и на почве каких-нибудь ущемлений или репрессий, – никаким репрессиям ни в партийном, ни в административном порядке я не подвергался. Напротив, я имел такие условия работы, о которых может только мечтать молодой научный работник.

Таким образом, я не знаю источников, способных питать во мне троцкистские настроения, а ведь без такого предрасположения никакое «обрабатывание» не может иметь успеха. Нельзя до такой степени принижать умственные способности и самостоятельность взрослого культурного человека, чтобы из простого факта служебных отношений с тем или иным лицом сделать вывод о полной потере этой самостоятельности и интеллектуальном подчинении вышеназванному лицу. Не Томсинскому меня «обрабатывать». Если уж

я в комсомольском возрасте не поколебался политически, то какая сила могла толкнуть меня на подпольно-троцкистскую работу теперь. К тому же я до такой степени был увлечен научной работой, что она поглощала все мое время и энергию. Не только для к.-р. деятельности, для каких-нибудь размышлений в этом плане у меня не оставалось места. Работая в крупнейших вузах и научно-исследовательских учреждениях Ленинграда, я читал собственные общие и специальные курсы, вел специальные семинарии, заведовал кафедрой истории СССР в ЛИФЛИ, писал учебные пособия и исследовательские труды. Моя литературная продукция за последние 5 лет составляет около 30 печатных листов, в том числе монография «Очерки истории народа коми-зырян»¹⁴ – 12 печ[атных] листов. Незадолго до ареста я принялся за монографию по истории крестьянской войны начала XVII века, которая должна была явиться докторской диссертацией¹⁵. Я чувствовал в себе достаточно силы, чтобы вырасти со временем в крупного исследователя. Но теперь вся эта работа бессмысленно оборвана и на моем дальнейшем образовании как ученого поставлен крест. Погибли усилия половины жизни, усилия человека, одушевленного искренним стремлением работа [так!], культуры и просвещения своего народа, для торжества ленинизма в исторической науке. Я принужден истощать свои силы в лагере в такой момент, когда созданы невиданные условия для работы в области истории. Для того ли партия и советская власть готовили из меня, в течение десятилетия, научного работника, чтобы ликвидировать в момент, когда я мог приносить стране наибольшую пользу, ликвидировать в силу нелепых доносов и подозрений? Полагаю, что в Советском Союзе такого положения не может быть, и твердо надеюсь на полную реабилитацию. Полагаю, что законное и справедливое негодование против подлинных шпионов и диверсантов не может служить препятствием к справедливому и внимательному рассмотрению дела абсолютно невинного человека. Ознакомившись с докладом и заключительным словом т. Сталина от 3–5 марта с. г., проникнут особенной уверенностью в эту справедливость.

Прошу Вас, гражданин Народный комиссар, пересмотреть мое дело и снять с меня позорное и незаслуженное клеймо троцкиста.

20/IV 37 г.

(Подпись)

Примечания

¹ Советский исторический фронт // За пролетарские кадры. – 1935. – № 20, 7 ноября. – С. 2.

² В качестве кандидата в ВКП(б).

³ Томсинский Семен Григорьевич (1894–1938) – историк, археограф. Член Бунда (1908–1916), член ВКП(б) с марта 1919 (в 1924 и 1927 исключался), троцкист с 1923. Окончил Институт красной профессуры. Член-корреспондент АН СССР по Отделению общественных наук (история) с 1 февраля 1933 до 29 апреля 1938 (исключен Общим собранием), в 1933 – директор Историко-археографического института (Ленинград), сотрудник ЛИФЛИ. Председатель на скандально известном заседании Института истории при ЛОКА и Ленинградского отделения общества историков-марксистов 29 января, 1, 12 и 16 февраля 1931 по проработке школ С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле. Незадолго до ареста снят с поста директора Историко-археографического института. Переведен в Ташкент. На момент ареста – заместитель председателя Казахского филиала АН СССР. Арестован 19.04.1936, обвинен в троцкизме. Фигурировал в «сталинском списке» по Ленинградской области (октябрь 1936) по первой категории (для предания суду ВК ВС СССР с приговором к расстрелу) под № 92. Расстрелян. Восстановлен в АН СССР решением ее Президиума (№ 715 от 11 августа 1967).

⁴ Зайдель Григорий Соломонович (1893–1937) – историк. Член ВКП(б) с 1919 по 1934. Окончил Институт красной профессуры (1925). Зам. председателя Президиума Комакадемии в Ленинграде, сотрудник ЛИФЛИ, первый декан исторического факультета ЛГУ, директор Института истории Ленинградского отделения Комакадемии в 1930–1934. Один из основных «проработчиков» С.Ф. Платонова по «Академическому делу». Арестован 15.04.1935 УНКВД ЛО, обвинялся по ст. 58-11 УК РСФСР. Освобожден 22.05.1935. По постановлению УНКВД ЛО от 20.05.1935 подлежал выселению из Ленинграда, выехал в Саратов. Перед арестом – профессор Саратовского пединститута и госуниверситета. Арестован 05.05.1936 в Саратове, этапирован в Ленинград. Обвинялся в руководстве троцкистской организацией и в подготовке теракта против И.В. Сталина и С.М. Кирова. Дал на Н.И. Ульянова обвинительные показания. Приговорен ВК ВС СССР 11.05.1937 к высшей мере наказания. Расстрелян.

⁵ Меламед Израиль Моисеевич (ок. 1900 – ?) – историк, сотрудник Института истории Ленинградского отделения Комакадемии. Арестован в 1936.

⁶ Тихоновецкий – помощник оперуполномоченного 5-го отделения СПО УГБ УНКВД.

⁷ ЦО – центральный орган (печати).

⁸ Троцкий Исаак Моисеевич (1903–1937) – историк, специалист по декабризму, старший научный сотрудник Института истории Академии наук, в начале 1930-х – ученый секретарь Историко-археографического института, профессор ЛИФЛИ и ЛГУ. Арестован 03.06.1936, приговорен ВК ВС СССР 23.12.1936 по ст. 17–58–8, 58–11 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения. В заключении

в Соловецкой тюрьме особого назначения. Приговорен постановлением Особой тройки УНКВД ЛО от 10.10.1937 к высшей мере наказания. Расстрелян 04.11.1937 в урочище Сандормох (Карелия).

⁹ Бибикова Ксения Михайловна (1899–1937) – ученый секретарь Института истории АН СССР. Арестована 30.04.1936. Приговорена ВК ВС СССР 27.12.1936 по ст. 17–58–8, 11 УК РСФСР к 10 годам тюремного заключения и 5 годам поражения в правах. В заключении в Соловецкой тюрьме особого назначения. Умерла 25.04.1937.

¹⁰ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, специалист по истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода, сторонник М.Н. Покровского. В прошлом меньшевик, со времени Первой мировой войны отошел от меньшевизма. Действительный член АН СССР с 1 февраля 1930, впоследствии вице-президент АН СССР, член РКП(б) с 1920. В 1947–1951 депутат Верховного Совета РСФСР. Один из организаторов Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Института истории Комкадемии, Общества историков-марксистов. В 1930–1935 – неперемный секретарь АН СССР. С 1933 – председатель Исторической комиссии при Отделении общественных наук, курировавшей историческую работу, которая велась в отдельных институтах АН СССР. В середине и в конце 1936 против В.П. Волгина и академика А.М. Деборина была проведена идеологическая кампания в связи с их меньшевистским прошлым.

¹¹ Неустановленное лицо.

¹² Скорее всего, имеются в виду помощник начальника 5-го отделения СПО лейтенант госбезопасности Лотошев и допрашивавший Н.И. Ульянова оперуполномоченный 3-го отделения СПО Половцев.

¹³ Речь идет о знаменитых «замечаниях» Сталина, Кирова и Жданова по поводу подготовленных в Институте истории Комкадемии конспектов учебников по истории СССР, с осуждением «исторической школы М.Н. Покровского» и переходом советской идеологии от «пролетарского интернационализма» к «советскому патриотизму». Эти принципы официально были закреплены в «Постановлении Совета Народных Комиссаров и ЦК ВКП (б) о преподавании гражданской истории от 16 мая 1934 г.». Тексты «замечаний» были опубликованы полтора года спустя: Замечания о конспекте учебника по новой истории 8–9 августа 1934 г. И. Сталина, А.Жданова и С. Кирова // Известия. – 1936. – 27 января; Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» т.т. Сталина, Кирова и Жданова // Историк-марксист. – 1936. – №1. – С. 5–6.

¹⁴ Ульянов Н.И. Очерки истории народа коми-зырян. – М.; Л.: Партиздат, 1932. – 182 с.

¹⁵ Вероятно, речь идет о переработке в монографию сборника документов: Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века / Подгот. Н.И. Ульянов. – Л.: Соцэкгиз, 1935. – 180 с. – (Ист. фак. ЛГУ им. А.С. Бубнова).

Олег Божков, Светлана Игнатова

Осмыслить непредсказуемое прошлое

Олег Борисович БОЖКОВ

*старший научный сотрудник
Социологического института РАН,
руководитель Научного центра
«Биографический фонд»*

Светлана Николаевна ИГНАТОВА

*научный сотрудник
Социологического института РАН*

Прошлое становится предметной областью различных наук, в том числе социологии. Это основа исторической и социальной памяти. Прошлое само конструирует реальность, влияет на индивида, социальную группу, общество в целом. Одним из методов анализа прошлого уже давно стало изучение биографий как исторического и социального феномена. Аналитический путь от индивидуальной биографии к биографии коллективной, к биографии социальной группы очень непрост, но вполне возможен. Кропотливое изучение биографий, объединенных каким-либо общим условием, явлением, характеристикой, позволяет преодолеть искусственное конструирование социальной памяти, а следовательно, трансформацию прошлого в идеологическом поле и его мифологизацию.

Палитра прошлого в политическом дискурсе бедна: белое – черное или светлое – темное. Цвета эти периодически меняются, так как прошлое наполнено событиями, оценка которых меняется в зависимости

olegbozh@gmail.com

s-ignatova@yandex.ru

от доминирующей идеологической доктрины. Именно это и дает некоторым острякам повод говорить о «непредсказуемом» прошлом. «Прошлое не дано нам отдельно от настоящего, и операция их сегрегации – это всегда операция сегрегации следов в настоящем: сосуществующих рубцов прошлого, недавнего прошлого и происходящего прямо сейчас. И идеология – как в положительном, так и в отрицательном смысле слова – действует через эти следы»¹.

В последнее время дискуссия о том, возвращаемся ли мы в Советский Союз, становится все более актуальной. СССР это наше прошлое, объективное и необратимое. Большая часть современного населения России родом из СССР. На заре перестройки было много исследований о советском в тогдашнем российском человеке. Совсем по-иному этот промежуток российской истории воспринимается гражданами сейчас. Уже сложилась временная дистанция, наполненная событиями государственными и личностными, появились новые представления и новые мифы. Мы попытались заглянуть в эти представления небольшой, но очень значимой социальной группы.

В течение девяти лет мы проводили исследование в сельской местности Нечерноземной полосы РФ, в типичной российской глубинке. Это были социологические экспедиции по Северо-Западу РФ (Тверская, Новгородская, Вологодская, Ленинградская области). Наши информанты – выходцы из крестьян, всю свою жизнь прожили на селе. Помнят и сталинские времена, и хрущевские, и брежневские, помнят по-разному. На одном из этапов многолетнего проекта объектом нашего изучения стали представители наиболее активной части сельского социума: сельские предприниматели, руководители сельскохозяйственных предприятий различной формы собственности, и главы администраций сельских поселений. В каком-то смысле эту группу можно охарактеризовать как сельскую элиту.

За несколько лет мы провели сплошное интервьюирование представителей вышеуказанной группы в семи районах четырех областей Северо-Запада РФ. Всего было собрано 175 глубинных интервью, 100 с главами администраций и 75 с руководителями предприятий. Интервью делилось на биографическую и экспертную части. Основным акцентом биографической части являлась трудовая биография, но в целом биографическое интервью было гораздо шире – от происхождения и образовательного пути информанта до подробностей его современной жизни, включая экономические проблемы семьи, досуг, проблемы детей, характеристики прошлого и будущего. При этом мы не акцентировали внимание на оценке разных промежуточных российской истории, а скорее шли за логикой рассуждений информантов. Таким образом, советский период времени не исследовался как самостоятельное явление. Нам было интересно, какие

¹ Напреенко Г. Призраки Маркса. Возвращается ли «совок»? 31.03.2014 // Colta.ru. – <http://www.colta.ru/articles/art/2688>

отсылки к данной эпохе будут встречаться в рассуждениях информантов в ходе подробного рассказа о своей жизни, если специально не акцентировать внимание на советской эпохе. В каком виде она существует в сознании и дискурсе наших информантов по прошествии более чем двадцати лет с момента крушения советской власти, является ли она еще актуальной и в чем эта актуальность.

Средний возраст информантов 48 лет, то есть значительная их часть родилась, выросла, социализировалась еще в СССР. Среди них практически не было людей младше 30 лет, что вполне объяснимо, если учесть основные характеристики исследуемой группы. Все получили образование и даже трудовой и социальный опыт в ту эпоху. СССР – это факт их собственной биографии, и так или иначе у них должны были сложиться какие-то взаимоотношения с этим временем.

Тот факт, что биографическое интервью посвящено преимущественно трудовой биографии, является и существенным недостатком, и одновременно значимым достоинством. Мы отдаем себе отчет в том, что биография любого человека шире, чем его трудовой путь, включает больше событий и явлений. В ходе исследования мы постарались расширить биографическую часть насколько это возможно. Ограничением служило только желание или нежелание самих информантов углубляться в факты своей жизни. В то же время трудовой путь является стержнем нашей жизни, хорошим базисом для построения разговора, значимой ценностью как в советском прошлом, так и сейчас, особенно для такой активной части общества, как сельские руководители. К тому же трудовой путь может захватывать разные эпохи, испытывать влияние тех или иных общественно-политических процессов, что находит отражение в ходе обсуждения. А уж слом идеологической и политической системы страны, повседневных условий жизни неизбежно отражается на экономическом и трудовом поведении ее граждан.

Человек способен вспоминать жизненные события благодаря семантической памяти и памяти эпизодической. «Автобиографический опыт, согласно Е. Тульвингу, кодируется именно в эпизодической памяти, которая удерживает контекстуально (во времени и пространстве) взаимосвязанные биографические эпизоды, позволяющие путешествовать во времени (как правило, в прошлое), ее (памяти) природа часто аффективна. Поскольку именно через семантическую память информация закладывается на хранение, это означает принципиальную невозможность „очистить“ автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических императива: „реабилитацию“ субъективности и развитие техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих произошедшее – пережитое – рассказанное. Внимание исследователя переключается с сомнения в правдивости рассказа на анализ направления преобразований запомненного события»².

² *Рождественская Е. Ю.* Биография как социальный феномен и объект социологического анализа: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Специальность 22.00.01. – М., 2013. – С. 18–19.

Исходя из этого, логично было бы ожидать актуализации советской риторики, или хотя бы ее «осколков», в части дискурса трудовых отношений, столь важных для наших информантов именно в ходе разговора о трудовом пути. Мы помним, что в СССР труд являлся важнейшей ценностью, наблюдалась некая более-менее стройная картина идеологем, связанных с трудом, от его обязательности до значимости для личности и общества. Собственно именно трудовые ценности у наших информантов и сохранили на себе еще налет советского, а все остальные сферы жизни оказались как бы десоветизированными. Именно когда в дискуссии были затронуты вопросы коллективной идентичности сельского товаропроизводителя, жителя села, трудовой идентичности, всплыли те ценности труда, которые мы бы охарактеризовали как советские, хотя в полной мере они таковыми на самом деле не являются, так как советская пропаганда присвоила себе эти ценности, включила их в «набор обязательных». «Коллективные идентичности скреплены, по мнению Эрнеста Ренана, единой волей по отношению к будущему и общим опытом прошлого. Они состоят, таким образом, из двух компонентов: опыта и ценностей»³.

В анализе мы выделили ряд моментов, на которые хотелось бы обратить особое внимание:

1. Когда мы говорим, что в сознании наших респондентов **отсутствуют советские идеологические штампы**, мы имеем в виду отсутствие в их нарративах дискурса советской политической и идеологической пропаганды. При разговоре о сельской жизни, о сельском хозяйстве, его развитии на данной конкретной территории никак не проявили себя различные советские речевые идеологические клише, шаблоны, так называемые советизмы. К ним, например, можно отнести политико-идеологические мифологемы, такие как партия, комсомол, советское государство, их ведущая и позитивная роль в развитии сельского хозяйства. В наших интервью с сельскими руководителями мы не встретили ни разу фраз такого типа: «как и все советские люди», «партия и народ едины», «руководящая роль КПСС», да и менее пафосных вроде: «тогда всем руководила партия» или «коммунисты представляли лучшую и наиболее активную часть общества». Или идеологические конструкты: «трудовой подвиг», «битва за урожай» и т. п., а также многочисленные их вариации.

Исследователи семантики языка считают, что «некоторые приемы обращения со словом в советское время стали для носителей языка схемой мысли; идеологическая индоктринация [...] по-прежнему конструирует словесные орудия [...]. Язык политического взаимодействия по-прежнему слишком тесно связан с недавними приемами идеологического режима последних советских

³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика – М.: Новое литературное обозрение, 2014; цит. по: <http://rusplit.ru/society/natsionalnye-skrepki-kollektivnoy-identichnosti-8887.html>.

десятилетий, поэтому сквозь линзу первого, еще очень короткого, постсоветского периода можно увидеть много нового внутри закрывшегося советского этапа русской истории»⁴. Мы не можем, да и не стремились опровергнуть такой вывод, но исследуемая нами социальная группа совсем не проявила советскую лексику, советские нарративы.

Они как-то легко ушли из обыденного сознания, из повседневной жизни наших информантов. Для них советская власть как бы стала данностью прошлого, – это прошлое было, с ним уже ничего нельзя сделать, они (как и мы) в нем жили, и оно было разным, и сложным, тяжелым, и хорошим, радостным, как и любое время, любая эпоха для рядового человека. Те информанты, кто в ходе интервью актуализируют в своем рассказе наличие советского времени, чаще всего характеризуют его абстрактным, внеэмоциональным словосочетанием «при коммунистах», «власть в сельсовете». Информанты, даже те, кто был коммунистом, говорят так, как будто это были внешние люди, не они сами, а кто-то иной, чужой, – как если бы инопланетяне некий промежуток времени управляли страной.

Вот знакомый у меня был, и я его спрашивал, за что его при коммунистах наказывали...

(М., 59 лет, руководитель хозяйства)

Мы зацепили немножко коммунизма. Нас немножко по-другому воспитали, скажем так. Я даже успел быть членом Коммунистической партии Советского Союза. Ну, когда учился в институте, сказали – отличник учебы не может быть не в наших рядах.

(М., 43 года, руководитель хозяйства)

Да, там одного освободили, до меня кто председателем работал, избрали меня. Ну, тогда ведь коммунисты были.

(Ж., 63 года, руководитель хозяйства)

Отец Бога не ругал, как это обычно коммунисты делают...

(М., 59 лет, руководитель хозяйства)

Ощущение внешнего идеологического давления, **давления практического со стороны государства** проскальзывает в тех или иных сюжетах из рассказов информантов про свою семью, про организацию производства, про религиозную жизнь на селе – «тогда было принято так» (про вступление

⁴ Гуссейнов Г.Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х годов: Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологических наук. Специальность 24.00.01. – М., 2002. – 503 с.

в ряды КПСС), «люди как зомби, им внушают все» (про разрушенную в селе церковь), «были все время под каким-то колпаком» (про сложности управления колхозом).

Даже в мое время, когда были колхозы, первое время, когда я еще был совсем маленький, в колхозах удерживали силой. Паспорта не давали, не давали уезжать. А потом была свобода, что пожалуйста...

(М., 59 лет, руководитель хозяйства)

А церковь в годы войны решили куда-то перевести на кирпичи. И когда ломали ее, дети, которые сейчас уже бабушки, и сейчас они рассказывают: «Мы смеялись, когда сбрасывали оттуда колокол, разбивали камни». Они ее разбивали, а ее даже и не разбить было [...]. И вот так разбили ее. А со временем стали думать: «Как же так мы не защитили ее?». Но это политика. Люди как зомби, им внушают все. Нет, не надо церкви, ничего – и они верят. Думаю, что вот так вот. А сейчас вот стали строить и все сразу рады, говорят теперь, что надо только так. Это в зависимости от политики. В зависимости от того, что людям начинаешь навязывать.

(Ж., 44 года, глава администрации)

2. В сознании наших информантов прошлое актуализируется через понятия «раньше», «тогда» без четкого временного отнесения. Это «раньше» может оказаться совершенно любым промежуток, когда что-то было лучше или хуже, легче или труднее, чем «сейчас», «потом». Лучше по объективным показателям – стабильности производства, технической оснащенности, социальному, бытовому оснащению села: «раньше была программа строительства жилья для населения»; «раньше деньги давали на это дело»; «раньше, вот, допустим, по объему производства продукции каждый житель Лесного района кормил семь человек»; «раньше были как-то ограничены до 15 соток»; «раньше производили, ведь все же поля обрабатывались»; «раньше намного проще было, работать с людьми проще». Или хуже, труднее, потому что у крестьянина не было «свободы в работе», «запрещено было двух коров держать людям на селе. Это каралось законом. [...] Если узнают, что хлеб поросенку дают люди, заводили уголовные дела», трудно было достать технику, запчасти, ситуация в стране в период перестройки была настолько плачевной, что «досталось, конечно, хлеб пекли дома [...]». Но выжили».

Ну, менялось, конечно. И вот когда я пришла, и когда уже прошло 20 лет, конечно, все сменилось. Раньше ни жилье, ничего не строилось, ни скот, ни фермы не механизировались. Вот в 85-м году я занялась в основном механизацией животноводческих ферм. Все сделали – и навоза

удаление, и кормораздачу, и доение – молокопроводы пошли. А сейчас все опять, все уже хуже.

(Ж., 63 года, руководитель хозяйства)

По поводу этой цитаты у нас возникли разногласия. По словам этого же информанта, «раньше», то есть в советское время, как раз строилось жилье, и техникой колхозы обеспечивались, правда, не все. 1985 год, когда информанта выбрали председателем, – тоже советское время в его позднем периоде. Во всяком случае, очевидно, что это «раньше» не привязано к какому-то конкретному отрезку времени. Такое «раньше» может оказаться в далеких 70–80-х годах, когда в село вкладывали довольно большие деньги, а может и быть сложными 90-ми, когда происходил коренной слом сложившейся десятилетиями системы хозяйствования, а может быть совсем рядом в силу изменившихся в очередной раз условий, правил организации жизни, экономической деятельности.

Вся земля обрабатывалась тогда. Зерновые были очень высокие. В общем, развитые были в 1982-м. А потом где-то до 92-го вроде как-то все жилось, а потом начался спад. Пошел спад, стало тяжело совсем...

(Ж., 44 года, глава администрации)

Раньше в школе учили и трактора водить, автомобили водить; своя техника также была. Права получали, поэтому как-то оживленно было и [...]. Все-таки, вот, может, даже за счет того, что в то время такая политика проводилась со школами, вот эта профориентация, за счет этого, наверное, и живет наше село. Что, в основном, сейчас работают те, кто вот остался. Из молодых. Так бы, конечно, может быть, и не было бы такой деревни, как сейчас.

(Ж., 47 лет, глава администрации)

Начиная до 90-го года мы более-менее еще жили, нормально. А особенно когда – вот в каком году доллар-то подорожал? Это уже вообще было [...]. Наверное, в 98-м году, да?

(Ж., 50 лет, глава администрации)

И при моей жизни ведь были года, когда был подъем сельского хозяйства [...]. А потом все стало опять нарушаться.

(М., 43 года, руководитель хозяйства)

Вот прошлый год мы жили лучше, чем в этот год, нам ставили деньги, и на благоустройство ставили первый год, ставили нам на другое [...] на другие мероприятия.

(Ж., 46 лет, глава администрации)

А школьный городок, он построен еще у земства. Раньше вот такие были, может, знаете, да. Вот. Это в 1914-м году.

(Ж., 47 лет, глава администрации)

3. Для наших информантов **«прошлое» и «настоящее» это череда событий**, которые несут в себе повседневный психологический дуализм – то «трудности», то «стало лучше», и зависят они от внешних ограничений, внешних влияний на условия повседневной жизни. А какая на дворе эпоха, становится уже не столь актуально, потому что в повседневной жизни приходится адаптироваться к любой эпохе, включаться в нее. И тогда в каждой эпохе в том, что мы называем условиями жизни что-то становилось лучше, а что-то становилось хуже.

Раньше не было как сейчас... Свобода в работе. Были все время под кажим-то колпаком. Сейчас появилась свобода [...]. Но раньше жить легче было. Сейчас, конечно, свободы больше что-то сделать...

(М., 59 лет, руководитель хозяйства)

Вот тяжелый период был, я его хорошо помню [...]. Но раньше жить легче было [...]. Раньше надо было пойти и накосить на корову, сейчас надо пойти накосить – в этом смысл деревенского труда.

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

В старые времена вносили удобрения, сейчас на это нет денег. А тогда деньги в районе выделялись [...]. Раньше было трудно достать [запчасти], поэтому везде ездил, по району, области, доставал [...]. А сейчас что, лишь бы деньги были, остальное все привезут.

(М., 47 лет, руководитель хозяйства)

Да гладко никогда в сельском хозяйстве не было. В сельском хозяйстве всегда были перестройки, всегда что-нибудь выдумывали. Всегда обещали много и обманывали хорошо.

(М., 57, руководитель хозяйства)

4. **Ценностью, глядя из настоящего, становится стабильность**, которая очень важна для занятого в сельском хозяйстве. Весь его производственный цикл успешен только в условиях стабильности при тотальной зависимости от изменчивости погоды, различных внешних условий (большой урожай – низкие цены на продукцию, низкий урожай – отсутствие прибыли). В этих условиях стабильно функционирующее предприятие является гарантом стабильности и трудовой, и повседневной жизни.

Как бы совхоз стабильно работал. Значит, в то время люди, кто работал в совхозе, получали деньги, регулярно получали, и все-таки совхоз у нас гремел...

(Ж., 44 года, глава администрации)

Раньше до перестройки стабильно все было. Взяли, допустим, технику [...]. Восемь-десять лет техника отработала и ее списывали. Покупали новую. Работать было интересней, раз новая техника.

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

Раньше было сильное хозяйство. [...] Мы почему здесь остались, потому что нам здесь дали квартиру. Мы были бедные, как сказать [...]. Самое главное, крыша над головой. [...] и работу предоставили, и ему, и мне [...]. Ему трактор дали новый сразу. Как-то было работать поинтереснее. Сколько сеяли, пахали, всего делали. Весело было на деревне. Интересно. Какая-то была перспектива. А сейчас же этого ничего нет [...]. Три фермы было. Поля все сеяли, пахали. А теперь чего? Зарплата была хорошая, платили заработную плату хорошую...

(Ж., 50 лет, глава администрации)

А в то время хозяйство, вот когда мы работали, было очень крепкое, прибыльное. И коттеджи строили, и дорогу делали. Так что приятно было работать. У нас ферма была, и душ был, и красный уголок был, очень хорошо, приятно было.

(Ж., 48 лет, глава администрации)

Вот такой бардак был в то время. Вот сейчас более-менее чего-то вроде стабилизировалось. Но вот тогда был беспредел.

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

5. Труд остается важнейшей ценностью, самым значимым фактором сохранения столь желаемой устойчивости. Это труд не ради советской родины, труд не во имя каких-то достижений, это повседневный тяжелый труд крестьянина, потому что на селе надо всегда трудиться.

Раньше надо было пойти и накосить на корову, сейчас надо пойти накосить – в этом смысл деревенского труда.

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

Просто мы теперь забыли об основных стимулах жизненных человека, который живет в селе, для чего он тут предназначен. Для того,

чтобы жить на земле, земля ему что-то произвела, он потребил и помог другим.

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

Руководитель [колхоза] перед пенсией [...] мне очень много чего показал, дал, как нужно работать, учил. Как он сказал: «Пока я жив, поучу тебя».

(Ж., 50 лет, руководитель хозяйства)

Да и сейчас, я считаю, работать всегда интересно. Если ты стремишься к чему-то, если у тебя работа есть, ну, не знаю, как может работа кого-то не интересовать [...]. Всегда интересно, когда работа есть, на любой должности.

(Ж., 52 года, глава администрации)

Земля любого человека может прокормить, только к ней нужно подойти с умом [...] Это просто нужно приложить силы...

(М., 50 лет, руководитель хозяйства)

Тот, кто трудится, является понятным, предсказуемым, таким «как раньше». И в условиях всеобщего развала, крайнего неблагополучия на селе, занятый человек становится ниточкой, связывающей прошлое, настоящее и будущее. Не зря будущее связывается либо с личным: «выберут – буду работать», либо с коллективным: «если хозяйство будет работать». Безработный, не желающий работать сам генерирует в сельском социуме нестабильность. Отсюда актуализация воспоминаний об успешной борьбе с теми, кто не трудился в советское время.

Раньше вот закон, что если ты не работаешь, значит, ты тунеядец [...]. А сейчас вот работы везде предостаточно [...]. Не было бы центров занятости – люди бы работали. А сейчас в центры занятости поставят, да еще и соцстрах им пакеты всякие дает...

(Ж., 52 года, руководитель хозяйства)

Раньше, если человек не работает, то он тунеядец, к нему принимали меры. В эту же комиссию при сельском совете его вызовут, поговорят. А сейчас и не надо, не работает, ради бога [...]. Столько безработных в деревнях – это ужас. И не заставить работать.

(Ж., 51 год, глава администрации)

6. «Колхоз» по прежнему является основной общественной мифологемой советского и постсоветского села. Однако отношение к нему

у наших информантов очень неоднозначное, а по прошествии стольких лет даже взвешенное; оно основано на непосредственном участии в самом явлении. «Развал» колхоза (совхоза) воспринимается как локальная катастрофа, но лишь потому, что этот «развал» лишил сельских жителей такой значимой повседневной стабильности: исчезли рабочие места, возникла угроза сельскому образу жизни. Не стало привычного цементирующего начала, вокруг которого строилась жизнь на селе: колхоз раньше отвечал за все, поскольку таким образом государство выстроило социальное взаимодействие внутри сельского сообщества.

Раньше все равно лучше жили [...]. Больше-то все равно зависит от колхоза, колхоз существовал, колхоз был миллионером, по тем временам, была вся техника, все люди были уже обеспечены [...]. Так раньше же много очень выделялось внимания людям, за счет колхоза ведь они везде ездили отдыхали, премии всякие разные, люди у нас хорошо жили здесь [...]. Строительство такое было, вот этот поселок полностью колхоз построил, детский садик, школу, все колхоз строил. Это же все настроено колхозом, потому что колхоз был богатый. И люди у нас жили, не знаю, хорошо, по сравнению с другими колхозами [...]. Стали колхозы, вот эти вот, перестройка-то вот все дала, вот, стали рушится колхозы, уже просто не выжить, мне так кажется, что из-за этого. Молодежь стала уезжать, теперь ведь мало молодежи здесь. Молодежь уезжает, деревня начинает вымирать.

(Ж., 46 лет, глава администрации)

Но эта привязка к колхозу достаточно ситуативна, она как раз основана на некоторой функциональности, работоспособности тех условий колхозного строя, в которых жили и работали наши информанты на конкретной местности, в конкретное время. А если их взгляд отодвигается на некоторое расстояние, дистанцируется, то появляется совершенно иная трактовка явления.

Вообще сгубила коллективизация, как мы тут вчера [...]. Когда отбирали коров, лошадей, заставили всех вести, бабушка мне говорила. Тоже не надо было этого делать. Коллективизации рада была вся гольтьба, говорит, которые любили винцо пить, а работать не любили. Вот они были – как их называли раньше – босяки. А кто, говорит, середняки, – мы работали, трудились [...] <таких крестьян> отправили на каторгу, за то, что ты хозяйство держал, обрабатывал. [...]. И не надо было укрупнять, конечно. [...] Но мне кажется, теперь уже ничего не сделать, из города никто не поедет. Поедет кто-то из города, как вы вот думаете, молодые?

(Ж., 50 лет, глава администрации)

Кому колхозы помешали, непонятно. Теперь легче за границей покупать, теперь, конечно, мы не нужны. Все куплено, все есть, все за границей купят. А тогда же своей продукции было девать некуда. Только куда она девалась, неизвестно. Не было же ничего в магазинах. Ни молока, ни мяса, хотя мы производили вон сколько! А сейчас же все в изобилии, рынок насыщен! Кого сейчас будешь критиковать, никого – приди в магазин, что тебе надо, были бы деньги. Хоть колбасу, хоть мясо – что угодно бери. Это уже не от нас зависит, это уже высшие чины. А мы производили-то очень много.

(Ж., 63 года, председатель СПК)

Колхозный строй он хуже. Он изначально был ущербный. Изначально. Без хозяина нельзя [...]. Хозяин должен быть, без хозяина никак.

(М., 36 лет, руководитель хозяйства)

И тем не менее, данная идеологема продолжает жить в сознании и лексике информантов, хотя юридически она исчезла из дискурса еще в 1990-е годы. Некоторые сельскохозяйственные предприятия, несмотря на организационную форму ООО или СПК, в названии сохранили это слово, например, СПК «Колхоз „Путь Ленина“», ООО «Колхоз „Призыв Ильича“» и т. п. Эта та самая «схема мысли», по Г. Гусейнову, которая по-прежнему конструирует сознание и вербальные штампы в крестьянской среде, но уже не является идеологически наполненной. Скорее всего, информанты ничего не хотели доказать или продемонстрировать, возможно, это та же ниточка, которая связывает крестьянское нестабильное настоящее с более стабильным прошлым. В ходе интервью информанты все время сбиваются и предприятие называют то «наше предприятие», то «хозяйство», то «колхоз» (или «совхоз»), а рабочих называют или по профессиям (дойарка, тракторист и проч.) или работниками, колхозниками.

А что колхозники? Колхозникам давай работу, давай зарплату. Им-то какая разница, людям-то [...]. Вот было соседнее успешное хозяйство – его сегодня нет.

(М., 57, руководитель КФХ)

И вот меня попросил коллектив, чтобы я возглавила как руководитель, как председатель колхоза.

(Ж., 50 лет, руководитель хозяйства; стала директором в 2003)

Если бы она [дочка] пошла в сельскохозяйственный институт на агронома или на зоотехника, было бы направление какое-то

сельскохозяйственное, она бы уже вернулась, наверно. Пусть не в мой колхоз, там в другой какой-то.

(Ж., 41 год, руководитель хозяйства)

Такие оговорки характерны, как мы видим, даже для тех информантов, кто в настоящее время сумел оформить крестьянско-фермерское хозяйство на базе бывшего ООО или СПК (в прошлом, колхоза/совхоза) и является фактически частным сельским товаропроизводителем. Если текущее состояние предприятия ими четко артикулируется как частное, то работники могут оказаться колхозниками, а совсем недалекое прошлое – колхозом, когда колхозов-то в стране уже и не было.

Итак, подведем итоги:

1. При разговоре о сельской жизни, о сельском хозяйстве, его развитии на данной конкретной территории никак **не проявили** себя различные советские и постсоветские **идеологические клише**. Понятие «колхоз» и производные от него (например, колхозник, председатель колхоза и т. п.) стали исключением из этого «правила».

2. Для наших информантов **«прошлое» и «настоящее» это череда событий**, которые несут в себе повседневный психологический дуализм – то «трудности», то «стало лучше», и зависят они от внешних ограничений, внешних влияний на условия повседневной жизни.

3. Ценностью, глядя из настоящего, **становится стабильность**, которая очень важна для занятого в сельском хозяйстве.

4. **Труд остается важнейшей ценностью**, самым значимым фактором сохранения столь желаемой устойчивости. Это труд не ради советской родины, труд не во имя каких-то достижений, это повседневный тяжелый труд крестьянина, потому что на селе надо трудиться всегда.

5. **«Колхоз» по прежнему является основной мифологемой и советского, и постсоветского села**. Однако отношение к нему у наших информантов очень неоднозначное, а по прошествии стольких лет даже взвешенное, оно основано на непосредственном участии в самом явлении.

В описании своей жизни наши информанты удивительным образом продемонстрировали, что советскость как таковая не являлась для них ценностью. Если говорить на языке политического дискурса, то в этой области самое ценное для них в прошлом – «уверенность в завтрашнем дне». В их рассказах можно идентифицировать как непререкаемые ценности их собственную молодость, а также порядок и предсказуемость. Практически все информанты говорили о том, что во все времена много и трудно работали. Но и эта работа воспринимается ими как непреходящая ценность.

В рассказах о прошлом не было ни умилительной ностальгии, ни ожесточенных проклятий. Это был, как правило, спокойный рассказ; гораздо более эмоционально напряженным он становился, когда речь заходила о настоящем (интервью проводились в 2005–2009 гг.). Именно здесь звучали и боль, и обида, и даже злость.

Таким образом, при изучении восприятия прошлого и его оценки можно уйти от идеологии и пропаганды. Поэтому здесь не годятся традиционные анкетные опросы, скорее нужно дать возможность людям говорить на привычном для них языке о том, что для них актуально, значимо и в прошлом, и сегодня.

Константин Годунов

Пьеса А.В. Луначарского «Оливер Кромвель» в контексте советской политической истории

Константин Валерьевич ГОДУНОВ

*Европейский университет
в Санкт-Петербурге, слушатель*

Одна из важных характерных черт современной историографической ситуации – расширительное толкование сферы политического. Представление о том, что без учета политико-культурных элементов понимание политической истории будет неполным, приобретает все большее распространение. История раннесоветских праздников, театрализованных представлений и ритуалов может дать материал для размышлений о том, как в «эпоху войн и революций» формировалось представление о роли и функциях революционного вождя.

Начало 1920-х годов – время дискуссий, во многом определивших пути дальнейшего развития Советского государства. Левые группы внутри большевистской партии (прежде всего, «рабочая оппозиция» и группа демократических централистов) ставили вопрос о степени допустимой централизации партии, о бюрократизации ВКП(б) и росте влияния вождей¹.

¹ См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995. – С. 90–131.

Данный доклад построен на предположении, что эти дискуссии оказали косвенное воздействие на один из не вполне обычных художественных текстов – пьесе А.В. Луначарского «Оливер Кромвель». Помещая феномен власти в политико-культурный контекст, можно попытаться выявить отношение к меняющейся политической реальности, «закодированное» в том числе и в форме художественного произведения.

«Меня интересовал вопрос о психологии вождя»

Пьеса Луначарского «Оливер Кромвель» была опубликована в конце 1920. В ноябре 1921 в Малом театре состоялась премьера драмы (главную роль исполнил глава дирекции театра А.И. Сумбатов-Южин²).

Симптоматично то, каким образом Луначарский характеризовал саму идею революционного лидерства. Комментируя свой замысел, нарком просвещения писал: «меня интересовал вопрос о психологии вождя <...>, вождя революционного, потому что в революционном вожде особенно сильно сказываются любопытные и важные черты»³. Луначарский выстраивал образ Кромвеля определенным образом и в соответствии с этим осмыслял биографию лорда-протектора. Канва пьесы – описание того, как революционный вождь укрепляет свою власть с помощью насилия как по отношению к врагам справа (королю), так и по отношению к противникам слева (левеллерам). Сосредоточение чрезвычайной власти в руках революционного лидера приводит к стабилизации и укреплению государства.

Подобный подход наложил отпечаток на характер повествования – «народные массы» не играют важной роли в событиях пьесы. Единственная серьезная сила, действующая помимо вождя, – армия, находящаяся под влиянием левеллеров, но и ее Кромвель подчиняет своей власти.

Можно выделить несколько характеристик главного героя пьесы.

Луначарский описал вождя революции, стремящегося к ее окончанию. Кромвель говорит о себе: «Мой меч восстановит закон! Я – человек порядка»⁴. Принимая титул лорда-протектора, главный герой размышляет о своей роли уникального вождя, единолично творящего историю: «Как странно я себя чувствую... Мне кажется, что я расту... что я громаден, что я великан... Да. Все это оттого, что Англия у меня на руках»⁵.

² С главой театра Луначарского связывали дружеские отношения, подчас принимавшие характер патрон-клиентских связей. «Оливер Кромвель» стал первым спектаклем по пьесе советского автора, поставленным на сцене Малого театра.

³ Луначарский А.В. Комментарии к моим драмам // Вестник театра. – 1920. – № 76–77. – С. 16.

⁴ Луначарский А.В. Оливер Кромвель: Историческая мелодрама. – М.: ГИЗ, 1920. – С. 9.

⁵ Там же. С. 11.

Кромвель сомневается в том, что абсолютная свобода может быть достигнута: «Я не знаю, будет ли когда-нибудь на земле существовать демократия. Избранному народу в лучшие времена Господь посылал судей»⁶. Едва ли можно говорить о том, что Луначарский имел в виду прямые параллели, но любопытно сравнить позицию, приписываемую Кромвелю, с речью В.И. Ленина, произнесенной во время празднования 3-й годовщины революции: «Нужны сознательность и единство рабочих и крестьянских масс, сознательность и сплоченность вокруг партии большевиков и Советов. Что еще нам нужно? Дисциплина»⁷.

Не менее важно то, что в центре повествования – лидер, думающий о том, что он вершит дело Господне (пьеса начинается со сцены молитвы в семье Кромвелей и с цитирования Кромвелем Библии – стиха об исходе избранного народа из Египта). Рассуждая о том, что «надо еще пролить много крови», главный герой пьесы характеризует себя: «Я – палач Господень»⁸. Мильтон, называя Кромвеля «Моисеем Англии», говорит об избранности вождя: «Дух Божий на тебе, муж сильный»⁹. Вероятно, особое отношение Луначарского к религии нашло свое отражение в тексте пьесы – в характеристику революционного вождя он вносил религиозное напряжение.

Кромвелю противостоят левеллеры, которые ожидают скорой победы религиозной революции в мировом масштабе: «только когда весь мир загорится – узнаем, что Страшный суд наступил и мирное сладостное царство Божие стоит у врат»¹⁰. О левеллерах Кромвель говорит: «Конец пути лежит в туманах химеры. Всякий мудрый вождь должен остановиться вовремя. Конец пути – бездна»¹¹. Можно предположить, что в этих строках проявилось представление Луначарского о том, что революция в России должна понять свои пределы.

«Оливер Кромвель» как *contested space*

Политический контекст влиял как на автора пьесы, так и на ее восприятие читателями, которые угадывали в тексте исторической драмы аллюзии на современные события. В своем разборе пьесы, оставшемся неопубликованным, Сумбатов-Южин отмечал: «...религиозный, чисто политический и строго национальный характер первой английской всенародной, а не классовой революции, какою была эпоха Кромвеля <...> – этот характер не мог лишиться ее тесной связи

⁶ Луначарский А.В. Оливер Кромвель. – С. 6.

⁷ Людвинская Т.Ф. Сила ленинского слова // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. – Т. 2. – М., 1957. – С. 287.

⁸ Луначарский А.В. Оливер Кромвель. – С. 61.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 6.

с переживаемой нами революцией нерелигиозного, классового и интернационального характера»¹². Это сходство автор статьи видел «в общности психики вождей всех революций, которые когда-либо и во имя чего угодно ниспровергали прежнее и устанавливали новое»¹³.

Супруга Луначарского Н.А. Луначарская-Розенель писала в своих воспоминаниях: «несмотря на то, что действие драмы происходит в Англии, в далекое от нас время, идея драмы „Оливер Кромвель“ глубоко революционна, ее проблематика современна и для наших дней¹⁴; а тогда, в первые годы становления Советской власти, она прозвучала как могучая симфония о судьбах революций и героев, возглавлявших народные восстания»¹⁵.

И. Ольбрахт писал о произведении Луначарского как о пьесе «хотя и исторической, но все же продиктованной пролетарской революцией»¹⁶.

Попытка возвращения лидеру религиозной революции «права на имя» далеко не всеми была воспринята положительно. За историей столкновения Кромвеля с левеллерами читатели видели отголоски более актуальных споров. Вокруг пьесы развернулась одна из первых крупных политико-театральных дискуссий в Советской России.

Дискуссия касалась не только и не столько развития театра и художественных качеств пьесы Луначарского, – аргументы оппонентов наркома просвещения носили во многом политический характер. Один из идеологов Пролеткульта П.М. Керженцев в заметке, напечатанной в «Правде», писал о пьесе: «...автор восхваляет Дантона английской революции – Оливера Кромвеля и посрамляет ее Маратов – левеллеров <...>. Это настоящий гимн политическому соглашательству и суровое порицание коммунистическим настроениям эпохи <...>. Давно пора свести фантазию некоторых наших коммунистов-поэтов в суровые, но необходимые рамки партийной дисциплины»¹⁷.

Ответ Луначарского достаточно характерен: «Кромвель был кульминационным „героем“ революции XVII века, а левеллеры являлись для того времени утопистами и фактически играли роль, подобную нынешним анархистам, которые во имя и нами признаваемого идеала безгосударственности резко критиче-

¹² Сумбатов-Южин А.И. «Оливер Кромвель» – историческая мелодрама А.В. Луначарского. – РГАЛИ. Ф. 878 (Южин Александр Иванович). Оп. 1. Д. 216. Л. 33об. Стоит заметить, что Луначарский был знаком со статьей и в письме к автору согласился с основными оценками: Луначарский А.В. Письма А.И. Южину // А.В. Луначарский. Неизданные материалы. – М., 1970. – С. 375–378.

¹³ Сумбатов-Южин А.И. «Оливер Кромвель». Л. 33об.

¹⁴ Мемуары Н.А. Луначарской-Розенель были опубликованы в 1962.

¹⁵ Луначарская-Розенель Н.А. Память сердца. Воспоминания. – М., 1975. – С. 61.

¹⁶ Из книги И. Ольбрахта «Картины современной России» // Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр 1917–1921. – Л., 1968.

¹⁷ Керженцев П. Драматургия тов. Луначарского // Правда. – 1920. – 20 ноября.

ски обрушиваются на политику т. Ленина»¹⁸. Весьма знаменательно, что в ходе историко-политического спора возникли фигуры советского лидера и анархистов, а позиция левеллеров соотносилась с позицией левых оппонентов большевиков.

После публикации статей 26 ноября 1920 в Доме печати состоялся диспут о драматургии Луначарского. В дискуссии участвовали В.В. Маяковский, В.Я. Брюсов, В.Б. Шкловский, А.А. Мгебров, свою позицию еще раз обозначил П.М. Керженцев. Неприятие вызвало то, что в центре пьесы находилась фигура вождя: «У него (Луначарского. – К.Г.) историю все еще творят личности, великие события рождаются в результате столкновения личных страстей, а не в борьбе коллективных интересов»¹⁹.

После дискуссии Луначарский усилил идею о Кромвеле как предшественнике большевиков, – по окончании дебатов им был написан альтернативный финал пьесы. Умиравший Кромвель обращался к зрительному залу, предвосхищая приход к власти большевиков: «Да, вы совершите великое. О, вы далеко впереди! Далеко впереди! Вы счастливы, вы ближе к концу битвы за равенство. Но вы понимаете: я делал то, что муж твердый должен был сделать в мой век. Да, да, мы с вами, и самые ошибки мои вам в поучение и пользу <...>. Вы поняли меня... Вы мои дети... Вы не осудите вашего предтечу»²⁰. Большевики, таким образом, выступали не наследниками якобинцев и французских коммунаров, сравнение с которыми было важной частью самосознания российских революционеров, – они, в соответствии с логикой пьесы, становились продолжателями дела лидера религиозной революции.

По всей видимости, подобный ответ оппонентам был продиктован особым отношением Луначарского к смерти. Биограф политика так описал взгляды наркома просвещения: «Луначарский предлагал замену тому бессмертию, которое христианство обещает людям „за праведное поведение“. Мысленно объединяя прошлое и будущее, Луначарский считал коллектив моделью всего человечества. То есть что нынешнее поколение людей неразрывно связано как со своими предками, так и с потомками»²¹. Отвечая на критику, в альтернативном финале пьесы Луначарский выстраивал еще более явные ассоциации между двумя революционными эпохами, чем в основном тексте. Поздний вариант финала, впрочем, не был опубликован при жизни наркома просвещения²².

¹⁸ Луначарский А.В. Письма в редакцию // Правда. – 1920. – 28 ноября.

¹⁹ Вестник театра. – 1920. – № 76–77.

²⁰ Неопубликованный вариант финала драмы «Оливер Кромвель» // А.В. Луначарский. Неизданные материалы. – М., 1970. – С. 370–371.

²¹ О'Коннер Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. – М., 1992. – С. 81.

²² Один из оригиналов хранится в: РГАСПИ. Ф. 142 (А.В. Луначарский). Оп. 1. Д. 363.

Заключение

Издание пьесы и дискуссии вокруг нее были не самыми значимыми, но довольно яркими симптомами оформления нового политического порядка. Обращение к истории «Оливера Кромвеля» еще раз подводит к вопросу, в общем виде сформулированному в концептуальной работе по российской истории: «Насколько глубоко было „потрясение основ“ традиционной российской государственности в результате революции 1917 г. и какие направления в ее многовековом развитии оказались наиболее устойчивыми и были восприняты (естественно, с учетом изменившихся условий) новым партийно-государственным строем»²³.

Материалы, используемые в данных заметках, не дают возможности делать чрезмерно широкие обобщения. Многие вопросы, связанные с историей пьесы, остались неосвещенными. В частности, представляется небезынтересным более глубоко изучить историю пьесы в контексте политических конфликтов различного уровня, проанализировать особенности организации пьесы Малым театром в контексте патрон-клиентских отношений, сопоставить историю пьесы с иными художественными произведениями Луначарского.

Думается при этом, что сам факт того, что на исходе Гражданской войны нарком просвещения в определенном ключе переосмысливает биографию вождя религиозной революции, заслуживает внимания, – история «Оливера Кромвеля» дает некоторое представление о ценностных ориентирах различных элитных групп.

²³ Власть и реформы. – С. 708.

Михаил Горинов

Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии

Биографический словарь и анкеты (1918–1946)

Михаил Михайлович ГОРИНОВ

*ГБУК г. Москвы
«Дом русского зарубежья
им. А. Солженицына»*

Большое место в деятельности Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына занимает профессиональное сотрудничество с сербскими коллегами в изучении роли и места русской эмиграции в жизни КСХС / Югославии. Одним из результатов этого сотрудничества является издание: «Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии. Биографический словарь и анкеты (1918–1946)». Данный справочник является результатом совместной работы сербских исследователей из Архива Югославии и российских – из Дома русского зарубежья¹. Читателям представлены краткие жизнеописания российских медиков-эмигрантов. Среди них – сын киевского священника, участник Белого движения

¹ Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: Биографический словарь и анкеты (1918–1946) = Руски лекари у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца / Југославији: Биографски речник и анкете (1918–1946) / Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Архив Югославии; отв. ред. М. Милошевич, В. Москвин; сост. М. Горинов-мл., М. Сорокина, Н. Петрович, М. Медакович, Р. Радженович. – Белград; М.: ДРЗ им. А. Солженицына, 2012. – 456 с.

терапевт Сергей Трегубов, служивший в больницах Сараево и Белграда и умерший в США; Серафима Постникова, дочь волостного старшины, закончившая Женский медицинский институт в Петербурге и работавшая эпидемиологом в селах Сомборского уезда. Яркими фигурами являются Виктор Островидов, один из основоположников хорватской психиатрии; выпускник Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге педиатр Александр Солонский, директор амбулатории Красного Креста в Белграде; Сергей Рамзин, профессор Военно-медицинской академии в Белграде, создатель государственной противозэпидемиологической службы КСХС; врач-гинеколог Константин Мазурин, известный также как предприниматель, музыковед и поэт. Хирург Михаил Коберидзе, состоявший в Бакинской организации РСДРП вместе со Сталиным, после Гражданской войны сбежал в Чехословакию, а затем работал в Сербии врачом в местечке Горня Топлица. Екатерина Веверн и Наталья Киселевская после Второй мировой войны вернулись в СССР и жили в Ярославле.

Биографический словарь впервые вводит в научный и общественный оборот наших стран имена и биографии почти двух сотен русских врачей-беженцев, анкетные материалы которых сохранились в Архиве Югославии (Белград, Республика Сербия). Каждая персоналия представлена анкетой медика из фонда Министерства социальной политики и национального здравоохранения Королевства Югославии (Ф. 39) Архива Югославии, составленной самим лицом в 1946 на сербском языке, и биографической справкой того же лица на русском языке, написанной российскими составителями издания на основании дополнительных архивных и литературных источников российского происхождения.

Основным источником информации в словаре стали анкеты медиков под названием «Листы личных и служебных сведений», имеющие типовой характер. В этих анкетах представлены данные о времени и месте рождения врачей, их семейном положении на время заполнения анкет, сведения о среднем и высшем образовании, научной специальности, знании иностранных языков, о военной, государственной, социальной и частной службе в Югославии.

Биографические данные статей на русском языке не всегда совпадают с текстом анкет. Дополнительные архивные исследования позволили уточнить многие данные этих анкет. Важнейшим источником новых биографических сведений о российских врачах послужили их личные дела, хранящиеся в фондах высших учебных заведений бывшей Российской империи (в фондах Московского, Казанского, Новороссийского университетов, Военно-медицинской академии и Женского медицинского института в Санкт-Петербурге) и Чехословакии (фонд пражского Карлова университета), в которых мы выявили отсутствующую в анкетах информацию о конфессиональной принадлежности медиков. Так, практически все российские врачи (97%) были православными, хотя среди них встречались и отдельные представители других вероисповеданий: иудеи, староверы, греко-католики, армяно-григориане.

Личные дела также предоставляют данные о социальном происхождении некоторых российских врачей (46 из 190), об их родителях, братьях, сестрах. Тринадцать человек из этой группы происходили из дворянских семей, одиннадцать были детьми священников, десять – купцов, семь – мещан, пять – крестьян. Отвечая на вопросы анкеты, касающиеся семейного положения, российские медики называли своих жен и мужей на 1946 год, а их личные дела содержат информацию и о первом браке, если таковой был.

Давая ответ на вопрос анкеты об окончании вуза, некоторые врачи не указывали, в каком именно университете они учились, а писали только, что окончили «медицинский факультет». В статьях, используя материалы российских архивов, мы восполнили этот пробел в отношении некоторых персоналий. Кроме того, благодаря личным делам, мы выявили и дали точное наименование средних учебных заведений, которые окончили российские медики. Так, если в анкете сказано, что А.М. Зайцев закончил просто «гимназию», то в статье мы уточняем, что он является выпускником реального училища А.С. Черняева в Петербурге. Кроме того, значительное число лиц окончило духовные семинарии в дореволюционной России. Между тем, заполняя анкету в 1946, при новом политическом режиме в Югославии, они по понятным причинам об этом факте умалчивали. Скрывался и факт окончания военных учебных заведений, кадетских корпусов.

Есть разночтения и во времени окончания российскими врачами средних и высших учебных заведений. Так, в статье о И.Е. Трифонове мы отмечаем, что он окончил киевский Университет св. Владимира в 1914, а в анкете он пишет, что закончил его в 1916. Дело в том, что в качестве даты окончания вуза мы приводим взятую из его личного дела дату защиты диплома, а не его выдачи. В анкетах же временем окончания вуза зачастую называется год выдачи диплома.

Сопоставление данных анкет с материалами российских архивов показывает, что в анкетах российские медики иногда указывали место своего рождения неточно. Так, например, Б.И. Иванов и А.З. Кольцов написали, что родились в Москве, хотя, как следует из их личных дел, Иванов – уроженец города Раненбург Рязанской губернии, а Кольцов – села Коротояк Воронежской губернии. Некоторые врачи предпочитали указывать в анкетах в качестве места своего рождения города, а не села: так, С.М. Постникова написала, что родилась в Воронеже, хотя на самом деле ее место рождения – село Тресоруково Воронежской губернии.

Названия населенных пунктов и стран, изменявшиеся на протяжении первой половины XX века, приводятся авторами анкет на момент их заполнения, т. е. на 1946 год (например, г. Днепропетровск – Украина; Куйбышевская область – СССР). В статьях же мы даем те исторические названия, которые существовали на момент описываемых событий (например, г. Екатеринослав, Самарская губерния).

При сравнении написанной на российских источниках биографической статьи с текстом заполненной в Югославии анкеты бросается в глаза расхождение

и в вопросе о времени рождения рассматриваемых нами лиц. Одни врачи приводили в анкетах дату своего рождения по старому стилю (юлианский календарь). Другие – по новому стилю (григорианскому календарю), но нередко с ошибкой: к дате рождения по старому стилю они прибавляли не 12 дней (как это полагается для XIX в.), а 13. В биографической статье мы, используя материалы личных дел, по мере возможности приводим даты рождения врачей и по юлианскому, и по григорианскому летоисчислению.

Важнейшим источником данных для словаря стали не только личные дела врачей из фондов высших учебных заведений бывшей Российской империи и Чехословакии, но и хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации фонды Союза студентов Белградского университета, Управления делами русской эмиграции в Сербии, Отдела делегации, выдающей интересами русской эмиграции в Югославии, Пражского комитета по ознаменованию 175-летия Московского университета, Регистрационной комиссии общества русских врачей и Главного справочного бюро в Константинополе. Содержащиеся в этих фондах списки, анкетные и опросные листы российских врачей позволили получить необходимые, отсутствующие в анкетах, сведения о работе российских медиков до революции 1917 г., об их участии в Белом движении, а также выявить информацию о дате и обстоятельствах их эмиграции.

В свою очередь, хранящиеся в Архиве Югославии анкеты 1946 года содержат такие сведения, которые отсутствуют в российских архивах. Это данные о национальности и гражданстве российских врачей, знании ими иностранных языков, их работе в эмиграции, здоровье, участии в Народно-освободительном движении Югославии, об арестах, наградах, адресе постоянного пребывания на момент заполнения анкеты.

К сожалению, эти анкеты и материалы российских архивов не отражают период жизни российских врачей-беженцев после 1946 года. Мы попытались насколько возможно осветить этот период, используя российские и зарубежные биографические словари и биографические интернет-сайты.

Биографические справки имеют разную степень информативности. О большинстве врачей удалось собрать достаточно много данных, о некоторых же сведения довольно скудные. Биографии врачей сопровождаются их фотографиями. Представлены те фотографии, которые удалось найти и отсканировать в архивах. Это фотографии, взятые из «российских» личных дел и из анкет Архива Югославии. В приложении к словарю читатель может увидеть сканированное изображение анкеты 1946 года.

Публикация двуязычного биографического словаря российских врачей-беженцев способствует формированию новых знаний о многих известных и не очень знаменитых российских медиках, позволяет существенно расширить сведения о деятельности российской медицинской диаспоры в Югославии.

Александр Даниэль

Один из 25 тысяч: судьба Алексея Ивановича Крупина

Александр Юльевич ДАНИЕЛЬ

*НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург),
Международный «Мемориал» (Москва)*

В архиве НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург) хранятся копии нескольких документов из архивно-следственного дела «о военно-повстанческой организации среди заключенных Суловского отделения Сиблага», по которому в декабре 1937 были осуждены и расстреляны 24 человека. Документы, которыми мы располагаем, касаются, главным образом, одного из осужденных – А.И. Крупина¹.

Дело, по-видимому, было раскрыто в ноябре–декабре 1937 и представляло собой фрагмент широкомасштабной чекистской операции, известной под названием «дела РОВС», или «дела о белогвардейско-эсеровском заговоре в Западно-Сибирском крае». Эта операция, инициированная еще в июне 1937 начальником краевого управления НКВД С.Н. Мироновым (Королем) и первым секретарем крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, мало того, что

¹ Дело Крупин Алексей Иванович. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.). Ф. Б-1. Оп. 1. Л. 1–12; Ф. К-1. Оп. 1. Л. 1–11.

была крайне кровавой сама по себе, – в одной только Новосибирской области по ней было осуждено 24 383 человека, из них 21 119 расстреляли, – она еще сыграла роль своеобразной прелюдии к «кулацкой операции», проведенной НКВД уже в масштабах всей страны и ставшей самой массовой из всех массовых операций Большого террора.

Но прежде, чем говорить о «деле РОВС» в целом и о его роли в подготовке «кулацкой операции», попробуем рассказать все, что знаем, о судьбе одного из 21 119 казненных по этому делу – 63-летнем заключенном Сусловского отделения Сиблага Алексее Крупине.

* * *

Алексей Иванович Крупин (или Крупин) родился в 1874 в деревне Максинерь Уржумского уезда Вятской губернии. Окончил трехклассное училище. В деле 1937 года он именуется «сыном торговца» (то есть является «социально-враждебным элементом»), но в его первом следственном деле (1935 года) указывается, что он происходит из крестьян. Возможно, отец Крупина был из крестьянского сословия, но выбился в купцы. Чем занимался Алексей Иванович до Первой мировой войны, мы в точности не знаем. В 1935 на следствии он сначала показывал, что «работал по крестьянству», но потом сознался, что приврал: крестьянствовал он только до 1901, после чего некоторое время служил кладовщиком на железной дороге, а потом занимался, в одиночку и вместе с братьями, разного рода мелким предпринимательством – торговал бакалеей, дровами, рыбой. Видимо, не очень успешно: все его предприятия держались на плаву год-полтора, после чего Крупин бросал дело и начинал новое в другом городе. На месте ему не сиделось: Вятская губерния, Челябинск, Ново-Николаевск, Барнаул, Нижний Новгород, опять Вятка, Николаевск-на-Амуре, Благовещенск. Впрочем, с крестьянством он и в самом деле окончательно не порывал: в 1913, во время столыпинской реформы, получил на пару с братом 20 десятин земли и принялся строить хутор. Но с началом войны бросил и это.

В 1915 был призван в армию. На фронте не был, служил в гарнизоне г. Благовещенска, но, тем не менее, дослужился до унтер-офицера. (В деле 1937 года он, для пущей важности, именуется «поручиком царской армии», но это наверняка тоже вранье, – неясно только, чье, следователя или самого Крупина.) В апреле 1917 был уволен с военной службы по возрасту.

В Гражданскую войну Крупин жил в Западной Сибири, ничем особенным не занимаясь, а с приходом нэпа вернулся к привычному занятию – мелкому предпринимательству. Томская губерния, Новосибирск, Семипалатинская область, опять Новосибирск, Кисловодск. Торговля лесом (дровами, скорее всего), мануфактурой, мясом, кустарное колбасное производство, кустарное веревочное производство, кустарное кожевенное производство, овцеводство, даже

золотодобыча – в качестве, по-видимому, индивидуального старателя. В 1924 или 1925 Крупин, естественно, попадает в категорию «лишенцев», но до поры до времени это его мало смущает.

В общем, из всех литературных персонажей того времени Алексей Иванович пока что больше всего напоминает, пожалуй, отца Федора Вострикова из «Двенадцати стульев». Завершающий штрих: в 1929, по окончании нэпа, он, после безуспешных попыток восстановиться в гражданских правах, оседает в Кисловодске, где живет его сестра, и устраивается в местный колхоз на должность заведующего кролиководческой фермой! Правда, кролики у него не дохнут, как у о. Федора; в 1935, по окончании следствия, он пишет заявление, в котором без ложной скромности аттестует себя как лучшего кроликоведа страны и просит советскую власть использовать его «уникальный опыт».

Однако в декабре 1937 Крупин в соавторстве со следователем (или, возможно, это личное творчество следователя, лишь завизированное Алексеем Ивановичем) трактует свое социальное поведение после революции по-иному. Впрочем, и эта версия выглядит так, словно она заимствована у Ильфа и Петрова. Вот она.

Крупину не понравился Октябрьский переворот; еще больше ему не понравилась победа большевиков в Гражданской войне. Советская власть лишила его «офицерского звания и привилегированного положения в обществе» (уж какое там привилегированное положение у отставного унтера? – ах да, он же в этой версии «поручик»). И он принимает решение, что всеми силами будет вредить делу построения социализма. Как? Очень просто: «я поставил своей задачей не заниматься общественно-полезным трудом и сразу же после установления Сов. власти повел бродячий образ жизни, <...> систематически занимался спекуляцией, нанося этим вред Сов. власти».

В Кисловодске Крупин познакомился с неким А.С. Юркевичем, «тоже» бывшим офицером, и якобы создал вместе с ним «контрреволюционную офицерско-кулацкую повстанческую организацию»: Юркевич вербовал других бывших офицеров, а Крупин – «контрреволюционно настроенных кулаков» из местного населения. Сходство с романом Ильфа и Петрова достигает апогея: «Союз Меча и Орала» в буквальном смысле слова...

22 мая 1935 «участников организации» арестовали. Всего по делу проходило 10 человек. Кроме Юркевича и Крупина, нам достоверно известны всего два имени: Георгий Михайлович Кладов, директор одной из кисловодских школ, и Василий Федорович Конепей (шурин А.И. Крупина), бухгалтер. Мелькают в протоколах допросов и другие фамилии: Массальский, Солнышкин, Быкадоров, Самохин. Но мы не знаем, в каком качестве они были привлечены к делу – как обвиняемые или как свидетели.

В самом ли деле Юркевич и Крупин создали в Кисловодске подпольную «офицерско-кулацкую организацию» или это целиком чекистская выдумка?

В семье Конепея бытовало устное предание, согласно которому никакой организации не было, а просто приятель Крупина, некто Солнышкин, известный в городе своими связями с НКВД, приревновал нашего Алексея Ивановича к своей жене. И, натурально, написал донос о контрреволюционных намерениях и разговорах своего знакомого. Раз написал, два написал – никакой реакции. Тогда он послал жалобу наверх, после чего ставропольским чекистам пришлось реагировать: взяли десятерых и начали ваять дело.

Насколько эта версия верна, сказать трудно. В материалах дела упоминается некий разговор, в котором Крупин (в присутствии Солнышкина!) предлагает Юркевичу создать подпольную организацию, с разбиением на «пятерки» и прочими конспиративными атрибутами. Все это можно было бы действительно списать на ревнивую фантазию обманутого мужа, но как раз этот разговор, единственный изо всех, Юркевич подтверждает. (Больше он не подтверждает ничего и виновным себя не признает.)

Что касается Крупина, то он, по-видимому, подтверждает все: и намерения, и разговоры, и действия. Позднее, уже в лагере, на свидании с сестрой, он кается, что своими показаниями втянул в эту историю ее мужа Василия Конепея – «не выдержал побоев».

Впрочем, для нашего сюжета не так уж важно, была ли на самом деле в Кисловодске «подпольная контрреволюционная офицерско-кулацкая повстанческая организация» и если ее не было, то кто ее выдумал: чекисты ли, Солнышкин или сам Крупин. Важно, что Юркевича, Крупина, Конепея, Кладова и еще нескольких человек приговаривают к 10 годам лагерей за создание такой организации.

О том, что случилось потом с Кладовым, мы, к сожалению, ничего не знаем. В отношении Конепея дело было вскоре пересмотрено, срок сокращен, и он вышел на свободу.

А вот дальнейшие судьбы Юркевича и Крупина нам известны: их, как и двадцать пять тысяч других судеб, втянула в себя воронка «РОВСовского дела» – такого же «Союза Меча и Орала», созданного чекистской фантазией уже в масштабе целого края.

* * *

17 июня 1937 начальник Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю С.Н. Миронов (Король) отправил в крайком ВКП(б) докладную записку о раскрытии в крае разветвленного «эсеро-монархического» заговора, охватившего всю Западную Сибирь. Якобы две подпольные организации – белогвардейский «Союз спасения России» и «Сибирское бюро Партии социалистов-революционеров» готовят вооруженный переворот и захват власти в Запсибкрае. Для этой цели в Нарыме и Кузбассе готовятся повстанческие кадры из

высланных в Сибирь «кулаков»-спецпереселенцев, «бывших людей» и других антисоветских элементов из числа старой интеллигенции. В спецпоселках, где живут ссыльные «кулаки», создана целая подпольная армия – «дивизии, полки, батальоны», во главе которой стоят бывшие белые офицеры, также отбывающие ссылку в Сибири. Совместная повстанческая работа монархистов и эсеров направляется из-за рубежа, харбинским филиалом белогвардейской эмигрантской организации РОВС – Российский общевоинский союз (в отличие от «Союза спасения России» и «Сиббюро ПСР», такая организация действительно существовала среди белоэмигрантов). Ну, а РОВС, само собой, состоит на службе у японской разведки. Как только на Дальнем Востоке начнется война с Японией, в тылу у Красной армии вспыхнет восстание.

Дело уже раскручивалось: если верить Миронову, на момент составления записки по нему было арестовано 382 человека. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе запросил у Москвы разрешение на создание в крае «тройки», наделенной чрезвычайными полномочиями внесудебной расправы вплоть до расстрела. 28 июня Политбюро санкционировало такое разрешение, подчеркнув, что высшую меру наказания следует применять ко всем «активистам повстанческой организации». В тройку вошли Миронов, Эйхе и краевой прокурор Барков. Таким образом, в Западно-Сибирском крае модель будущей «кулацкой операции» начали отработать более чем за месяц до ее начала в общесоюзном масштабе.

А в августе эта тройка начала работать как бы в двух ипостасях: в одной ипостаси она осуществляла общесоюзную «кулацкую операцию», действуя в рамках приказа № 00447 и отпускаемых Запсибкраю «лимитов»; в другой – почти по той же схеме, но безо всяких лимитов осуществляла операцию по «делу РОВС». В так называемых «пятидневных сводках» – кратких статистических справках о ходе операций, раз в пять дней посылавшихся в Москву, – цифры арестованных и осужденных по «кулацкой операции» и по «делу РОВС» приводятся отдельно. А после территориального разделения Запсибкрая на Новосибирскую область и Алтайский край (сентябрь 1937) этот дуализм был унаследован как новосибирской, так и алтайской тройками.

И еще одно следствие из бюрократической метафизики западносибирских троек, «двойственных в трех лицах»: поскольку «дело РОВС» велось не в рамках 447-го приказа, то на него не распространялась и изданная в дополнение к этому приказу директива наркома № 409 от 5 августа, касающаяся заключенных, отбывающих наказание в лагерях НКВД. Напомним: согласно этой директиве, в отношении заключенных никакого следствия вообще не проводилось. Никаких допросов, никаких очных ставок и иных процессуальных действий. А вместо обвинительного заключения на каждого заключенного, репрессированного в пределах «лимита», выделенного на данное лагерное управление, составлялась краткая справка. Эти справки утверждались начальником

лагеря и посылались на рассмотрение троек. Заключенный даже не знал о том, что он внесен в какие-то списки на уничтожение (тройки рассматривали дела заключенных только «по первой категории», то есть выносили по ним только расстрельные приговоры) до тех самых пор, пока его не вызывали на вахту, где формировался очередной расстрельный этап.

Не то – с заключенными, проходившими по «делу РОВС». Их по всей форме «арестовывали», то есть предьявляли постановление, после чего изолировали от остальных в штрафном изоляторе или даже в следственной тюрьме; на них заводилось следственное дело; их допрашивали – хотя бы единожды, потому что не может же быть следственного дела, в котором нет ни одного допроса; от них добивались «признательных показаний» или, по крайней мере, фальсифицировали соответствующий протокол; им полагалось расписаться в постановлении о завершении следствия. И только после этого их дела посылали «на тройку».

Эта морoka стала расплатой за увлекательный триллер, сочиненный Мироновым для Эйхе, Сталина и Ежова. Впрочем, расплачивался за свои фантазии не сам Сергей Наумович, а его преемники и их подчиненные, – Миронова уже в августе 1937 перевели из НКВД на дипломатическую работу (а в 1939 посадили и расстреляли, еще раньше посадили и расстреляли его партийного босса – Эйхе).

С другой стороны, был для чекистов во всем этом ненужном бумаготворчестве и определенный плюс: никаких лимитов, расстреливай, сколько хочешь. Правда, о лагерях как источнике повстанческих кадров в записке Миронова ничего не говорилось, но это подразумевалось само собой. В отчетности по «делу РОВС» заключенных перечисляют вместе со спецпереселенцами и ссыльными.

* * *

Как это делалось в Сиблаге?

В 1937 Крупин отбывал свой срок в Мариинских лагерях (Сусловское отделение Сиблага), в нынешней Кемеровской области, тогда входившей в состав Новосибирской. Конечно, удивительно, что его, с его историей «создания белогвардейско-кулацкой повстанческой организации», сразу не привлекли к «делу РОВС»; возможно, просто руки не доходили. Постановление об аресте датировано 27 ноября 1937. Похоже, что водворению в камеру предшествовала жесткая «неформальная беседа» с дознавателем (или, попросту, предварительный мордобой), ибо в тот же день Крупин пишет на первом попавшемся клочке бумаги начальнику 3-го (оперчекистского) отдела Сусловского отделения следующее заявление:

«Признавая себя виновным в участии в к.-р. организации „Всеобщий воинский союз“ [так!], прошу вызвать меня для дачи исчерпывающих и чистосердечных показаний следствию».

Он уже знает, что его обвиняют в участии в какой-то подпольной военной организации, но еще не успел выучить твердо название этой организации.

На следующий день – первый и, похоже, единственный допрос. Его, заметим, ведет не «кум» из оперчасти лагеря, а сотрудник управления госбезопасности УНКВД по Новосибирской области.

Поначалу Крупин не понимает или делает вид, что не понимает, чего от него хотят: излагает ту самую версию о борьбе с советской властью путем бродяжничества и спекуляции, пересказывает свое дело 1935 года, надеясь, вероятно, что речь идет именно о кисловодском «мече и орале».

Наконец, новосибирскому чекисту надоедает слушать эту пустопорожнюю болтовню, и он берет быка за рога:

Вопрос: *Вы арестованы как участник к.-р. военно-повстанческой организации, существовавшей в системе Сибирских лагерей. Вы это признаете?*

Ответ: *Нет, не признаю. Участником организации я не являюсь и о существовании такой организации ничего не знаю.*

Вопрос: *Вы говорите неправду. Требую правдивых показаний о вашем участии в контр-революционной организации.*

Ответ: *Я говорю правду и повторяю, что участником организации я не являюсь.*

Тогда приезжий сообщает Крупину, что его однолагерник, некто Вернгардт, бывший капитан царской армии, тоже арестован и дает показания, его, Крупина, разоблачающие.

Вопрос: *...Прекратите записывать и говорите правду.*

Ответ: *Вижу, что мы разоблачены и что дальнейшее записательство бесполезно. Признаю, что я действительно был участником контр-революционной военно-повстанческой организации, существовавшей в системе Сибирских лагерей. Мне известно, что наша организация создана и руководится Российским общевоинским союзом, созданным харбинскими белоэмигрантскими кругами. Этот Российский общевоинский союз связан с японцами и по заданию японцев ведет к.-р. работу на территории СССР.*

Что происходило в кабинете следователя между последним «вопросом» и последним «ответом», – предоставляем догадываться читателю. Далее пересказывается, довольно близкими к оригиналу словами, записка С.Н. Мирнова от 17 июня и некоторых других документов НКВД о «РОВСовском заговоре». Ясно, что все это – личное творчество следователя, от Крупина требовалось только подписать протокол.

Крупин подписал также показания о собственном участии в «заговоре». В этих показаниях говорится, что принял его туда вышеупомянутый капитан Вернгардт, он же рассказал ему о задачах организации («после начала войны с Японией разоружить охрану и двинуться на Мариинск, чтобы перерезать Транссибирскую магистраль»). Кроме того, Вернгардт немедленно сообщил свежезавербованному заговорщику имена членов «штаба организации», тоже, естественно, заключенных, но содержавшихся, по-видимому, в других лагерях: бывшего генерала Белой армии Шумилина, полковника Наместникова, штаб-ротмистра Пепеляева. Продемонстрировав таким образом свои блестящие конспиративные навыки, он передал Крупина в подчинение другому участнику заговора – заключенному Суловского отделения, бывшему поручику денкинской армии Тимофееву, командиру повстанческого «батальона». Тот назначил Крупина командовать «взводом» (маловато для «поручика Крупина», но для унтер-офицера Крупина – в самый раз). Впрочем, никакого взвода не было, Крупину якобы было поручено его сформировать. Он этого делать не стал, рассудив, что взвод сформируется сам собой после начала восстания.

* * *

Заметим, что, по крайней мере, двое из названных в протоколе «членов штаба» – Шумилин и Пепеляев – фигурируют в переписке УНКВД по Новосибирской области с Москвой². В телеграмме начальника УНКВД по НО Г.Ф. Горбача наркому Ежову от 9 декабря 1937 (т. е., сразу после завершения следствия по рассматриваемому нами делу) говорится:

...в системе Сиблага вскрыта широко разветвленная к-р повстанческая организация РОВСа, охватывающая 17 лагпунктов. Организация создана по предложению генерала ПЕПЕЛЯЕВА Анатолия руководителем краевого штаба РОВСа, генералом ЭСКИНЫМ в 1935 году, связавшимся с братом генерала ПЕПЕЛЯЕВА штаб-ротмистром Михаилом ПЕПЕЛЯЕВЫМ, отбывающим наказание в Сиблаге, коему поручил формирование организации. Приняв предложение Эскина, пользуясь свободным передвижением по лагпунктам для художественного оформления клубов, Михаил ПЕПЕЛЯЕВ развернул широко вербовочную работу... <...>. Дополнительно арестовано 357 человек... <...>. Призналось в участии в организации 345, дела их также рассмотрены. Продолжаем дальнейшую ликвидацию.

² Эта переписка была подробно изучена историком А.Б. Рогинским, который любезно предоставил нам свои архивные выписки, а также результаты своих статистических исследований по массовым операциям Большого террора в Новосибирской области.

13 декабря Ежов переслал эту телеграмму Сталину, который наложил резолюцию: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять». Ежов, в свою очередь, 17 декабря телеграфировал Горбачу: «Всех членов РОВСа бывших офицеров и генералов, в частности бывшего генерала-майора Шумилина, после выяснения всех их связей расстрелять на тройке».

Ну, Ежов со Сталиным могли и не трудиться: Горбач и сам прекрасно знал, как ему следует поступить.

Конечно, особенно обращает на себя внимание упоминание братьев Пепеляевых – и в протоколе допроса Крупина, и в телеграмме Горбача Ежову. Тем, кто хоть немного знаком с историей Гражданской войны в Сибири, эта фамилия хорошо известна. Всего братьев было шестеро; один умер в молодости, другой погиб в Гражданскую войну, сражаясь на стороне белых. Третий – Виктор Пепеляев, премьер-министр колчаковского правительства, был расстрелян вместе с А.В. Колчаком в феврале 1920 на льду Ангары. Четвертый, упомянутый в телеграмме Анатолий Пепеляев – белый генерал, прославившийся как во время наступления колчаковцев на Урал, так и во время великого отступления колчаковской армии осенью 1919 – так называемого Сибирского Ледового похода, где он командовал арьергардом. Еще более прославился Анатолий Николаевич своей авантюрой 1922 года – морской экспедицией из все еще белого Приморья на Охотское побережье и походом на Якутск (так называемая «пепеляевщина» – последний, по существу, эпизод Гражданской войны). В Охотске А.Н. Пепеляев был пленен и с 1922 по 1936 провел в заключении, затем около года жил на свободе в Воронеже, а в августе 1937 арестован по «делу РОВСа», этапирован в Новосибирск и 14 января 1938 расстрелян по приговору тройки, как и было приказано.

Пятый брат, тот, который прямо упомянут в протоколе допроса Крупина, – Михаил Пепеляев, бывший штаб-ротмистр, жил в Томске, работал художником в Доме Красной армии. Арестован в феврале 1933 за «участие в белогвардейском заговоре» (таком же, может быть, как у Крупина с Юркевичем?), приговорен к 10 годам. Отбывал наказание в Сиблаге, в 1937 привлечен по «делу РОВСа», расстрелян 14 января, в один день с братом Анатолием.

(Был еще шестой брат, Аркадий, известный омский врач-окулист; во время Большого террора его почему-то не тронули. Но сразу после начала войны, 24 июня 1941, его все же арестовали и в феврале 1942 ОСО приговорило его к 10 годам за «антисоветскую пропаганду». В 1946 Аркадий Николаевич умер в Мариинских лагерях.)

«Знаковая» для Сибири фамилия Пепеляевых придавала истории с «военно-повстанческим заговором в Сибирских лагерях» особый колорит, вызывая романтические ассоциации с Гражданской войной и борьбой с колчаковщиной.

* * *

Вернемся к Алексею Крупину, досказать осталось немного.

4 декабря был подписан протокол об окончании следствия, которое, таким образом, длилось неделю.

8 декабря тройка НКВД по Новосибирской области приговорила Крупина и еще 23 заключенных Суловского отделения к расстрелу.

Из 24 расстрелянных нам удалось найти хоть какие-то сведения лишь о шести. Вот эти сведения:

– Веселов Валентин Петрович, 50 лет, москвич, экономист, сотрудник Наркомата тяжелой промышленности. Когда и за что сел – неизвестно.

– Воробьевский Иван Васильевич, 36 лет, жил в Горно-Алтайске, работал прорабом на лесосплаве. В 1933 приговорен к 10 годам, за что – неизвестно.

– Загвоздев Порфирий Константинович (по другим источникам – Кондратьевич), 56 лет, из Кемерово, десятник на лесобазе. В 1935 приговорен к 10 годам за «контрреволюционную агитацию».

– Колузанов Иван Георгиевич, 52 года, был сослан в административном порядке в Северный край, там в 1936 был арестован за «контрреволюционную агитацию» и приговорен к 5 годам лагеря.

– Зайцев Александр Павлович, 43 года, москвич, рабочий, в 1930 жил на Урале, в Чердынском районе (возможно, ссыльный?); там в 1930 арестован и в 1933 (!) приговорен к 3 годам (при этом непонятно, почему в 1937 он еще в заключении – может быть, ему продлили срок?).

– Лавров Николай Львович, 48 лет, священник из Башкирии, в 1931 осужден на 10 лет за «контрреволюционную агитацию», «участие в контрреволюционной организации» и «участие в беспорядках».

Кроме того, среди 24-х расстрелянных значится некто Тимофеев Павел Иванович, 1893 г.р. – фамилия, конечно, нередкая. И все же: не тот ли это поручик деникинской армии Тимофеев, который значился в чекистском сценарии как «командир повстанческого батальона»?

Данных, конечно, очень мало. Но видно, что компания подобралась более чем пестрая, – это характерно для фальсифицированных групповых дел, сшитых «на скорую руку».

Приговор приводился в исполнение в течение недели, с 14 по 20 декабря. Крупина расстреляли в составе последней группы осужденных – 20 декабря.

И последнее. В Базе данных Международного «Мемориала» «Жертвы политического террора в СССР» мы встретили, со ссылкой на Книгу памяти Томской области, следующую запись:

Юркевич Александр Степанович. Родился в 1870 г., Литва, Ковно; белорус; образование высшее; б/п; Проживал: Томск. Арестован 14 декабря 1937 г. Приговорен: 25 декабря 1937 г., обв.: «Союз спасения России». Приговор: расстрел. Расстрелян 3 января 1938 г.

Почему А.С. Юркевич, осужденный в 1935 на 10 лет, «проживал» в Томске? Неужели его так быстро отпустили на свободу? Вряд ли, скорее всего, составители Книги памяти просто упустили отметить, что он «проживал» в одном из лагерей Сиблага или Томасинлага.

Мы хотели отметить другое: с минимальным разрывом во времени бывшие однодельцы вновь прошли по одному делу. Ведь, напомним, «Союз спасения России» – это, согласно записке Миронова, та самая мифическая белогвардейская организация, которая возглавляла «РОВСовский заговор».

Это совпадение еще раз демонстрирует нам: включение человека в разработку в рамках той или иной массовой операции определялось, главным образом, анкетно-биографическими данными. Индивидуальность и личное поведение мало что могли изменить. Крупин и Юркевич – два совершенно разных человека, с разными характерами, с диаметрально противоположной линией поведения на следствии (достаточно прочесть протоколы допросов того и другого в 1935, чтобы убедиться в этом). Но в Мариинске сочли подходящим для включения в «дело РОВС» Крупина из-за дела, по которому его осудили в 1935, а в Томске – Юркевича, по той же самой причине.

Этого оказалось достаточно.

Наталья Ивановская

Письма как источник изучения персональной истории

(По переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей. 1921–1938 гг.)

Наталья Ивановна ИВАНОВСКАЯ

*старший научный сотрудник
отдела этнографии Северо-Запада
России и Прибалтики Российского
этнографического музея (СПб),
кандидат исторических наук*

Материалы личного происхождения, в частности, письма имеют важнейшее значение при исследованиях персональной истории – нового направления исторической науки¹. Основной принцип этого направления состоит в том, что реконструкция личных судеб исторических индивидов одновременно рассматривается и как главная цель исследования, и как одно из средств изучения исторического социума. Разногласия по вопросу об отношении персональной истории к «истории вообще» легли в основу формирования в отечественной историографии двух версий персональной истории, базирующихся на различных исследовательских принципах².

¹ *Репина Л.П.* Вместо предисловия: личность и общество, или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. – М., 2005. – С. 5–16; *Она же.* От «истории одной жизни» к «персональной истории» // Там же. – С. 55–74; *Бурмистров Е.С.* Персональная история каждого человека // Альманах «Историческое бессмертие каждого человека»: [Электронное издание]. – 2007. – <http://www.ist-bessmertie.narod.ru/statburm.htm>

² *Иконникова С.Н.* Биография как социокультурное измерение истории // Культурологический

Социальная версия рассматривает реконструкцию личной жизни отдельных индивидов не только как личностную историю, а более широко – как историю через личность³.

Экзистенциальная версия персональной истории выдвигает на первый план изучение психологических характеристик личности. По словам основоположника этой версии Д.М. Володихина, «главнейшая проблема экзистенциальных разысканий – поиск способов наполнить жизнь смыслом перед лицом предстоящей смерти. В этом смысле история может дать любому интеллектуалу драгоценный, ничем не заменимый материал для размышлений. Опыт сотен и тысяч ушедших поколений становится подсказкой или, лучше, арсеналом духа, вычерчивающего жизненный проект, осознанно совершающего высшие выборы»⁴.

В статье с этой точки зрения рассматривается личная переписка Леонида Леонидович Капицы (1892–1938) – сотрудника Этнографического отдела Русского музея (ныне – Российский этнографический музей) со своим братом, выдающимся физиком, Нобелевским лауреатом Петром Леонидовичем Капицей.

Л.Л. Капица – один из представителей нескольких поколений ученых-этнографов и краеведов, принимавших участие в формировании этнографического собрания музея. С некоторыми из них какое-то время мы работали рядом, и они продолжают жить в нашей памяти. Но личности большей части собирателей уже неразличимы сквозь толщу лет. Они оставили нам собранные ими коллекции, редкие личные фотографии, и, в лучшем случае, нам известны лишь отрывочные факты их биографий. Мы воспринимаем их имена скорее как некие знаки, маркирующие качественные параметры той или иной коллекции. Мы говорим: «Дудинские фотоколлекции», «Золотаревские материалы», не задумываясь о том, что за каждым именем скрывается частная судьба, уникальная и неповторимая, вписанная в конкретную историческую эпоху.

Жизненный путь и судьба Л.Л. Капицы достаточно типичны для поколения ученых, начавших научную карьеру незадолго до 1917, – в переломный период российской истории, когда судьбы многих из них складывались весьма трагично. Автор уже обращался к биографии Л.Л. Капицы. На основе архивных материалов и собранных им этнографических коллекций был проанализирован его вклад в этнографическую науку и в становление и развитие Российского этнографического музея. Также была частично восстановлена его биография⁵.

журнал: [Электронное периодическое рецензируемое научное издание]. – 2011. – № 4 (6). – http://www.cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8

³ Репина Л.П. Вместо предисловия. – С. 12–13.

⁴ Володихин Д.М. Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». – 1999. – № 24, июнь. – С. 257.

⁵ Ивановская Н.И. Л.Л. Капица: экзистенция личной судьбы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые Шёгреневские чтения: Сб. ст. – СПб., 2014. – С. 368–376.

Изучение неисследованной ранее личной переписки Л.Л. Капицы, с опорой на экзистенциальную версию персональной истории, позволило взглянуть на его личность не только в социально-историческом ракурсе. Появилась возможность сосредоточиться на уникальном экзистенциальном опыте конкретного индивида, более полно раскрыть его внутренний мир, общественные и личные связи, взаимоотношения с коллегами.

Собрание писем (числом более 350) хранится в Музее П.Л. Капицы при Институте физических проблем (Москва), в архивных материалах, оставшихся после его смерти, содержащих научные статьи и наброски, различные документы, обширную переписку, как официальную, так и личного характера. Все эти материалы не прошли научную архивную обработку, но переписка братьев была разобрана вдовой П.Л. Капицы Анной Алексеевной, сгруппировавшей их по годам. Доступ к ним стал возможным благодаря любезному разрешению заведующей музеем Т.И. Балаховской, которая помогла ознакомиться с этим ценнейшим источником.

Первое письмо, написанное Л.Л. Капицей и адресованное брату, датировано 7 апреля 1921 и начинается словами: «Уже неделя, как ты уехал...». Письмо это, отправленное в Англию, в Кембридж, в лабораторию Э. Резерфорда, куда в 1921 уехал П.Л. Капица, положило начало переписке, растянувшейся на долгие 18 лет, до 1938 – года смерти Л.Л. Капицы (13 из них приходится на корреспонденцию, отправленную именно в Англию).

Тематически весь массив писем можно разделить на два блока:

1. Образ жизни и быт.
2. Профессиональная деятельность.

Информация, касающаяся быта и образа жизни автора писем и его семьи, занимает в письмах немного места, но, тем не менее, представляет несомненный интерес для изучения истории советской повседневности. Семья Л.Л. Капицы принадлежала к числу петербургской интеллигенции. Его отец Леонид Петрович Капица – военный инженер и строитель фортов Кронштадтской крепости. Мать Ольга Иеронимовна (урожд. Стебницкая) – филолог, специалист в области детского фольклора и литературы. В советское время она преподавала в Педагогическом институте им. Герцена, стояла у истоков «Детгиза»⁶. Петр и Леонид Капицы были женаты на двоюродных сестрах, отцом жены П.Л. Капицы был Кирилл Кириллович Черносвитов, видный деятель партии кадетов, депутат Государственной думы всех четырех созывов.

К 1921 году, когда началась переписка с братом, Л.Л. Капица подошел физически и морально истощенным. Позади были тяжелые годы Первой мировой

⁶ Личное дело. Капица Леонид Леонидович. – Архив Государственного Русского музея (АГРМ). Ф. 1. Оп. 10. Д. 187. Л. 73–73об.; Дело Императорского Санкт-Петербургского университета. Леонид Леонидович Капица. 1911–1912 уч. год. – ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57799. Л. 28.

и Гражданской войны. В 1919 был арестован ЧК и расстрелян К.К. Черношвилов, тесть Петра Капицы. В том же году во время эпидемии гриппа (испанки) братья лишились отца, а затем умерли маленький сын Петра Леонидовича, его жена и новорожденная дочь. Сам Леонид Леонидович во время Первой мировой войны три года служил в студенческой санитарной организации, занимаясь эвакуацией раненых, а в послереволюционные годы работал в Северной научно-промысловой экспедиции, заготавливавшей продовольствие для армии⁷. Он был вынужден прервать обучение в университете, в котором восстановился только в 1923⁸. Трудное существование в голодном и холодном Петрограде начала 1920-х усугублялось тем, что на руках у него была семья – мать, жена, теща, а затем и маленький сын.

В 1921 Петр Леонидович, работавший в лаборатории известного физика А.Ф. Иоффе, по его рекомендации был отправлен на стажировку в лабораторию Э. Резерфорда, где провел 13 лет. Не исключено, что это спасло оставшихся в России родственников, т.к. П.Л. Капица все годы своего пребывания в Англии материально помогал семье. Письма Леонида Леонидовича первой половины 1920-х заполнены просьбами и благодарностями за полученные посылки с продовольствием, лекарствами, очками и прочими необходимыми вещами.

12 апреля 1921: «Отнес Кустодиеву лекарства»⁹.

20 апреля 1921: «Отнес Кустодиеву какао и масло. Он делает обложку для маминной книжки».

2 октября 1922: Л.Л. благодарит брата за деньги, присланные для заготовки дров, сообщает, что купил печку.

В одном из писем он просит прислать мотыгу, лопату и семена различных овощных культур, – впереди лето, и нужно обеспечить семью пропитанием. Также присутствуют постоянные просьбы прислать книги, и для себя, и для коллег.

В письмах Л.Л. Капицы нет замечаний или критики по поводу общественного устройства в стране, он не пишет про власть и о политике, поэтому все предположения, касающиеся его отношения к советской действительности, будут голословными. Но, читая его письма из Советской России, нельзя сказать, что «распалась связь времен», – их автор продолжает жить в системе привычных ценностей. Работа, круг близких по духу друзей, забота о семье, посещение Мариинского театра, чтение новых книг советских писателей, – вот его повседневная жизнь. Он и Петра Леонидовича старается держать в курсе культурной жизни страны, резонансных литературных новинок. В 1920-е советует прочитать только что вышедшую повесть А. Неверова «Ташкент – город

⁷ Там же. Л. 1–2, 6–7, 9, 11, 19.

⁸ Там же. Л. 1–2.

⁹ Речь идет об известном художнике Б.М. Кустодиеве, который с 1916 был прикован к инвалидному креслу.

хлебный» (1923), очень сильное и жесткое произведение о недавно пережитой всеми Гражданской войне; в 1930-е сообщает о романе А.С. Новикова-Прибоя «Цусима» (1932), описывающем одно из самых трагических поражений русского флота в Русско-японской войне 1905–1907 годов. Сыновьям Петра Леонидовича посылается номер «Пионерской правды», где напечатано «антибуржуйское» стихотворение С.Я. Маршака «Мистер Твистер». Возникает ощущение полной причастности автора писем жизни страны.

Едва ли не основное место в письмах Л.Л. занимает информация, посвященная его профессиональной деятельности.

Этнографическими исследованиями Л.Л. Капица начал заниматься во время обучения в Санкт-Петербургском университете на естественном отделении физико-математического факультета, в группе географов под руководством видного ученого, этнографа, антрополога, археолога Ф.К. Волкова (1847–1918). Уже тогда он, по поручению Этнографического отдела Русского музея, собрал на территории Архангельской области этнографические коллекции, которые затем сам описывал и регистрировал непосредственно в музее, где в 1916–1917 работал регистратором¹⁰. В последующие годы он не порывает связи с музеем, и хотя и не работает там, продолжает считать его своим. В письме от 12 мая 1921 он пишет брату: «У нас в музее большие пертурбации, были перевыборы хранителей, мой бывший патрон Романов забаллотирован. На его месте – Золотарев. Кроме него – Руденко и Кржижановский, все мои руководители по университету». Заметим, что все они, также, как и сам Капица, были учениками Ф.К. Волкова.

В 1921 Л.Л. Капица вновь становится сотрудником Этнографического отдела Русского музея. Его карьера музейного специалиста-этнографа удачно развивалась и продолжалась вплоть до 1931. Это десятилетие было временем организации широкомасштабных комплексных экспедиций. Интенсивное изучение Северо-Западного региона, проводившееся в те годы, связано с деятельностью талантливого ученого, известного антрополога и этнолога профессора Давида Алексеевича Золотарева (1885–1935)¹¹. Ему принадлежит заслуга организации крупнейших этнологических экспедиций, в которых начинали свой путь в этнографической науке многие молодые исследователи. Одним из них был и Л.Л. Капица. Так, в 1921 он совершает экспедицию в Кемский уезд Архангельской области, изучая быт и культуру карел; в 1925 вновь работает в Архан-

¹⁰ Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов у поморов, лопарей и карел Архангельской губернии: описи материалов. 1906–1916 гг. – Архив Российского этнографического музея (далее – Архив РЭМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 312. Л. 1–29.

¹¹ См. о нем: *Шангина И.И.* Давид Алексеевич Золотарев – исследователь культуры народов Северо-Запада и Центрального региона Европейской России (к 125-летию со дня рождения) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы девятых Санкт-Петербургских этнограф. чтений. – СПб., 2010. – С. 11–15; *Баранов Д.А.* Давид Алексеевич Золотарев и музейная этнография // Там же. – С. 27–32.

гельской области, где была собрана коллекция по «великороссам»-поморам; в 1926 участвует в Верхнепечорской экспедиции, одним из итогов которой стала еще одна, разнообразная по составу коллекция предметов быта и материальной культуры коми-зырян; в 1927 совершает поездку в Ухтинский район Карелии. За годы экспедиционной работы им были приобретены ценнейшие в научном отношении коллекции (более 200 предметов) по культуре карел, саамов, коми и русских (поморов). Кроме того, он сдал в музей прекрасные коллекции фотографий (более 500 номеров), которые зафиксировали многие архаичные стороны бытовой культуры этих народов. Самая крупная фотоколлекция (307 номеров) была создана им в 1927 во время работы в Карельской этнографической экспедиции (1926–1928, руководитель – Д.А. Золотарев), во время которой, в частности, изучалась как традиционная, так и новая свадебная обрядность¹². Старинные свадебные ритуалы, инсценированные местными крестьянами для этнографов, были последовательно засняты им на фотопленку.

В начале 1931 он уволился из музея по собственному желанию. До того, как удалось познакомиться с его письмами, мотивы этого поступка были не совсем понятны. Напрашивался вывод, что Л.Л. Капица был уволен из музея, как и многие другие сотрудники Этнографического отдела, в связи с разгромом этнографической науки, произошедшем в начале 1930-х¹³. Остался открытым и вопрос о судьбе Л.Л. Капицы с 1931 по 1938 – год его смерти, хотя и было известно, что в середине 1930-х он какое-то время числился сотрудником «Леннаучфильма»¹⁴. Ответы на эти вопросы мы находим в письмах.

С середины 1920-х в письмах, адресованных брату, исчезают упоминания о продуктах, но целиком материальные проблемы не исчезают из жизни Леонида Леонидовича. В одном из писем он жалуется: «...музей платит такие гроши, а больше у меня ничего нет». Но музей на данном этапе является для него местом реализации профессиональных интересов, и материальные затруднения пока не стоят на первом месте. В письме от 28 апреля 1921 он пишет: «Все-таки меня больше всего влечет музейное дело, люблю я его». Несколько днями позже добавляет, что музей – это учреждение, «которое мне по существу так дорого и которое я люблю». Он увлечен своей работой, занимается этнографическими исследованиями, готовит к открытию музея выставку «Саамы и зыряне». 10 июня 1923 сообщает об открытии музея:

¹² Капица Л.Л. Материалы для этнографической характеристики Кондоковского и Вокнаволоцкого районов северо-западной Карелии // Западнофинский сборник. – Л., 1930. – С. 22–35. – (Труды КИПС. – Вып. 16).

¹³ Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская этнография. – 1932. – № 3–4. – С. 3–14; Решетов А.М. Репрессированная ленинградская антропология (К постановке вопроса) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб., 2004. – С. 201–219.

¹⁴ Приказы по Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов за 1936 г. – ЦГАЛИ СПб. Ф. 243. Оп. 2. Д. 30. Л. 16, 74, 75.

«Было хорошо и весело, легкий ужин, игры, танцы, разошлись в 8 час. утра». Но уже через две недели настроение меняется, и он пишет: «Я немного закис в музее». Продолжая работать в музее, он устраивается заведующим секцией научной кинематографии при отделе естествознания, географии, этнографии при «Севзапкино». С этого момента он начинает делать выбор, растянувшийся на много лет, – между этнографией и кино.

В 1924 он едет в командировку за границу – в Англию, Швецию и Данию, но за свой счет. Цели командировки: работа в Швеции по этнографии лопарей, а также знакомство с техникой музейного дела в Англии, Швеции, Дании. Кроме того, ему предстоит познакомиться «с научной кинематографией и применением ее в области этнографии»¹⁵. В августе 1924 он прибыл в Лондон, а затем уехал в Кембридж, где работал его брат Петр Капица. Во время достаточно долгой командировки (он вернулся на родину только через четыре месяца) Л.Л. Капица не только изучал постановку музейного дела за рубежом, но и связался с рядом фирм, занимавшихся производством научных фильмов. До Скандинавии он не добрался, но зато уехал в Париж, где занялся экспертизой и выбором фильмов, приобретаемых для школ и рабочих клубов на средства Наркомпроса. Там же он познакомился с современной техникой постановки этнографических фильмов. В Ленинград Л.Л. возвращается еще более убежденным в своем втором призвании. В «Севзапкино» он становится ответственным за научную часть кинопродукции, ему поручается руководство фильмом «Пастеровский институт». Он хочет применить свои знания, которые получил за границей, но через несколько месяцев в стране происходит реорганизация кинодела, и Капица теряет эту работу.

С 1925 начинается мучительный процесс поисков профессиональной идентичности. Летом этого года он едет в экспедицию на р. Печору, организованную Госкино. В письме брату от 29 июля 1925 Капица пишет, что он разочаровался в «киношниках», у которых, по его мнению, низкий культурный уровень, но рад, что близко познакомился с производственным процессом. После экспедиции ему предлагают войти в сценически-художественное бюро при кинофабрике, занимающееся обсуждением сценариев. Он все больше углубляется в кинодеятельность. В начале 1926 в журнале «Советское кино» публикуется его статья о кинематографе за рубежом. В это время Капица пишет брату, что он стоит на переломе, надо выбирать один из двух путей. Однако он продолжает работать в музее, хотя опять, как и раньше, с сожалением сообщает Петру Леонидовичу: «Я закис в музее, ...перебираю хлам, <...> занимаюсь народами, которые не интересуют, разочаровался в этнографии».

¹⁵ Переписка с Л.Л. Капицей о собирании этнографических материалов по карелам, зырянам и другим народам Севера; описи материалов и отчеты о заграничной командировке. 1917–1929 гг. – Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 313. Л. 6, 24–26.

Действительно, он начинал свою научную карьеру еще в студенческие годы с изучения традиционной культуры поморов на Севере России под руководством К.К. Романова, сотрудника Этнографического отдела Русского музея с 1911, известного архитектора, реставратора, исследователя архитектуры, археолога, этнографа, человека старой формации и, видимо, близкого ему по духу. В 1921 Романов ушел из музея, и на его место, по предложению Д.А. Золотарева, был принят Капица. Ему пришлось переключиться на изучение финно-угорских народов (саамы, коми, карелы). Работал он в должности помощника хранителя, что предполагало каждодневную рутинную работу по разборке, чистке и регистрации этнографических коллекций. Это необходимая, но не самая интересная сторона музейной деятельности. К началу 1926 стало очевидно, что не сложились отношения с его непосредственным начальником Д.А. Золотаревым, руководителем этнографических экспедиций, в которых работал Капица. В письме брату от 7 января 1926 он пишет: «В музее испортились отношения со своим [так!] принципалом Золотаревым. Началось это с возвращения из-за границы, а углубилось после последней экспедиции на Печору. Тормозит продвигание, а после двух разговоров ясно намекнули [так!], что моя карьера окончена. На распутье – музей – кино, и не могу разрешить этот вопрос. Музей – жалкое существование».

Между тем, кинодеятельность занимает все больше и больше времени. Он мечтает о поездке в Америку для совершенствования в киноделе. Пишет: «Я чувствую себя отравленным кинематографом». Жизнь его в это время идет в двух параллельных плоскостях: музей, где он занимается этнографией, и кино. Иногда они пересекаются. В 1926 в этнографической экспедиции в Коми он снимает этнографические сюжеты; в 1927 в северной Карелии работает над фильмом «На Родине Калевалы», негатив которого, как он пишет, погиб по вине оператора. Сам же Капица выступает в роли режиссера-постановщика и сценариста. В этом же году в Петрозаводском музее проводится этнографическая выставка, где были представлены все материалы экспедиций в Карелии за 10 лет. Выставка имеет большой успех. Одновременно он отчитывается в Совнарком Карелии о работе по фильму и получает согласие на его продолжение.

Однако, как пишет Л.Л. Капица брату: «Я этнограф, хотя за последнее время увлекся научной кинематографией и несколько отошел от своей специальности». Действительно, в это время он все больше и больше входит в работу Комиссии по изучению племенного состава населения, организованной при Академии наук, исполняет обязанности секретаря Русско-финской секции, едет в экспедицию к коми-зырянам, где, как он говорит, ему поручена вся этнографическая часть. С научным кино, по его словам, «сейчас все затихло».

Но уже в 1928 он совершает определенный прорыв на кинопоприще. Летом этого года по заданию Наркомпроса Карелии и Академии наук Л.Л. Капица отправляется в Карелию производить съемку фильма, видимо, о жизни

современной Карелии. Показ этого фильма с триумфом прошел на VIII съезде Советов Карелии. «Успех больше, чем я ожидал», – сообщает он в письме. Хорошо фильм был принят и на демонстрации его в Академии наук. Окрыленный успехом, Л.Л. снова начинает думать о стажировке за границей. Он, видимо, пытается найти через брата какой-то канал связи с зарубежными кинематографистами, поэтому пишет ему письмо (от 30 ноября 1928), в котором дает информацию о себе как о профессионале. Он сообщает, что достиг в научном кино определенных успехов, соединив в себе специалиста-этнографа и специалиста в области кино; работает в области режиссуры научного кино, куда входит разработка научного сценария, руководство съемкой, монтаж.

Но жизнь продолжает уравнивать успехи неудачами. В «Совкино» решается вопрос о покупке его фильма и выходе на экраны, но все попытки устроиться в Ленинграде на работу в какую-нибудь киноорганизацию кончаются неудачей, он готов даже уехать в провинцию. Л.Л. получает заказ на написание сценария «Северный край» и едет на Новую Землю руководителем съемки. Киноэкспедиция была очень трудной, ее участники провели 45 дней в полярном плавании, семь дней жили в самоедском (ненецком) стойбище, отсняли 1300 метров пленки. Капица надеется на продолжение съемок в следующем, 1930 году, но новая экспедиция на р. Обь, к обским самоедам, срывается.

В музее в это время, как он пишет, его основательно загружают политпросветработой, хотя не совсем понятно, когда он ею занимается, т. к., судя по письмам, большую часть времени он пребывает на киносъемках. В конце 1930 Л.Л. наконец совершает свой жизненный выбор. 21 ноября 1930 он сообщает брату: «Я подал заявление об уходе из Музея, еще не знаю, куда перейду служить. Опять думаю поговорить в киноорганизации». Л.Л. Капица оказался единственным сотрудником Этнографического отдела, кто ушел в это время из музея по своей воле. Хотя нельзя исключить и того, что уход этот был спровоцирован вышеупомянутой ситуацией в этнографической науке и музее.

У него наступает очередной крутой поворот в жизни. Он переходит на педагогическую работу в Машиностроительный учебный комбинат треста среднего и тяжелого машиностроения, где, не прекращая кинодеятельности, занимается организацией учебной части и лаборатории. В письме от 7 июня 1931 он с гордостью сообщает брату: «Мы начинаем свое производство учебных фильмов, маленькое ателье, мощный радиоузел, – твои англичане могут нам позавидовать». Но и этнография его не отпускает, он признается, что новая работа его увлекает, но по-прежнему тянет в экспедицию летом. Видимо, поэтому, когда Л.Л. Капице предложили стать Ученым секретарем в Научно-исследовательском институте оленеводства, он не отказывается. Почти два года он продолжает работать и в Машиностроительном комбинате, где, кроме всего прочего, преподает химию и металловедение, и в Институте оленеводства. Летом 1932 он месяц работает в тундре, изучая оленеводство у ненцев. Итогом была статья,

опубликованная в журнале «Северное оленеводство». В конце 1932 Капица уходит из Института оленеводства и уже полностью посвящает себя производству учебных фильмов. За несколько лет он достиг немалых успехов в создании научных и учебных фильмов. Первым в стране, а может, как он пишет, и в мире, применил микросъемку по разрыву металла, снял первый в стране цветной учебный фильм «Строение материи» и много других, но тематика их уже никак не соотносится с этнографией.

С середины 1930-х он становится штатным режиссером киностудии «Леннаучфильм». В 1938, когда Леонид Леонидович Капица умер, в прессе появилось сообщение о его смерти, где его назвали известным советским кинематографистом. Однако в памяти потомков он остался этнографом-исследователем, собравшим уникальные этнографические вещевые и фотоколлекции.

Жизнь постоянно ставила его в тяжелейшие жизненные обстоятельства, обусловленные и общественно-политической ситуацией в стране, и определенной противоречивостью характера. Однако интеллект, воля, профессионализм позволяли ему каждый раз достойно отвечать на очередной вызов судьбы.

Марко Клементи

Архив фашистской политической полиции – Carabinieri на Родосе¹

Марко КЛЕМЕНТИ

*доктор исторических наук,
Университет Калабрии
Государственный архив Додеканеса,
Родос*

В ноябре 2013 на Родосе трое итальянских ученых обнаружили архив фашистской политической полиции – Carabinieri за 1932–1946 годы. Эта сенсационная находка – редкий случай нетронутого со второй половины 1940-х годов архива – станет одним из самых ценных инструментов для изучения последствий расовых законов 1938 года на Родосе и Холокоста в Италии в целом.

Исторический контекст

В 1912, во время войны с Османской империей, итальянцы заняли архипелаг Додеканес (сегодня – часть Греции). По парижскому договору 1920 года эти острова должны были быть переданы Греции, но война между Грецией и Турцией позволила Италии оставаться на Родосе и других островах архипелага и к тому же занять

marcoclementi@hotmail.com

¹ В сокращенном варианте текст доклада был опубликован на сайте «Cogita.ru». – <http://www.cogita.ru/analitka/novosti-nauki/na-rodose-naideny-dokumenty-po-istorii-holokosta-v-italii>.

отдаленный остров Кастеллоризо (около 100 км южнее Родоса и только в 3 км от Турции), который является частью архипелага Додеканес, но во время Первой мировой войны находился под французской оккупацией. В 1923 Лозаннский мирный договор закрепил то, что уже существовало де-факто: Додеканес стал территорией Италии². Хотя Родос находился под администрацией Италии уже 11 лет, но только с 1923 Рим приступил к политике активного вмешательства во всех областях жизни Додеканеса: началось строительство портовых инфраструктур, дорог и мостов, а также новых зданий, театров, кинотеатров и многого другого. В архиве итальянской администрации сохранились тысячи планов и чертежей этих строек.

Первый губернатор – Марио Лаго, который оставался на этом посту до 1936, пытался устроить на Родосе зеркало итальянской цивилизации и при этом обойтись без фашизации этой территории. Например, сохранялось разделение населения по религиозным общинам, как это было при Османской империи. Евреи, мусульмане, католики и православные имели своих представителей, которых губернатор привлекал к решению вопросов, затрагивающих их интересы.

У нас имеются данные о национальном и конфессиональном составе населения Родоса на 1931 год: католиков было 6735 человек, православных (греки) – 104 485, мусульман (турки) – 8276, иудеев – 4481. Общая численность населения составляла 130 855 человек³. Евреи жили в основном на Родосе и на Косе, на Калимносе и на Леросе – по одному человеку. Экономический кризис 1929 года стал причиной эмиграции с Родоса большого числа бедных евреев.

Ситуация изменилась в 1936 и совпала со сменой губернатора. Этот пост занял Чезаре Мария Де Векки, один из квадрумвиров фашистского марша на Рим 1922 года (Де Векки получил тогда прозвище «четвероногое марша на Рим»). Он начал проводить политику открытого фашизма, которая проявилась в «итальянизации» всех областей политической, культурной и общественной жизни. Еврейская община была помещена под полицейский контроль, стали проявляться признаки расизма. В 1937 несколько евреев были отстранены от участия в массовых мероприятиях фашистской партии⁴. В ноябре 1938, после

² История оккупации Додеканеса свидетельствует о том, что Муссолини не инициировал, а продолжил итальянскую политику внешней экспансии.

³ Archivio storico dell'Arma dei Carabinieri, Roma (Исторический архив Армии carabinieri, Рим – далее Archivio Carabinieri). В. 37, ф. 24. Popolazione Complessiva del Possedimento alla data del 21 aprile 1931. Во время итальянского завоевания Додеканеса, в 1912, на Родосе было зарегистрировано всего 596 еврейских семей, из них 3692 человека постоянно жили на острове, 598 имели временный эмиграционный статус. См.: Archivio Centrale Dello Stato, Roma (Центральный гос. архив, Рим), carte Ameglio, b. 33, f. 336. Relazione sui servizi civili, Rodi, 25 settembre 1912, per il R. Commissario per l'amministrazione delle isole f.to Maselli, visto dal comandante del corpo di occupazione, f.to Ameglio.

⁴ Государственный архив Додеканеса, Фонд Carabinieri (далее – GAK DOD CRRR UCS). 1935, 1, 59, pratica 243, Comando del Gruppo dei Carabinieri Reali di Rodi, stralciato dal n. 236 del 13 ottobre 1937 de «Il Messaggero di Rodi», PNF, Fasci Giovanili di Combattimento, Comando Federale dell'Egeo, Radiazione, Rodi, 11 ottobre 1937.

принятия Римом расовых законов, несколько тысяч иностранных евреев должны были покинуть территорию Италии, в том числе Родос.

По данным переписи населения 1941 года, численность евреев на острове Родос – только 1861 человек, данные о Косе отсутствуют⁵. Таким образом, за десять лет их численность уменьшилась более чем в два раза.

История архива

В середине 1932 Гвидо Грассини, командир полиции Родоса, капитан карабинеров⁶, создал особое Центральное бюро, где аккумулировалась вся информация о населении Додеканеса. 16 июня 1932 он писал в секретном меморандуме в штаб-квартиру карабинеров в Риме: «...функции полиции на Родосе (общественная безопасность) находятся полностью в руках карабинеров. На Родосе есть Центральное бюро полиции. Здесь я создал отдел генеральной картотеки, картотеку политиков, осужденных по общеуголовным преступлениям, подрывных элементов, иностранных граждан и умалишенных [сумасшедших]»⁷. В меморандуме от 13 декабря 1932 перечисляются категории учета, не используемые карабинерами, но близкие к полицейским категориям, адаптированным к местным реалиям. В истории итальянских карабинеров принципы учета, примененные на Родосе, не имеют аналогов⁸.

Вскоре Центральное бюро стало большим служебным архивом, он располагался в бывшей казарме карабинеров. В конце 1930-х картотека содержала около 50 000 карточек, соответствующих такому же числу дел. С июня 1938 Центральным бюро руководил подполковник Фердинандо Миттино. Во время Второй мировой войны Центральное бюро продолжало функционировать и накапливать досье. 8 сентября 1943 Италия вышла из войны, и Родос был оккупирован немцами. Карабинеры разделились: часть из них не согласилась подчиниться Муссолини и была депортирована; те карабинеры, которые решили служить фашистской республике, стали Национальной республиканской гвардией. Миттино перешел к Муссолини и в 1944 преобразовал Центральное бюро в Главное бюро общественной

⁵ Архив итальянской администрации Додеканеса (далее – GAK DOD IDD). 1943, f. 305, Popolazione presente al 31 dicembre 1941 suddivisa per religione.

⁶ В январе 1959 г. Грассини станет тридцатым Генеральным командиром итальянских карабинеров.

⁷ Archivio Carabinieri. B. 37, f. 24. Promemoria riservatissimo al Comando Generale dell'Arma dei Carabinieri Reali, Roma, f.to Grassini.

⁸ См.: Comando Generale dell'Arma dei Carabinieri Reali. Istruzioni sul Carteggio. – Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1932.

безопасности. Бюро продолжало вести учет, выполняя также приказы оккупационной армии Третьего рейха⁹.

В конце войны англичане оккупировали острова. Некоторое время они использовали архив бывшего Центрального бюро. Фонды 1946 года созданы британской военной администрацией.

В 1947 Додеканес был возвращен Греции. Здание казармы карабинеров стало резиденцией греческой полиции. Некоторое время греки также использовали архив, поскольку он выполнял функции регистрации актов гражданского состояния. Когда он стал ненужным, его не уничтожили, – греческие власти просто закрыли помещение архива. Впоследствии про архив забыли.

В начале 2000-х этот архив был приобретен Государственным архивом Додеканеса, но в права владения Архив Додеканеса вступил только в ноябре 2013. К этому времени я уже сотрудничал с архивом. Нам с коллегами предстоял перевод папок в новое помещение, которое было выделено под архив в другом здании в феврале 2014. К апрелю 2014 сюда были переведены более 800 папок и 107 служебных книг, которые поместились в 249 коробках, мы их распаковали и выставили. С 9 апреля я начал инвентаризацию и одновременно замену испорченных папок на новые. 1 сентября 2014 Музей Холокоста в Вашингтоне предоставил нам грант для изучения и инвентаризации «еврейской части» архива, которая состоит из нескольких тысяч личных дел.

Как организован архив, что он содержит и какое историческое значение имеет?

Архив (около 200 метров стеллажей) формировался в июне 1932. В зависимости от характера дела, карабинеры присваивали ему номер и категорию. Дело оставалось открытым и могло пополняться без ограничений. Все дела имеют обратную нумерацию страниц: первая страница находится внизу, новый материал добавлялся сверху; открывая дело, мы видим его последнюю страницу. Есть дела, состоящие из одного документа, и дела, в которых содержится более 900 страниц (последних немного, и обычно они разделены на части). Реестр состоит из 63 ящиков, содержащих около 90 000 карточек, выставленных в алфавитном порядке. Кроме именной имеется картотека предприятий и событий.

Именная карточка содержит: имя, фамилию, имена отца и матери, дату и место рождения, место жительства. Это общая информация. Помимо имени указаны год, «категория» и «специальность». Категорий и специальностей около 150 (например: 1-14; 2-8; PS 16, 3-47). По этим данным можно довольно

⁹GAK DOD CCRR UCS. 1944, pratica 128, Nuova organizzazione dell'ufficio centrale di polizia per l'isola di Rodi, Gruppo Carabinieri delle Isole Egee, Ufficio Comando, № 31/1, 17 febbraio 1944, f.to Mittino.

быстро найти соответствующий файл, обозначенный в указателе. В последней строке «Precedente» («События») содержится архивная информация, которая читается в обратном порядке, начиная с конца: год (например, 1935), следующая цифра (например, 1203) – указывает место папки в ряду, затем идет категория, спецификация, номер дела или протокола.

В дополнение к этим категориям и специальностям имеются отдельные фонды, как-то: православное и мусульманское духовенство, малые острова Додеканеса, политические преступники (на последних заведены 1040 дел в период 1932–1937), дела о гражданстве.

И тут мы подходим к проблеме Холокоста (очень связанной с вопросом о гражданстве) и к тому, какую ценность для изучения итальянской политики по отношению к евреям после принятия в Италии расовых законов представляет настоящий архив¹⁰.

К вопросу о Холокосте

Следует напомнить, что в начале итальянской оккупации Эгейских островов здесь имелись два вида гражданства: эгейское (или малое) и полное итальянское. Первое, эгейское, имели те, кто жил на островах при Османской империи, то есть греки, турки и евреи. По статье 30 Лозаннского договора 1923 года между Италией и Турцией все они, если постоянно жили на Родосе на 6 августа 1924, имели право выбрать итальянскую «суддитанца», то есть стать подданными итальянского короля, при этом они не имели политических прав и не могли служить в армии (отсюда понятие «малое гражданство»)¹¹. Полное итальянское гражданство могли получить те граждане Родоса, которые прошли военную службу (для этого нужно было получить разрешение губернатора, что удавалось далеко не всем, особенно евреям), или по королевскому декрету.

Большая часть еврейской общины не имела полного итальянского гражданства, а лишь эгейское (малое). По расовому закону 1938 года все евреи, которые являлись иностранными подданными или получили итальянского гражданства после 1 января 1919, должны были покинуть территорию Итальянского королевства в течение шести месяцев (до 12 марта 1939). Это хорошо известно специалистам. В прошлом многочисленные дискуссии о том, каким образом

¹⁰ Не следует также забывать, что данный архив с большей полнотой позволит исследовать общую историю итальянского присутствия на Додеканесе. Ранее материалы по этой теме ограничивались документами, отложившимися в основном в Архиве итальянской администрации (около 20 000 дел за 1912–1947).

¹¹ См.: Regio Decreto Legge 10 settembre 1922 n. 1387 e Regio Decreto Legge del 13 gennaio 1924 (n. 343) convertito in legge il 15 luglio 1926 (n. 1588). См.: http://archivio.camera.it/patrimonio/archivio_della_camera_regia_1848_1943/are01o/documento/CD0000000484. Об истории отношений между Италией и Турцией см.: Grassi F. L'Italia e la questione turca (1919–1923). Opinione pubblica e politica estera. – Torino: Zamorani, 1996.

итальянцы преследовали евреев, сводились к сравнению с немцами, и мнения всегда склонялись к смягчению ответственности, что для многих было вполне удобно. Этому способствовало и то, что документация за 1943–1945, когда евреи были депортированы из Италии, была в основном уничтожена.

Известный исследователь истории Холокоста в Италии Микеле Сарфатти делит итальянскую политику по отношению к евреям на два периода: 1) от расовых законов 1938 года до 1943, когда, как он пишет, «нарушались их права»; 2) 1943–1945, когда в Италии их жизнь подвергалась опасности (по последним данным, в Германию были депортированы 8529 евреев)¹².

Этот подход рационален, но он имеет одно ограничение – это анализ пост-фактум. Я придерживаюсь иной точки зрения: евреи подвергались преследованиям в те периоды и в таком порядке, которые соответствовали потребностям итальянской политики. Во время войны, например, ситуация складывалась весьма противоречивая.

Известны случаи, когда евреи бежали из зон немецкой оккупации в итальянскую, как, например, в Салониках в 1943. Однако со вступлением Италии в войну в июне 1940 почти все иностранные евреи, которые по разным причинам находились на итальянской территории, были депортированы в концлагеря. В районах, оккупированных итальянской армией во Франции, в Югославии и в Греции до 1943 евреи были, как правило, спасены от немцев. Но часто те же евреи были остановлены на итальянской границе и не могли войти в страну. Эта ситуация сохранялась до весны 1943, когда Германия начала требовать от Италии интернировать не только итальянских евреев, но и всех евреев, оказавшихся так или иначе в руках дуче. Муссолини собирался уступить: готовились планы эвакуации евреев к северным границам, в город Больцано¹³. Однако все это было остановлено бомбардировкой Рима 19 июля 1943, а затем падением Муссолини 25 июля 1943.

С выходом из войны 8 сентября 1943 и немецкой оккупацией части Италии ситуация для евреев изменилась. В Риме немцы сначала депортировали карабинеров 7 октября 1943, потому что их считали нелояльными Муссолини. Десятью днями позже, 16 октября 1943, отправили в Германию римских евреев¹⁴.

На Родосе, после оккупации острова немцами в сентябре 1943, итальянская армия раскололась: те, кто не присоединился к республике Муссолини, были депортированы. Остальные под командованием подполковника Ф. Миттино, стали сотрудничать с немцами. Местная администрация перешла

¹² *Sarfatti M.* Gli ebrei nell'Italia fascista: vicende, identità, persecuzione. – Torino: Einaudi, 2007.

¹³ В это же время в оккупированной Франции также было принято решение о передаче немцам иностранных евреев, см.: *Sarfatti M.* Fascist Italy and German Jews in south-eastern France in July 1943 // *Journal of Modern Italian Studies.* – 1998, № 3. – P. 318–328; см. также: ACS. MI, DGPS, Ebrei stranieri. A16, f. 59. Provvedimenti presi nella Francia occupata dalle truppe italiane.

¹⁴ См.: *Casavola A.* 7 ottobre 1943. La deportazione dei carabinieri nei lager nazisti. – Roma: Ed. Studium, 2008.

в руки бывшего заместителя губернатора Иджинио Фаралли, его неоднозначная фигура заслуживает более глубокого изучения¹⁵. Карабинеры стали называться Национальной республиканской гвардией и продолжили использовать бывшее Центральное бюро как служебный архив. В этой обстановке произошла крупнейшая во время Второй мировой войны депортация евреев с территории Италии: 23 июля 1944 более 1800 местных евреев были депортированы с Родоса, сначала на трех кораблях в Афины, затем поездом в Освенцим. Сегодня, благодаря документам, сохранившимся в архиве Центрального бюро, мы можем реконструировать все фазы депортации, а также доказать непосредственное участие итальянских властей в ней. До недавнего времени ученые были уверены в том, что итальянцы сотрудничали с немцами, но документальных доказательств этого не было.

Депортация

17 апреля 1944 Центральное бюро полиции направило в муниципалитет Родоса письмо следующего содержания: «...во время подготовки к очередной проверке удостоверений личности населения¹⁶ просим составить для нашего учреждения в двух экземплярах список имен всех евреев, которые в настоящее время проживают на Родосе. Предпочтительно, чтобы они были разделены на группы или семьи, с указанием адреса (улица и номер дома)». Письмо подписал лейтенант карабинеров Чесаре Черати. 11 мая 1944 центральный загс Родоса сообщил Центральному бюро: «Ваша просьба от 17 апреля выполнена. Имеется в двух экземплярах список имен евреев, проживающих в настоящее время на Родосе». Документ подписал глава администрации мэра (имя не указано). Карандашом Миттино пометил: «Дайте мне дело на контроль»¹⁷. За два дня до депортации евреев, 21 июля 1944, сам Миттино отметил: «Копия списка (евреев) была передана сегодня президенту трибунала Рино Росси, который

¹⁵ И. Фаралли (Ugo Igino Faralli; 1889–1965) поступил на дипломатическую службу в 1912 после прохождения конкурса и в 1913 был назначен консулом 2-го класса. Он принимал участие в Первой мировой войне в качестве офицера запаса. Награжден серебряной медалью за воинскую доблесть. См. о нем: La formazione della diplomazia nazionale (1861–1917). Repertorio bio-bibliografico dei funzionari del Ministero degli Affari Esteri / Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato. – Roma, 1987. – P. 313. В архиве см.: GAK DOD CCRR UCS, 1941, pratica 1865, cit., Ufficio Centrale di Polizia – 3° Divisione, Pro-Memoria, Rodi, 22 aprile 1945.

¹⁶ Контроль удостоверений личности был назначен губернаторским указом (подписан Фаралли), он должен был проходить в алфавитном порядке, начиная с 5 июня и по 17 августа 1944. См.: GAK DOD CCRR UCS. 1943, pratica 4715, Ufficio Servizio, n. 311/3 di protocollo, Rodi, 20 ottobre 1943, Controllo delle carte d'identità.

¹⁷ GAK DOD CCRR UCS. 1944, pratica 939, Ebrei domiciliati o residenti nel Possedimento, Ufficio Centrale di Polizia, 4715/6, 1943, Rodi, 17 aprile 1944, f.to Cerati и там же, Rodi 11 maggio 1944, protocollo n. 2237, Ufficio Anagrafe, Trasmissione elenco nominativo ebrei res. in Rodi, siglato per il podestà il capo ufficio.

обязался вернуть ее как можно скорее. Другая копия была в свое время доставлена немецкой секретной полиции» (то есть гестапо).

Данный документ восстанавливает исторический контекст, он свидетельствует о непосредственном участии фашистской Италии в депортации евреев и радикально меняет подход к проблеме. Сегодня в архиве обнаружен список евреев, составленный итальянскими властями в апреле 1944 и переданный затем немцам¹⁸.

Эти новые документы, вместе со многими другими, обнаруженными в архиве, дают возможность специалистам глубоко изучить историю еврейской общины Родоса в период итальянского фашистского режима. Документы показывают, что итальянские власти вступали в сотрудничество с немецкой оккупационной военной администрацией с целью соблюдения собственных интересов. Пытаясь спасти жизни некоторых итальянских солдат, интернированных немцами, Фаралли и соратники пожертвовали еврейской общиной, не только ничего не предпринимая, чтобы предупредить ее уничтожение, но полностью сотрудничая с оккупантами.

¹⁸ Список был обнаружен в GAK DOD IDD, 1945, f. 18, вне хронологии. В настоящее время дело перемещено в GAK DOD IDD, 1944, f. 293. На обороте листов (6 л.) бланки муниципалитета Родоса. Список содержит 1660 имен, разделенных по семьям. К моменту депортации к ним добавилось около 100 человек с острова Кос. На сегодня мы еще не знаем точно, сколько человек было депортировано. Более точный ответ можно будет получить по окончании инвентаризации архива – в результате изучения личных дел граждан еврейской национальности.

Наталья Крук

ОКБ-196

Из истории ОТБ-ОКБ ОГПУ-НКВД-МВД по созданию подводных лодок

Наталья Семеновна КРУК

НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)

В конце 1920-х в СССР развернулась борьба с «вредительством». Многих инженеров обвинили в создании «контрреволюционной» промышленной партии. Карательные действия не обошли стороной и ленинградский «Судотрест» вместе с подчиненными ему заводами.

В 1927 на Балтийском заводе были арестованы инженеры-кораблестроители. Это было первое дело, коснувшееся «Судотреста». В 1930 ОГПУ было организовано второе «дело» – в связи с неудачными испытаниями подводных лодок типа «Декабрист»¹.

Коллектив технического бюро № 4 Балтийского завода во главе с Б.М. Малининым и К.И. Руберовским разработал проект первой серии советских подводных лодок, состоящий из шести единиц, головная подлодка получила название «Декабрист». Испытания «Декабриста» на погружение проводи-

¹ См.: Санкт-Петербург – родина подводных сил России / Авт.-сост. Г.Н. Малофеев, В.П. Семенов; ЦКБ МТ «Рубин». – СПб., 2002. – С. 106–107.

лись в 1930. В процессе испытаний у лодки появился крен. Его причиной был неуравновешенный (построечный) кренящий момент, наличие которого маскировала неправильная установка кренометра. Нужно было устранить кренящий момент переносом балласта². Сформировалось мнение, что ошибка была заложена в проекте, и потому существующая конструкция – «вредительская».

Действительно, при проектировании подводной лодки было допущено немало ошибок, но они исправлялись своевременно. Исправления и переделки не привели к срыву постройки. Следовательно, подбор руководителей проекта, инженеров и исполнителей технического бюро был сделан правильно.

Несмотря на это были арестованы почти все инженеры технического бюро – его начальник Б.М. Малинин³, начальник механического подотдела Э.Э. Крюгер, начальник подотдела систем С.А. Базилевский, К.И. Руберовский (на момент ареста – главный инженер Балтийского завода) и другие. Почти всем арестованным была определена высшая мера наказания. Позже приговор заменили на 10 лет лишения свободы.

Когда в январе 1930 экономическим отделом ОГПУ в Ленинграде было создано ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе⁴, его техническим руководителем был назначен заключенный инженер-судостроитель А.Н. Асафов, в 1928 проходивший по «делу Промпартии». Ранее Асафов в течение многих лет работал в конструкторском бюро под руководством И.Г. Бубнова⁵. Лучшими из построенных Бубновым лодок считаются «Минога», «Акула», «Морж» и незавершенный проект лодки водоизмещением в 952 тонны. В 1930 чертежи этих лодок оказались у А.Н. Асафова. Эти материалы довольно сильно устарели, тем не менее проект подводной лодки водоизмещением 952 тонны, разработанный Бубновым еще в 1915, по-видимому, послужил для А.Н. Асафова прообразом для проекта подводной лодки IV серии. Этот проект стал разрабатываться ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе. Также необходимо было найти и исправить недостатки, обнаруженные при испытаниях подводных лодок типа «Декабрист».

² Есть другая интерпретация ситуации, касающейся проблемы крена. В то время еще никто в мире не знал причин значительного крена у подводных лодок при погружении. Впоследствии, уже в заключении в ОТБ ОГПУ, которое продолжало работы над проектом подлодки «Декабрист», С.А. Базилевский разработал теорию погружения подводных лодок, впервые в мире объяснившую причины крена, и на ее основе дал рекомендации по их устранению. См.: Разрозненные страницы семейной хроники. Кутейниковы – Тацки – Базилевские – Завалишины – Тучковы – Дормидонтовы / Авт.-сост. Н.С. Кутейникова. – СПб., 2013. – С. 120, 127.

³ Б.М. Малинина еще в 1929 по неизвестным причинам хотели отстранить от руководства техбюро.

⁴ ОТБ ОГПУ разместили рядом с техническим бюро № 4, в административном здании Балтийского завода.

⁵ Иван Григорьевич Бубнов (1872–1919) – ученый-кораблестроитель, до революции – профессор Петербургского политехнического института, генерал-майор и профессор Морской академии. Выдающийся конструктор подводных лодок, И.Г. Бубнов по случайности не был расстрелян в лагере «Медведь» Новгородской области и даже был освобожден, но вскоре, в марте 1919, заболел и умер от тифа в Петрограде (см.: Репрессированные политехники. – Ч. 1 / [Сост. В.А. Смелов, Н.Н. Сторонкин]; [НИЦ «Мемориал»]. – СПб., 2008).

Именно поэтому под началом А.Н. Асафова были отданы опытные инженеры-кораблестроители, работавшие над проектом подводной лодки «Декабрист», – Б.М. Малинин, П.Г. Гойнкис, К.И. Руберовский, Э.Э. Крюгер, С.А. Базилевский и другие, репрессированные в 1930.

ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе выполнило значительный объем работ по совершенствованию подводных лодок типа «Декабрист» и «Ленинец». В апреле 1931 его объединили с техническим бюро № 4 в одно ОКТБ-2 под управлением ОГПУ. Техническим руководителем объединенного бюро снова стал А.Н. Асафов. Успешное окончание испытаний подводных лодок первой серии, в том числе и подводной лодки «Декабрист», показало незначительность так называемых «вредительских действий». В 1931–1932 осужденные инженеры были освобождены «условно-досрочно»⁶.

В середине 1934 все ОКБ ОГПУ СССР были расформированы, заключенные специалисты освобождены.

После революционного скачка, начавшегося в 1927 и продолжавшегося в начале 1930-х, в подводном кораблестроении наблюдался застой. Лодки IV и VI серии были шагом назад по сравнению с «декабристами», «ленинцами» и «щуками». Инженерам, стоявшим во главе проектирования советского подводного флота, как например, Малинину и Руберовскому, которые в недавнем прошлом были репрессированы, не доверяли. Начальник Главного управления судостроительной промышленности Р.А. Муклевич, начальник Морских сил СССР Г.М. Орлов и другие охотно поддерживали любые идеи, исходившие от людей менее опытных, менее квалифицированных, но никогда не подвергавшихся репрессиям.

Начало массовых репрессий на флоте и в судостроении относится к 1937, когда на совещании руководящих работников НКВД возглавлявший это ведомство Н.И. Ежов заявил, что, по мнению Сталина, военно-фашистский заговор имеет ответвление и в руководстве Военно-морских сил.

Волна репрессий коснулась многих десятков ученых, конструкторов и организаторов судостроения. Среди них П.Г. Гойнкис, А.С. Кассациер, Э.Э. Папмель, В.Ф. Попов, В.Л. Бжезинский и другие.

В 1936–1939 в Ленинграде развернулись активные работы по созданию новой энергетической установки для подводных лодок, называвшейся единым двигателем. Над его созданием с успехом работала группа инженеров, арестованных в Москве и Николаеве в 1937–1938. Начав свою работу в ОТБ НКВД в Болшево (Московская область), они были переведены в ленинградское ОКБ-196, организованное в 1939. Среди этих инженеров были П.Г. Гойнкис, А.С. Кассациер, В.С. Дмитриевский, Г.С. Манишер, А.К. Назаров, И.И. Акиншин, К.В. Трофимов, Н.С. Иссерлис, С.И. Захарченко, П.И. Коканин и другие.

⁶См.: Санкт-Петербург – родина подводных сил России. – С. 107.

Кроме этой была группа военных моряков: А.И. Азаров, К.С. Рахмаров, В.Л. Бжезинский, Каракулов и другие.

ОКБ-196 входило в группу военно-морского судостроения, которая находилась в составе ОТБ 4-го Спецотдела НКВД-МВД⁷. В группу военно-морского судостроения ОТБ 4-го Спецотдела входили также и ОКБ-172 и ОКБ-5. Прослеживаются связи ОКБ-196 с ОКБ-172 и, особенно, с ОКБ-5. Вероятно, эти ОКБ к тому же были и структурными подразделениями тюрьмы № 1 «Кресты» НКВД-МВД. В процессе исследований по истории ОКБ-172, ОКБ-5 и ОКБ-196 было отмечено, что многие сотрудники числились в составе двух или трех из этих ОКБ⁸. Можно предположить, что в силу производственных или других причин сотрудники переводились из одного ОКБ в другое, а, может быть, работали в нескольких ОКБ одновременно. К таким заключенным сотрудникам можно отнести В.Л. Бродского, П.Г. Гойнкиса, А.Л. Константинова, Э.Э. Папмеля, Б.П. Соколова, В.И. Тягунова, А.Г. Гринглаза и др. Подтверждением версии, что ОКБ-196, ОКБ-172, ОКБ-5 были структурными подразделениями тюрьмы «Кресты», косвенно может служить свидетельство А.П. Орас⁹. Ада Паулевна рассказала, что 21 июня 1941 состоялось свидание членов семьи (жена, дочь, сын, сестра) с Паулем Юрьевичем Орасом, который являлся заключенным сотрудником ОКБ-196. Свидание проходило в «Крестах». После этого свидания ОКБ при «Судомехе» отправили в эвакуацию в Зеленодольск под Казанью.

По воспоминаниям Б.П. Соколова, который очень активно работал и в ОКБ-5, до начала войны и после реэвакуации из Зеленодольска ОКБ-196 располагалась на четвертом этаже административного здания завода «Судомех» (с января 1937 – завод № 196). До настоящего времени не удалось определить, являлось ли ОКБ-196 («Бюро Слезина» – по фамилии административного начальника – офицера НКВД) преемником ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе. Объединяющим моментом этих двух технических бюро НКВД была тематика их исследований: создание подводных лодок. В ОКБ-196 под руководством главного конструктора новой энергетической установки В.С. Дмитриевского (до ареста – офицер ВМФ, сотрудник ГУК) был разработан проект экспериментальной подводной лодки с единым двигателем, работавшим в подводном положении по замкнутому циклу.

Группа Дмитриевского в составе А.С. Кассациера, Г.С. Манишера, А.К. Назарова и К.В. Трофимова предложила заменить в схеме РЕДО (регенеративный

⁷ Следует отличать его от обычного ОТБ. ОТБ при НКВД-МВД – это управленческая структура НКВД-МВД, созданная для организации и управления всеми «шарашками» (различными проектными, техническими, технологическими ОТБ, СТБ, ОКТБ, ЦКБ и другими бюро в системе ГУЛАГа).

⁸ См.: Крук Н.С. Орудия победы: материалы к истории ОКБ № 172 // Вестник «Мемориала». – СПб.: НИЦ «Мемориал», 2001. – № 6.

⁹ Интервью с А.П. Орас от 24.12.1998, записала Н.С. Крук. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

единый двигатель особого назначения) оба физических метода удаления углекислоты ее химическим поглощением сплавом ХПИ – так называемый ЕД ХПИ¹⁰.

Технический проект экспериментальной подводной лодки (проект 95) с единым двигателем внутреннего сгорания, работающим в подводном положении по схеме ЕД-ХПИ, разрабатывался под руководством главного конструктора А.С. Кассацера. Кроме В.С. Дмитриевского в разработке проекта деятельное участие принимали инженеры-конструкторы А.К. Назаров (заместитель главного конструктора), К.В. Трофимов, Г.С. Манишер, Н.С. Иссерлис и др. Этот технический проект можно считать революционным¹¹.

В начале 1939 разработанный ОКБ-196 проект утвердили, а 16 июня было принято постановление Комитета обороны при Совете Народных Комиссаров СССР о постройке опытной подводной лодки с единым двигателем. Во исполнение этого постановления 16 ноября 1939 на заводе № 196 заложили подводную лодку с литерно-цифровым обозначением М-401 (заводской номер С-135) с единым двигателем (ЕД-ХПИ). Экспериментальная подводная лодка была построена заводом «Судомех» (завод № 196). С апреля по ноябрь 1940 на заводском стенде проверялась возможность работы энергоустановки по замкнутому циклу ЕД-ХПИ.

1 июня 1941 подводную лодку М-401 спустили на воду в высокой степени готовности. В связи с началом войны и приближением фронта к Ленинграду экспериментальную лодку решили эвакуировать вглубь страны для продолжения достроечных работ и проведения последних испытаний. 1 августа 1941 лодку погрузили на баржу и по Волго-Балтийскому каналу отправили в Горький на судостроительный завод № 112 («Красное Сормово»). В связи с наступлением холодов в ноябре лодку перевели на Каспийское море, в Баку, где и проходили заводские ходовые испытания.

В результате изоляции от внешнего мира сотрудники ОКБ-196, авторы единого двигателя ЕД-ХПИ, были лишены возможности использовать обширный опыт работ по РЕДО, ИВР и другим установкам, о которых к ним доходили лишь отрывочные сведения. Это привело к ряду ошибок в конструкциях¹². Некоторые из этих ошибок имели самые печальные, даже трагические

¹⁰ Следует объяснить суть установки РЕДО. Она была создана в середине 1930-х группой инженеров под руководством С.А. Базилевского для первой опытной подводной лодки с единым двигателем (С-92). Основа действия установки заключалась в том, что отработанные газы корабельного дизеля очищались от продуктов сгорания, смешивались с кислородом и вновь подавались в цилиндры. Для удаления же продуктов сгорания предлагалось: либо откачивать их за борт, либо сжигать и хранить в специальных баллонах.

¹¹ Главное отличие ЕД-ХПИ (единый двигатель с химическим поглотителем известковым) от предшествующих РЕДО и ВВД заключалось в использовании специального химического поглотителя для углекислого газа, выделяемого двигателем при работе.

¹² Так, например, было известно, что струя кислорода, выходящая под большим давлением, способна воспламенить любые горючие вещества даже при комнатной температуре, также как и струя топлива в атмосфере кислорода, подаваемого в дизельный отсек, не должна была превышать

последствия. Так, 23 ноября 1942 во время ходовых заводских испытаний на Каспии получил тяжелые ожоги и погиб В.С. Дмитриевский.

Государственные испытания подводной лодки М-401 начались сразу же после окончания заводских – 10 июня 1945 и продолжались до конца года. По их завершению конструкторский коллектив, трудившийся в ОКБ-196 над созданием двигателя ЕД-ХПИ для этой лодки, был освобожден, награжден Сталинской премией и переведен на работу в ЦКБ-18. Подводные лодки проекта 615 (головная) и А615 (серийные) в количестве 32 единиц были построены на заводе «Судомех»¹³.

В 1946 работы, связанные с подводной лодкой проекта 95, прекратили и всю документацию передали в ЦКБ-18. В ноябре 1948 туда же перевели группу конструкторов ОКБ-196 – авторов проекта единого двигателя ЕД-ХПИ – А.С. Кассациера, Г.С. Манишера, А.К. Назарова и К.В. Трофимова, как уже было сказано выше. Этим конструкторов досрочно освободили из заключения. В 1948 они были награждены Сталинской премией второй степени. В число награжденных был включен и погибший в 1942 В.С. Дмитриевский.

С появлением атомных силовых установок все работы над единым двигателем на обычном топливе были свернуты.

Всего М-401 совершила 74 выхода в море, 68 погружений, прошла 2800 миль, из которых 360 миль под водой под дизелями, работавшими по замкнутому циклу. В 1946 подводную лодку М-401 включили в состав ВМФ. Ее по железной дороге доставили в Ленинград на судостроительный завод № 196, произвели текущий ремонт. В дальнейшем она использовалась для отработки различных опытных конструкций, внедрявшихся на лодки с единым двигателем новых проектов, а также для подготовки специалистов¹⁴. Впоследствии лодку перевели в Кронштадт.

В 1948 ОКБ-196 в техническом и плановом отношении становится филиалом ЦКБ-18. В апреле 1953 ОКБ было расформировано, его сотрудники были переведены в ЦКБ-18.

С 12 апреля 1999 ЦКБ-18 присвоено название «Федеральное государственное унитарное предприятие Центральное конструкторское бюро морской

0,5 атмосфер, а весь кислородный трубопровод должен прокладываться на достаточном удалении от всех поверхностей, где было бы возможно образование масляных или других горючих пленок. Весь же трубопровод вне дизельного отсека, несущий кислород под более высоким давлением, должен тщательно экранироваться металлическими кожухами и слоем тепловой изоляции. Авторы установки ХПИ этих условий не соблюдали. В результате неоднократно возникали серьезные пожары, при которых горело даже железо. Размеры аварий во много раз увеличились из-за включения в газовый тракт всего объема машинного отсека, который таким образом становился главной ареной всяких вспышек и взрывов при нарушениях дозировки кислорода.

¹³ Одна из этих лодок сохранилась в качестве стенда по борьбе с пожарами в Военно-морском инженерном институте в городе Пушкин.

¹⁴ Например, в 1949 на лодке испытывали трубопровод новой конструкции для выхлопных газов дизелей, проверялись газоанализаторы кислорода, опробовались средства снижения шума.

техники „Рубин“», которое является главной в стране проектно-конструкторской организацией в области подводного кораблестроения.

Хочется заключить статью отрывками из автобиографической поэмы Григория Дмитриевича Ляхова «О жизни в 20-м веке». В них автор рассказывает о своих впечатлениях от пребывания в ОКБ-196.

*...Вот март пришел. В двадцатых числах
Мы на завод привезены,
На тот завод, который в мыслях
Моих хранился в дни войны.*

*Здесь помещений было мало,
По коридору за дверьми
Довольно много пустовало,
Но не были мы стеснены.*

*Все мы теперь ложились на ночь
Не в те кровати с мелкой сеткой.
Сварил нам Куц Иван Демьяныч
(Себе, конечно, с сеткой редкой).*

*Еще тогда, в Зеленодольске,
Железные для всех кровати.
Из дерева изъяли вовсе,
Чтоб нам не лазить на полати.*

*Кровати эти привезли
С этапом на завод, для нас.
Вот в этих-то и спали мы.
На досках там лежал матрас...*

*Пришел и май и день победы,
Войны дни минули давно,
А мы сидим, и нет надежды
Не говорят нам ничего.*

*У нас создан филиал.
Народ у нас частично взяли,
Свободней стал проектный зал,
Но в спальнях мы все вместе спали...*

*Июль и август миновали,
И вот сентябрь уже идет,
А нам свободы не давали.
И даже зло меня берет...*

*Сентябрь же месяц, двадцать шесть
Стоит число в календаре,
И в этот день приходит весть:
Дадут сейчас свободу мне...¹⁵*

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Асафов Алексей Николаевич (1881–1933) – инженер-конструктор и изобретатель. Согласно справочнику «Памяти судостроителей – жертв репрессий», уроженец Кронштадта, выходец из семьи рабочего-судостроителя. До поступления в институт работал учеником на судостроительных заводах. После окончания Петербургского политехнического института стал производителем работ на Балтийском судостроительном заводе. Участвовал в постройке канонерской лодки «Бобр» на Балтийском заводе и линкора «Гангут» – на Адмиралтейском заводе. С 1912 заведовал на Балтийском заводе бюро подводных лодок.

По другим данным, – рабочий-самоучка, высшего профессионально-образованного не получил. До революции в течение многих лет занимался практической работой в конструкторском бюро, руководимом И.Г. Бубновым. С 1913 – строитель подводных лодок на Ревельском заводе «Ноблеснер», где также работал под руководством И.Г. Бубнова. Участник «Ледового похода» Балтийского флота в 1918. Затем руководил ремонтом подводных лодок на Адмиралтейском заводе, назначен начальником Севзапвоенпрома, затем – главным инженером Сестрорецкого оружейного завода.

В 1928 арестован и обвинен по «делу Промпартии». Находясь в заключении, руководил проектированием подводных лодок. С января 1930 – в ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе, затем – в ОКБ-2 ОГПУ (объединенное ОТБ ОГПУ и техническое бюро №4). Автор проектов двух подводных лодок. В середине 1930 предложил эскизный проект эскадренной подводной лодки, который уже 23 ноября того же года был утвержден Реввоенсоветом страны. В 1931 вместе с другими репрессированными инженерами был освобожден «условно-досрочно», работал на Балтийском заводе в ЦКБС. В начале 1932 по инициативе А.Н. Асафова разработал эскизный проект малой подводной лодки IV серии,

¹⁵ Приводится по рукописи из личного архива В.Д. Чебанова (Санкт-Петербург).

который 20 марта 1932 был утвержден Реввоенсоветом СССР. Умер в феврале 1933, о его смерти также существуют две версии¹⁶.

Базилевский Сергей Александрович (1900–1990) – ученый-кораблестроитель и педагог, специалист в области теории и строительной механики подводных лодок. Родился в семье офицера, потомственный дворянин. С 1916, по окончании реального училища, – студент кораблестроительного отделения Петроградского политехнического института. С 1917 рабочий на электростанции в Туапсе, на изысканиях в Голодной степи. В декабре–ноябре 1920 в РККА, затем вновь на учебе в ППИ. Арестован 21.04.1922 по обвинению в агитации против изъятия церковных ценностей. Освобожден 30.05.1922 под подписку о невыезде. В марте 1925 окончил институт. Работал в Регистре СССР, а с 1927 – в КБ подводных лодок Балтийского завода.

Арестован 22.05.1930 в связи с неудачными испытаниями подводной лодки «Декабрист», обвинен во вредительстве. Приговорен КОГПУ 30.04.1931 к 5 годам лишения свободы. В заключении работал в ОТБ ОГПУ на Балтийском заводе. Освобожден «условно-досрочно» 16.03.1933. После освобождения принимал участие в проектировании подводных лодок в ЦКБС-2. В начале Великой Отечественной войны работал на «Дороге жизни», проектировал и строил для нее транспортные суда-тендеры, организовал переправу по Ладоге топлива.

В послевоенные годы работал в конструкторских бюро, участвовал в проектировании первых советских танкеров и других судов. Старший научный сотрудник ЦНИИ им. Крылова. В конце 1950-х перешел на педагогическую работу в Военно-Морскую академию, где читал курс архитектуры корабля, затем в Высшем военно-морском инженерном училище им. Дзержинского возглавил кафедру архитектуры корабля. Доктор технических наук, профессор. С начала 1970-х персональный пенсионер союзного значения. Умер в 1991, похоронен на Волковом кладбище¹⁷.

Бжезинский Валериан Людомирович (1894–1985) – конструктор-судоостроитель, специалист в области проектирования боевых кораблей. Родился в Каменец-Подольске, в дворянской семье. В 1917 после окончания

¹⁶ Памяти судоостроителей – жертв репрессий: Краткий справочник. – Вып. 1. – Л.: Судоостроение, 1990; *Базилевский С.А.* У колыбели подводного флота: Записки конструктора. – СПб.: Малахит, 1996; Санкт-Петербург – родина подводных сил России; *Краснов В.Н.* Военное судоостроение накануне Великой Отечественной войны. Свидетельствуют документы. – М.: Наука, 2005; *Хотинский О.В.* Энергетические установки подводных лодок (1901–1960). – Владивосток, 2003. См. также материалы В.П. Семенова в Архиве НИЦ «Мемориал» (СПб.).

¹⁷ Памяти судоостроителей – жертв репрессий; *Базилевский С.А.* У колыбели подводного флота: Записки конструктора. – СПб.: Малахит, 1996; Санкт-Петербург – родина подводных сил России; Репрессированные политехники.

Морского инженерного училища был назначен судовым инженер-механиком крейсера «Аскольд» Мурманской флотилии. В 1919 командир Астраханского порта, его комиссар и старший морской начальник. Член ВКП(б) с 1919. С 1922 возглавлял организованное им Военно-морское инженерное училище, являясь одновременно его комиссаром. С 1925 работал в центральных учреждениях ВМФ в должностях помощника Наморси по технико-хозяйственной части и председателя секции НТК, председателя комиссии по наблюдению за постройкой кораблей. С 1933 работал в различных проектно-конструкторских организациях и на заводах судостроительной промышленности. В течение ряда лет находился на ответственной работе за границей – в Китае, Германии, Италии и США. Возглавлял ЦКБС-1 (ЦКБС-17), занимавшееся проектированием боевых надводных кораблей для ВМФ. В 1937 отозван из командировки в США и арестован, приговорен к ВМН, впоследствии расстрел заменен 10 годами ИТЛ. В заключении работал в ОКБ-196, разработал проект погружающегося торпедного катера и другие проекты. Освобожден в 1947, но в 1949 приговорен к ссылке в Енисейск. В 1952 освобожден из ссылки, а в 1955 полностью реабилитирован. По возвращении из ссылки работал старшим строителем кораблей на Херсонском судостроительном заводе, с 1955 был главным конструктором отдела ЦНИИ им. Крылова. С 1969 персональный пенсионер союзного значения. Награжден двумя орденами Красного Знамени (1922, 1967)¹⁸.

Гринглаз Арон Гилярович (Григорьевич) (1914–1991). Родился 1.01.1914 в семье сапожника. С 13 лет работал с отцом. С 1928 учащийся профтехникума. С 1932 рабочий на заводах в Мозыре, Минске и Ленинграде. Окончил рабфак при ВКТИ. С 1933 студент ЛЭМИ (с 1934 – на электро-механическом факультете ЛИИ). В 1936 исключен из комсомола за сокрытие ареста своего брата. В январе 1937 арестован второй брат Г., а 1 мая – он сам. Приказом по институту от 27.08.1938 исключен как «не являющийся на вызовы деканата и не работающий над дипломным проектом». Обвинен в шпионаже в пользу Польши и в подготовке террористического акта («обстрела трибуны на Дворцовой площади во время первомайской демонстрации из пулемета, установленного на Исаакиевском соборе»). Освобожден 11.08.1939 в связи с прекращением дела. Восстановлен в институте и в октябре 1939 окончил энергомашиностроительный факультет Ленинградского политехнического института по специальности «Паровые турбины». Инженер на Ижорском заводе. Вторично арестован 6.11.1940 по обвинению в участии в «контрреволюционной организации». Приговорен Ленгорсудом

¹⁸Памяти судостроителей – жертв репрессий; *Васильев А.М.* Линейные корабли типа «Советский Союз». – СПб.: Галей Принт, 2006. – С. 165–166; *Звягинцев В.Е.* Трибунал для флагманов. – М.: ТЕР-РА-Книжный клуб, 2007; см. также: Жертвы политического террора в СССР: База данных. – <http://lists.memo.ru/d4/f276.htm>.

28.05.1941 по ст. 58-8,10, 11 УК РСФСР к 8 годам заключения. В июле 1941 этапирован в Северо-Уральский лагерь, работал на лесоповале, на ремонтном предприятии лагеря в Сосьве. За разработку гвоздильного автомата срок наказания снижен на 1 год. С 1943 в Кашайском, Отраденском и Монастырском лагпунктах. В 1946 в Свердловской пересыльной тюрьме. Направлен в ОКБ-196 на разработку судовой энергетической установки. Освобожден 6.11.1947, оставлен при ОКБ вольнонаемным. Летом 1950 выслан из Ленинграда для работы на спецобъекте МВД СССР. С 1955 ведущий инженер в ЦКБ-19 Минсудпрома в Ленинграде, затем старший научный работник во ВНИИ «Электростандарт». Умер в 1991.¹⁹

Дмитриевский Валериан Степанович (1902–1942) – конструктор-судостроитель, специалист в области подводного кораблестроения. В 1922 по комсомольскому набору пришел на флот. В 1926 после окончания кораблестроительного отделения Военно-морского инженерного училища им. Дзержинского работал конструктором в различных флотских проектных организациях. К 1937 являлся начальником подводного отдела Главного управления кораблестроения ВМС РККА.

В 1938 репрессирован. В заключении работал в ОКБ-196 главным конструктором и испытателем двигателя ЕД-ХПИ экспериментальной подводной лодки М-401 (заводской номер С-135). Погиб во время испытания лодочной энергетической установки в 1942. Включен в список сотрудников ОКБ-196, награжденных в 1948 Сталинской премией. Посмертно реабилитирован в 1956.²⁰

Иссерлис Наум Соломонович (1904 – после 1942) – инженер-кораблестроитель-механик. В 1928 окончил Московский институт инженеров транспорта и в декабре того же года поступил на Балтийский судостроительный завод в качестве инженера механического цеха, позднее перешел в конструкторское бюро проектирования подводных лодок, с 1935 был помощником главного конструктора по проектированию подводных лодок 9-й серии (тип «С»). В 1937 приговорен к 10 (?) годам тюремного заключения. Работал в ОКБ-196, принимал участие в испытаниях подводной лодки М-401. Реабилитирован посмертно.²¹

¹⁹Репрессированные политехники. – С. 212.

²⁰Памяти судостроителей – жертв репрессий; *Крук Н.С.* Ээки – лауреаты Сталинской премии // Право на имя: Биографика 20 века: Девятые чтения памяти В. Иофе. – СПб., 2012. – С. 88–102.

²¹Памяти судостроителей – жертв репрессий; см. также: «М-401». Экспериментальная подводная лодка проекта 95 (ЕД-ХПИ) // Сайт «Великая Отечественная под водой». – <http://www.town.ural.ru/ship/ship/m401.php3>; *Романова Е.Д., Романов А.Д.* История создания подводных лодок с воздухомезависимыми энергоустановками в СССР до начала Второй мировой войны // Вестник АГТУ. – 2014. – № 4.

Ляхов Григорий Дмитриевич (1896–1973) – инженер-механик. Окончил механическое отделение Морского инженерного училища имп. Николая I в Кронштадте (1916). Флагманский инженер-механик Балтийского флота, инженер-капитан 1-го ранга. Окончил Военно-морское инженерное училище им. Дзержинского (1926). В 1936 – заместитель начальника НИИ военного кораблестроения. Уволен в отставку, лишен воинского звания. Арестован 11.11.1936. Приговорен 16.05.1937 Военным трибуналом войск НКВД ЛВО по ст. 58-6 УК РСФСР («шпионаж») к 6 годам тюремного заключения и 3 годам поражения в правах. В заключении сначала находился на Колыме, с 1939 работал в ОКБ-196 НКВД. Освобожден 26.09.1946, остался работать в ОКБ-196 вольнонаемным. Арестован в 1948, пробыл три месяца в тюрьме. Приговорен к «вечной ссылке», в марте 1949 отправлен этапом в Караганду. Реабилитирован в 1955, вернулся в Москву²².

Русанов Михаил Георгиевич (1909–1986) – инженер-кораблестроитель, главный конструктор. Родился в Санкт-Петербурге. Работал в ЦКБ-18 Наркомата судостроительной промышленности, начальник секции. В 1941 эвакуирован вместе с ЦКБ в г. Горький. Арестован в Горьком 2.04.1945, приговорен Горьковским облсудом 14.07.1945 к 7 годам лишения свободы. В заключении работал в ОКБ-196. Освобожден 3.04.1952. Впоследствии работал в морском конструкторском бюро «Малахит» (Ленинград). Реабилитирован Верховным Советом РСФСР в 1955²³.

Сердюк Петр Иванович (1896–1964) – инженер кораблестроитель. Родился в Екатеринославе (Днепропетровск). Окончил Морское инженерное училище в Кронштадте. Во время Гражданской войны на Волжской военной флотилии участвовал в вооружении и ремонте кораблей. В 1929 окончил кораблестроительный факультет Ленинградского политехнического института. Назначен помощником директора Кронштадтского пароходного завода по корпусной части, заведовал кронштадтскими доками, был портовым инженером Кронштадтского порта. С 1927 начальник отдела Техуправления ВМС, с 1930 в Госприемке, а с 1931 – председатель Ленкомснаба. В 1932 перешел в ЦНИИВК ВМС, где специализировался на проектировании подводных лодок, с 1934 – главный конструктор подводных лодок типа «Малютка». В 1936 – заместитель главного конструктора ЦКБС-18 и руководитель подводной группы 2-го управления Главморпрома. Арестован 20 июня 1937

²² Памяти судостроителей – жертв репрессий; *Чебанов В.Д.* Жизнь и судьба инженера-механика Балтийского флота Г.Д. Ляхова (1896–1973) // Право на имя: Биографика 20 века: Десятые чтения памяти В. Иофе. – СПб., 2013. – С. 78–85.

²³ Жертвы политического террора в СССР: База данных. – <http://lists.memo.ru/d28/f379.htm>; Книга памяти Нижегородской области. – Нижний Новгород, 1997; см. также: Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

УНКВД по Ленинградской области. Обвинялся в участии в «правотроцкистской вредительской организации». Приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 29 мая 1940 к 10 годам лишения свободы. В заключении работал в ОКБ НКВД, МВД и, в том числе, в ОКБ-196. Участвовал в работах по проектированию двигателя подводной лодки, разработал проект подъема из воды лидера «Ташкент», руководил его подъемом. Постановлением ОСО при НКВД СССР от 13 января 1945 освобожден «условно-досрочно». В 1945 назначен начальником проектно-судоподъемного бюро Аварийно-спасательного управления ВМФ. С 1949 – ведущий конструктор «Гипрорыбфлота», автор проекта научно-исследовательского подводного судна «Северянка» и глубоководного аппарата «Север-1». Реабилитирован в 1955. Умер в 1964²⁴.

Трусов Григорий Мартынович (1889–1960) – подводник-практик, конструктор и строитель подводных лодок, воспитатель кадров подводников, автор трудов по устройству и истории подводных лодок. Из крестьян Московской губернии. В 1910 призван на флот и после окончания школы учебного отряда подводного плавания и унтер-офицерского класса машинной школы стал с 1913 плавать машинным унтер-офицером 1-й статьи на подводных лодках Балтийского флота. В 1917 назначен на должность лодочного инженер-механика. В 1932 направлен на Балтийский судостроительный завод для участия в постройке и испытаниях советских подводных лодок типа «Ленинец», назначен главным строителем. Одновременно преподавал устройство подводных лодок в ВВМУ им. Фрунзе. В 1937–1944 находился в заключении как бывший член партии эсеров. После освобождения преподавал в школе Учебного Краснознаменного отряда подводного плавания им. Кирова. С 1953 на пенсии²⁵.

Крюгер Эрнест Эдуардович (1893 – 1941?) – инженер-конструктор, кораблестроитель. Родился в Астрахани. Окончил кораблестроительное отделение Петербургского политехнического института (1913). В 1914–1917 воевал на различных фронтах, после революции 1917 года демобилизовался. Окончил Морское инженерное училище в Кронштадте (1919). С 1921 работал на Балтийском судостроительном заводе инженером-механиком по ремонту подводных лодок. С 1926 – в конструкторском бюро №4 на Балтийском заводе. Арестован 20.05.1930 в связи с неудачными испытаниями подводных лодок типа «Декабрист». Приговорен Коллегией ОГПУ 30.04.1931 к 10 годам

²⁴ Памяти судостроителей – жертв репрессий; *Базилевский С.А.* У колыбели подводного флота; Санкт-Петербург – родина подводных сил России; *Краснов В.Н.* Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. Свидетельствуют документы. – М., 2004; см. также архивную справку УФСБ по СПб. и Лен. области от 30.11.1998. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

²⁵ Памяти судостроителей – жертв репрессий; см. также: *Трусов Г.М.* Подводные лодки в русском и советском флоте. – Л.: Судпромиздат, 1957.

лишения свободы. После ареста работал в ОТБ ОГПУ. Через два года освобожден «условно-досрочно». С 1937 – зам. главного инженера ЦКБ-18. Вторично арестован в 1937. Имеются данные, что умер в августе 1941 в областной специализированной психиатрической больнице ТО НКВД г. Казани. Посмертно реабилитирован²⁶.

Малинин Борис Михайлович (1889–1949) – ученый-кораблестроитель. Окончил Петроградский политехнический институт (1914). Работал инженером-конструктором Балтийского судостроительного завода. С 1917 – зав. технического бюро отдела подводного плавания. С 1918 работал в секции судостроения отдела металлов ВСНХ. С 1920 – зав. отделом подводного плавания Балтийского завода и руководитель ремонтно-восстановительных работ на всех подводных лодках Балтийского флота. С 1925 работал во временной конструкторской группе при НТК ВМС РККА. С 1926 – в СКБ по подводным лодкам на Балтийском заводе. Арестован в 1930 в связи с неудачными испытаниями подводных лодок типа «Декабрист». В заключении работал в ОТБ ОГПУ на Балтийском заводе. В 1932 освобожден «условно-досрочно». С 1932 – заместитель главного инженера Балтийского завода. В 1933–1939 – главный инженер и главный конструктор ЦКБ по подводным лодкам. С 1939 работал в Ленинградском кораблестроительном институте, одновременно, в 1939–1946, – в ЦНИИ им. А.Н. Крылова. Доктор технических наук (1940). С 1946 профессор, а с 1948 заведующий кафедрой проектирования судов в Ленинградском кораблестроительном институте. Умер 27.09.1949, похоронен на Охтинском кладбище²⁷.

Руберовский Ксенофонт Иванович (1886–1938) – инженер-конструктор, кораблестроитель, один из основоположников создания советского подводного флота. Родился в Ивановской области, с. Пестяки. Окончил кораблестроительное отделение Петербургского политехнического института (1912). Работал в техническом отделе Балтийского судостроительного завода. В 1914 – на строительстве подводной лодки «Барс», затем начальник отдела подводных лодок. В 1919 назначен начальником механического отдела, затем главным механиком Балтийского завода. С 1921 читал лекции по устройству подводных лодок в соединенных классах специалистов комсостава ВМФ, издал

²⁶ Памяти судостроителей – жертв репрессий; см. также: *Крючков Ю.* Под жерновами сталинских репрессий. Из истории судостроения // Вечерний Николаев. – 2007. – № 126, 20 октября. – <http://www.vn.mk.ua/stories.php?id=1751>; Умершие в Казанской специализированной психбольнице с 1940 по 1970 год // Сайт «Мемориал Великой Отечественной войны». – <http://www.kremnik.ru/node/422553>.

²⁷ Борис Михайлович Малинин (К 100-летию со дня рождения): Воспоминания ветеранов. – Л., 1990. – 134 с. – (Очерки по истории ЦКБ МТ «Рубин».); см. также архивные справки УФСБ по СПб. и Лен. области и ИЦ ГУВД (М.). – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

конспект своих лекций. Впервые арестован в 1922. С 1926 участвовал в проектировании и постройке подводных лодок типа «Декабрист». Вторично арестован 13.02.1930 в связи с неудачными испытаниями подводных лодок типа «Декабрист». Обвинен «во вредительской связи с Промпартией» и шпионаже. В апреле 1930 приговорен сначала к ВМН, затем расстрел заменен 10 годами лишения свободы. В заключении работал в ОТБ ОГПУ при Балтийском заводе. В январе 1932 освобожден «условно-досрочно». Работал на Северной судостроительной верфи: сначала начальником планово-производственного отдела, затем – главным инженером. С 1934 – ответственный сдатчик подводных лодок типа «Малютка» на заводе им. Марти в Николаеве. В третий раз арестован 23.07.1938. Приговорен 27.09.1938 Военной коллегией Верховного Суда СССР («диверсионно-вредительская деятельность») к расстрелу. Расстрелян 27.09.1938. Посмертно реабилитирован в 1956²⁸.

²⁸ Памяти судостроителей – жертв репрессий; см. также архивную справку УФСБ по СПб. Лен. обл. от 12.11.1996. – Архив НИЦ «Мемориал» (СПб.).

Мартин Малек

Йохан Лайдонер: солдат и политик на службе Эстонии

Мартин МАЛЕК

*политолог, научный сотрудник
Национальной Академии обороны
(Вена)*

Молодость и служба в царской армии

Йохан Лайдонер родился 12 февраля 1884 на хуторе Раба, в районе современной эстонской деревни Вардья. В 1900 закончил школу, в августе 1901 поступил в пехотное юнкерское училище в Вильно (ныне Вильнюс). В апреле 1905 по окончании училища был направлен служить на Кавказ, где занимался охраной железных дорог. В 1909 Лайдонер едет в Петербург и поступает в Императорскую Николаевскую военную академию, которую оканчивает в 1912. Начало Первой мировой войны застает Лайдонера снова на Кавказе, оттуда он отправляется на фронт в Польшу. В октябре 1917 он впервые получает предложение возглавить эстонские армейские части, и в начале 1918 он возглавил первую Эстонскую дивизию, формально считавшуюся частью российской армии. Численность дивизии составляла 51 000 человек (из них 1000 офицеров), она включала в себя эстонских солдат и офицеров

malek65_at@yahoo.de

из разных подразделений российской армии. Именно эта дивизия послужила впоследствии основой для формирования эстонской национальной армии.

Лайдонер в Освободительной войне (1918–1920)

Вскоре после оглашения Декларации независимости Эстонии, 24 февраля 1918 Таллин (Ревель), а потом и вся страна были заняты войсками Германии, не признавшей эстонской независимости. Эта оккупация закончилась лишь в ноябре 1918 с падением кайзеровской Германии. Но в том же месяце Эстония подвергалась нападению Красной армии, и уже в конце ноября в Нарве была провозглашена Эстонская советская республика («Эстляндская трудовая коммуна»).

В Таллине началось срочное формирование эстонской национальной армии. 30 ноября 1918 в сторону фронта двинулся первый эстонский бронепоезд. В начале января 1919 подразделения Красной армии стояли в 30–40 километрах от Таллина. Под началом Лайдонера, который 23 декабря 1918 становится Главнокомандующим эстонской армией (в январе 1919 произведен в генерал-майоры), эстонская армия довольно быстро перешла в контрнаступление, и уже в феврале 1919 Эстония была освобождена, а 25 мая эстонская армия заняла Псков. В Освободительной войне эстонцев поддерживали Балтийская эскадра ВМФ Великобритании и добровольцы из Финляндии, Швеции и Дании. В ноябре и декабре 1919 возле Нарвы произошли самые ожесточенные бои. Советское командование направило против Эстонии до 160 000 человек, со стороны Эстонии было только 85 000, но все-таки ей удалось победить. В январе 1920 Советская Россия была вынуждена согласиться на перемирие, а 2 февраля в Тарту был подписан мирный договор. В нем Россия отказывалась от любых притязаний к Эстонии и признавала ее независимость. Около 5000 эстонских солдат заплатили за это перемирие своей жизнью. До сих пор Освободительная война считается самым великим событием в эстонской истории, а ее ветеранам всегда оказывался особенный почет. После войны Лайдонер занялся политической и предпринимательской деятельностью.

Роль Лайдонера в 1920–1940 гг.

1 декабря 1924 эстонские коммунисты, при поддержке советской разведки, предприняли в Таллине попытку государственного переворота, которая очень быстро провалилась. Важную роль в подавлении путча сыграл Лайдонер, который к тому времени снова был назначен Главнокомандующим Вооруженных сил Эстонии и обладал широкими полномочиями.

В 1920–1924 Лайдонер был членом эстонского парламента (Riigikogu) и работал в числе прочего в комиссии по внешней политике. Участвовал неоднократно в составе эстонской делегации в конгрессах Лиги Наций, а в 1925 был

членом одной из ее комиссий, занимавшейся определением границ между Сирией, Турцией и Ираком (то есть в по-прежнему беспокойном регионе).

Основанная в 1929 «Лига ветеранов Освободительной войны» («Вапсы») начинает в начале 1930-х все больше и больше вмешиваться в политику и требовать введения поста президента Эстонии, наделенного широким спектром полномочий, и, таким образом, – сокращения полномочий парламента. Между августом 1932 и октябрем 1933 по требованию «Вапсов» (радикально-националистической, а, по мнению многих, скорее профашистской организации) состоялось три референдума о реформе конституции. Последний из них собрал 72,7% голосов за введение поста президента и сокращения полномочий парламента. «Вапсы» расценили этот результат как мандат на власть в стране, к тому же для них выборы в местное самоуправление в городах оказались очень успешными (в середине января 1934 они получили, например, в Таллине почти половину голосов). В этой ситуации государственный старейшина (премьер-министр Эстонской Республики) Константин Пятс и Лайдонер сочли нужным принять решительные меры: 12 марта 1934 Пятс вводит чрезвычайное положение, он вновь назначает Лайдонера командующим вооруженными силами, а также ответственным за внутреннюю безопасность, наделяя его «чрезвычайными полномочиями». Лайдонер распускает «Вапсов» и конфискует их имущество, ссылаясь на то, что они «агитировали против государства и закрепленного конституцией социального порядка» и угрожали миру и безопасности в обществе¹. Впоследствии правительство попыталось также доказать, что «Вапсы» готовили государственный переворот, но это не удалось, несмотря на многочисленные обыски и допросы.

Конец независимой Эстонии и ее армии. Судьба Лайдонера в 1939–1953 гг.

В 1939 СССР принудил Эстонию к размещению своих солдат на ее территории. Лайдонер не нашел никакой возможности противостоять этому, понимая, что любое военное сопротивление Эстонии обреченно на поражение. 16 июня 1940 советский нарком иностранных дел Вячеслав Молотов предъявил ультиматум: Эстония должна разместить на своей территории новые воинские части советской армии, а также должна сменить правительство. В Таллине, не видя иного выхода, было принято решение подчиниться. 17 июня в Эстонию вошли части Красной армии. В тот же день Лайдонер и глава Ленинградского военного округа генерал Кирилл Мерецков подписали в эстонском приграничном городе Нарва протокол о размещении этих дополнительных частей советских войск на территории Эстонии («Нарвский диктат»).

Пять дней спустя Лайдонер был смещен с поста главнокомандующего по требованию советской стороны. Эстонская армия, которая в значительной

¹ Цит. по: Kasekamp A. The Radical Right in Interwar Estonia. – Basingstoke; London, 2000. – P. 100.

степени была детищем Лайдонера, прекратила свое существование и стала 22-м территориальным корпусом РККА. 17 июля 1940 Лайдонер был депортирован в Пензенскую область. С началом наступления немецкой армии на СССР Пятс и Лайдонер были арестованы. Остаток своей жизни Лайдонер провел в советских тюрьмах и умер в марте 1953 во Владимирской тюрьме.

Некоторые оценки роли Лайдонера

Фигура Лайдонера, что и неудивительно, в советской историографии всегда представлялась в негативном свете. Об этом можно судить хотя бы по вышедшей в 1983 энциклопедии о Гражданской войне, где среди прочего сказано, что он был контрреволюционным военным и государственным деятелем буржуазной Эстонии². Конечно, от советских источников не приходится ожидать хоть сколько-нибудь положительного отзыва о деятельности Лайдонера, ведь именно он был «виноват» в том, что Эстония стала советской лишь в 1940–1944, а не еще в 1919.

Исключительно негативные оценки сохраняются и в постсоветское время. Книга, изданная в 2013 Российским институтом стратегических исследований и написанная известным своими патриотическими настроениями автором, утверждает, уже при первом упоминании Лайдонера (без каких-либо источников), что на создание эстонской национальной армии были пущены большие деньги, полученные от стран Антанты, в первую очередь, Великобритании и США. Ссылаясь на книгу, вышедшую еще в 1966, современный автор утверждает, что Лайдонер считал это необходимым для создания «Великой Финляндии». События 1918–1920 годов автор описывает исключительно со ссылкой на эстонского коммуниста Виктора Кингисеппа (1888–1924), который работал на первую советскую разведку (ВЧК)³.

В самой Эстонии к Лайдонеру относятся с большим почтением, особенно при этом подчеркивается его роль в Освободительной войне. В доме Лайдонера в Виимси (пригород Таллина) был открыт в 2001 музей («Эстонский военный музей – Музей генерала Лайдонера» / «Eesti Sõjamuuseum – kindral Laidoneri Muuseum»). Помимо экспонатов и материалов, относящихся непосредственно к генералу Лайдонеру, посетитель может увидеть военные документы, карты, фотографии, огнестрельное оружие. Здесь же представлено развитие эстонской армии после 1991. Выступая в этом музее в 125-ю годовщину со дня рождения Лайдонера, министр обороны Яаак Аавиксоо отметил его заслуги перед Эстонией⁴.

² Хромов С.С. (ред.). Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М., 1983. – С. 316.

³ Воробьева Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. / Российский ин-т стратегических исследований. – М., 2013. – С. 464, 466, 472–474, 485, 492–494.

⁴ Mr. Aaviksoo re-emphasises General Laidoner's contribution to the development of Estonia's nationhood. 12.02.2009 // Ministry of Defence of Estonia. – <http://www.kaitseministeerium.ee/en/>2013 (дата обращения 19.08.2013).

Каринэ Маранджян

История одной книги о Японии из личной библиотеки вождя

Каринэ Генриховна МАРАНДЖЯН

*Институт восточных рукописей РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат исторических наук*

В последние годы в печати появилось несколько публикаций о книгах, находившихся в личной библиотеке Сталина. Среди них было две книги о Японии с его пометками и комментариями: одна из них «Военно-фашистское движение Японии» О. Танина и Е. Иогана (под ред. К. Радека), изданная в 1933. Изначально выпущенная Разведуправлением РККА только для «избранных лиц» Дальневосточного края, она была рекомендована Сталиным для массового читателя, поскольку показала «истинное лицо фашизма»¹. Второй была переведенная с английского языка книга Т. О'Конроя «Японская угроза»², выпущенная в 1934 Государственным социально-экономическим издательством. Ее тираж составил 50 000 экземпляров. Имена переводчиков не указаны и установить их не удалось, что с учетом политических реалий

¹ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония 2008: Ежегодник. – М., 2008. – С. 267.

² О'Конрой Т. Японская угроза. – М.: Соцэкгиз, 1934.

тридцатых годов наводит на некоторые размышления, впрочем, в данном случае ничем конкретно не подкрепленные.

Удивительно другое – скорость, с которой книга вышла на русском языке, тогда как ее первое английское издание датировалось 1933 годом.

Сам по себе факт ее перевода не исключителен. В период с 1932 по 1939 в СССР были изданы около шестидесяти переводных изданий (с европейских и японского языков), подавляющее большинство которых были посвящены военной и армейской тематике, проблемам актуальной политики. Лучше всего об этом говорят заголовки этих книг: «Япония и ее империя», «Лицо японской агрессии», «Японская империя хочет иметь самый мощный флот в мире» и др. В этот ряд прекрасно вписывается и сочинение О'Конроя с красноречивым названием «Японская угроза». Судя по тому, что в год выхода книги в печати появилось шесть рецензий в различных изданиях («Молодой большевик», «Коммунистическая молодежь», «Книга и оборона СССР» и др.), она вызвала интерес, а в 1942 была переиздана в Военмориздате.

Что же представляет собой эта книга? Сочинение претендует на исчерпывающий очерк японской психологии, объясняет текущую политическую обстановку внутри страны и ее амбициозные внешнеполитические планы. Сам автор, не стесняясь, называет себя «самым крупным авторитетом по Японии в обоих полушариях из числа живущих ныне японоведов. Это не хвастовство. Я знаю японцев, как ни один другой „варвар“ на земле»³.

Хотя Т. О'Конрой (1883–1935) подает себя как великолепного знатока японской психологии, у него были весьма своеобразные представления: к примеру, он писал, что «мужчины в Японии безжалостны, жестоки, чувственны и вероломны. Они развращены и звероподобны»⁴. Или «это народ, верящий в то, что весь мир стремится уничтожить Японию, что западные державы желают ее раздавить...». Книга изобилует самыми нелестными характеристиками, создавая негативный психологический портрет японцев и рисуя их заносчивыми дикарями. Недаром в его глазах «умственное развитие всего народа вообще очень низко»⁵. С сегодняшней точки зрения, этот опус нельзя назвать иначе как японофобским. В книге много откровенных глупостей, замешанных на плохом образовании и предубеждениях самого автора. Приведем лишь один яркий пример: как автор оценивает роль одной из важнейших буддийских практик – созерцания. Вот что он пишет: «Постепенно его мозг освобождается от всех мыслей, частое прибегание к такому созерцанию вытраивает всякую способность к воображению, и человек, как и следовало ожидать, становится прекрасным солдатом»⁶.

³ О'Конрой Т. Японская угроза. С. 201.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же.

При всей тенденциозности и откровенной нелюбви к стране восходящего солнца, главная мысль этой книги о том, что Япония готовится к большой войне и стремится к мировому господству, – не вызывает никаких сомнений. В этом отношении О'Конрой демонстрирует объективность взгляда и политическую прозорливость. Его предупреждение миру заслуживало внимания и серьезного рассмотрения. Именно это дикое сочетание точности политического диагноза с полной фантазмагоричностью и однобокостью описания симптомов вызывают полнейшую оторопь. Складывается впечатление, что свои писания автор подпитывал не знаниями реалий, а воображением, замешанном на каких-то отдельных фактах и полном непонимании их значения. Это смесь суеверий со слухами, некритично воспринятых автором книги. Поражает, что, прожив в стране более десяти лет бок о бок с представительницей японской нации, О'Конрой так и не сумел полюбить Японию, видя в ней только откровенного врага. Конечно, тогдашняя внутренняя ситуация в самой Японии, с ее имперскими амбициями и растущим национализмом, не располагала к умильному любованию традиционными красотами, однако серьезный исследователь должен различать сиюминутные интересы и ценности, лежащие в основе культуры. Ничего подобного в книге О'Конроя нет. Наверное, правильнее было бы сказать, что это было чисто пропагандистское сочинение, рассчитанное на неискушенного и невзыскующего европейского читателя.

Как было сказано, первое английское издание книги состоялось в 1933⁷; после ее выхода Бернард Шоу устроил в Лондоне большой прием в честь автора, где и представил его литературной общественности. Популярные газеты «Дэйли телеграф» и «Морнинг пост» откликнулись восторженными статьями. К маю 1938 «Японская угроза» выдержала семь переизданий в Британии, было продано 13 000 экземпляров⁸. Скорее всего, столь оглушительный успех не в последнюю очередь объяснялся саморекламой О'Конроя, подававшего себя как крупнейшего знатока Японии, вхожего в высшие круги японского общества. Кроме того, он действительно мог хвалиться тем, что прожил в стране четырнадцать лет и поставляет информацию «из первых рук». К тому же после вторжения в Маньчжурию Япония стала вызывать тревогу у европейцев, и в этом смысле книга О'Конроя поспела очень вовремя.

В предисловии английского издательства говорилось, что «ирландец по происхождению, профессор Тэйд О'Конрой женился на японке из аристократической семьи, которая может проследить свое происхождение за много

⁷ *O'Conroy T. The Menace of Japan.* – London: Hurst and Blackett, LTD. Lm., 1934. Английский вариант книги выложен в интернете: <https://ia902606.us.archive.org/21/items/TheMenaceOfJapan>; <https://archive.org/details/TheMenaceOfJapan>.

⁸ *O'Connor P. Timothy or Taid or Taig Conroy or O'Conroy, 1883–1935: «The „Best Authority, East and West” on Anything concerning Japan» // Britain and Japan: Biographical Portraits.* – Vol. IV / Ed. Hugh Cortazzi. – Routledge, 2002. – P. 360.

столетий. Его брак состоялся после того, как он преодолел невероятное противодействие со стороны родственников жены. Он в то время преподавал в Университете Кэйо в Токио, который являлся Оксфордом Японии, и его ученики были будущими правителями империи. В течение нескольких лет он был тесно связан с иностранным отделом Центрального полицейского управления в Токио, где имел возможность усвоить японскую точку зрения на различные политические проблемы и на отношение к иностранцам. Во время своего продолжительного пребывания в стране профессор О'Конрой жил почти исключительно среди японцев»⁹. «Позднее профессор О'Конрой преподавал в Имперской академии морского штаба, в вечерних школах и в школах различных технических организаций с единственной целью понять мировоззрение различных классов общества»¹⁰. И наконец, в заключении отмечается, что «по пути в Англию профессор О'Конрой провел шесть месяцев в Женеве, изучая организацию Лиги Наций и Международное бюро труда» и что «г. Де Валера, председатель Лиги, готовясь к выступлению по вопросу о политике Японии в Маньчжурии, использовал часть этой книги еще в рукописи»¹¹.

Кстати заметим, что в русском издании в предисловии отсутствует последний абзац английского предисловия, в котором издательство выражает свою благодарность и уважение супруге О'Конроя, которая, «рискуя своей жизнью, добывала информацию, фотографии и документы, которые никогда бы не появились в британской печати без ее помощи»¹². Вероятно, этот благодарственный пассаж в советском издании сочли слишком личным для такой «политически целесообразной» книги.

Кем же на самом деле был автор этой книги, которая, по оценке современного британского исследователя Питера О'Коннора, заслуживает звания «если не самой плохой книги о Японии, то одной из них». Сведения о биографии «этого великого знатока страны восходящего солнца», написавшего всего одну книгу, легко найти в тексте его сочинения. Подробный рассказ о себе ведется от первого лица. Приведем его с небольшими сокращениями.

«С тех пор как я помню себя, я стремился к путешествиям, к бродячей жизни. И когда мне было 13 лет, я вступил в английский флот. Иными словами, я бежал на море. Вероятно, полученное мною там образование было не хуже того, которое я мог бы получить в любой школе. Во всяком случае, я обнаружил, что имею способности к языкам и легко усваиваю язык любой страны,

⁹ О'Конрой Т. Японская угроза. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 2.

¹¹ Там же. С. 3.

¹² См.: «She has visited places at the risk of her life, where no foreigner could go. She has obtained information, photographs and documents that would never have appeared in English print without her help» (О'Конрой Т. The Menace of Japan. P. 8).

которую посещаю. Я служил во флоте Южной Африки. Позже я жил в Берлине. Участвовал в экспедиции в страну Сомали. Плавал в Персидском заливе. В 1906 я вышел из флота и, имея очень мало денег, стал пробиваться в люди. Первая моя настоящая работа была в школе Берлица в Копенгагене. Языки были моим единственным капиталом. Я научался в каждой стране всему, чему мог, и затем покидал ее. В Петербурге я преподавал английский и изучал русский язык. Я занимался историей музыки, историей России и ее народа. <...> Затем я перебрался в Сибирь, эту обширную страну, всегда меня привлекавшую. Там я был учителем в одной дворянской семье. ...Народ в целом интересовал меня, и некоторое время я жил на Украине среди крестьян, изучая их своеобразный язык. В 1914 я вернулся в Англию, проведя некоторое время в Швейцарии. Я устал от войны. Я был космополитом и одинаково любил все народы, участвовавшие в войне. Но патриотизм захватил даже меня. И я вернулся в Англию, чтобы посылить помощь ей. Меня послали в Бельгию, а затем я работал в России в английской торговой миссии. Во время революции я был в Москве, в течение некоторого времени я жил в России и открыл собственное дело. Я преподавал в Высшем морском училище в Турции, должен признаться, что все народы, с которыми я познакомился, казались мне привлекательными. Затем я перебрался на Восток. ...Я намеревался пробыть в Японии, как я говорил, года полтора и оставался там пятнадцать лет»¹³.

Упомянувшийся выше Питер О'Коннор, написавший статью о Конрое для солидного многотомного издания «Британия и Япония: биографические портреты» под редакцией известного япониста сэра Хью Кортацци, считает, что большая часть биографических сведений, которые сообщены в «Японской угрозе», являются чистым вымыслом и ничем не могут быть доказаны. К примеру, он убедительно доказывает, что О'Конрой никогда не был морским офицером, а тем более профессором. Он служил простым матросом на судне из Владивостока, на котором прибыл в Японию. Он действительно преподавал в 1926–1928 в колледже в Хиконэ, затем до 1929 был в Европе, в 1930 – в Корее, потом вновь возвратился в Японию, откуда окончательно уехал в 1932. Прибыв в Лондон, он через знакомых был представлен в Министерство иностранных дел как специалист по Японии. Он всячески хотел получить какую-нибудь должность в министерстве, но ему вежливо отказали. По-видимому, написание книги преследовало одну цель – расчистить путь во внешнеполитическое ведомство. Однако все его усилия – даже сетования на то, что его жена находится в опасности, преследуемая японским секретным обществом «Дракон», не возымели успеха. Представитель британского ведомства отправился в Японию, где встретился с его женой, которая опровергла слух о своем преследовании и к тому же прояснила, что она в прошлом была простой официанткой, а вовсе не вела свое

¹³ О'Конрой Т. Японская угроза. С. 212–213.

происхождение из аристократического рода. Поразительно, что вся история с женой получила до этого большую огласку: статьи о ее преследовании и опасности, которая ей угрожает, уже были напечатаны в британской прессе¹⁴.

Встреча британского представителя с женой О'Конроя, видимо, сыграла не последнюю роль в том, что его мечта о карьере в Министерстве иностранных дел так и осталась неосуществленной. Напомним, что в предисловии к книге тоже упоминалось о героизме его супруги, – к тому времени еще было непонятно, что многое из того, о чем рассказывал О'Конрой, было чистым вымыслом, если не сказать проще – откровенной грубой ложью.

Кстати, японская пресса довольно быстро отреагировала на выход его книги в Британии – газета «Асахисимбун» назвала его «проходимцем и мошенником», что было вполне обоснованно. Именно в этой статье впервые вскрылась правда о О'Конрое: стало ясно, что он не пользовался уважением ни среди японцев, ни среди живших там европейцев. Более того, его репутация преподавателя также оказалась фальшивой, – где бы он ни работал, его быстро увольняли за несдержанный характер и плохие манеры. В общем, почти все, что он рассказывал о себе, оказалось ложью.

Согласимся, что резкая характеристика О'Конроя газетой «Асахи» была справедливой, – он действительно был настоящим авантюристом, причем весьма амбициозным и стремившимся попасть в круг власть предержащих. К примеру, Питер О'Коннор приводит рассказ о том, как Конрой в 1925 встречался с американским президентом Кальвином Кулиджем (1872–1933, президент с 1923 по 1929), причем первая попытка, когда он представился другом принца Уэльского, что было абсолютной неправдой, – окончилась неудачей, а вторая оказалась успешной. Видимо, этот человек обладал умением добиваться своего и вызывать доверие людей, умел убеждать и очаровывать собеседников, ловко манипулируя ими.

Его откровенно пропагандистская книжонка «Японская угроза» была не более чем средством для внедрения в Министерство иностранных дел. Однако этот план не сработал, – министерство категорически не хотело иметь с ним ничего общего.

Не добившись осуществления своих честолюбивых замыслов, Т. О'Конрой вскоре (в 1935) скончался в Лондоне от цирроза печени.

Подчеркнем еще раз, что оглушительный успех этой книги в Британии объясняется тем, что это была одна из первых книг, написанных европейцем, долгие годы жившим в Японии. В те годы это было редкостью, – раньше читателям предлагались либо сочинения самих японцев, либо европейцев, живших за пределами страны. Спрос на информацию из «первых рук» подогрел интерес к опусу Конроя.

¹⁴ См., например, статью под названием «Профессор опасается, что его жену отравили», опубликованную в «Courier Mail» от 21 октября 1933. – <http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/1133306>.

Однако совсем не эта причина объясняет быстрый перевод книги на русский язык и ее издание в СССР. К осени 1933 отношения между СССР и Японией были весьма напряженными. Япония уже вторглась в северо-восточную часть Китая, было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го, советские дипломаты не могли добиться заключения пакта о ненападении, шли аресты советских граждан на КВЖД, и т. д. В одном из писем Сталина Молотову и Кагановичу, датированном октябрём 1933, говорилось: «По-моему, пора начать широкую, осмысленную (не крикливую) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в „Правде“, отчасти в „Известиях“. Надо использовать также ГИЗ и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и положительными сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что выпукло надо выставить отрицательные, империалистические, захватнически-милитаристские стороны»¹⁵. Фактически эти слова означали начало длительной антияпонской кампании. По мнению историка Г.М. Адиебекова, начавшаяся в 1933 идеологическая обработка населения должна была оправдать усиление военного присутствия на советском Дальнем Востоке и укрепление границ.

Книга Т. О'Конроя как нельзя лучше отвечала поставленной задаче. С одной стороны, она давала психологический портрет японцев, с другой – ясно и недвусмысленно делала вывод о том, что «Япония хочет войны». Объективно говоря, тот, кто принял решение о ее переводе на русский язык и издании в СССР, идеально исполнил поручение Сталина. Ирония судьбы в том, что книгу прочитал сам вождь и, не усомнившись ни в одном из ее постулатов, составил или, точнее говоря, утвердился в своем представлении о японцах как о «сволочах» и «мерзавцах». Его сугубо личное негативное отношение к Японии и японцам, как нам кажется, сыграло свою роль в антияпонской кампании, развернувшейся в конце 1930-х годов и не ограничившейся только японскими коммунистами, жившими и работавшими в СССР, но и распространившейся на отечественных японоведов, когда-либо бывавших в Японии или просто изучавших эту страну. Поразительно, что книга, написанная настоящим авантюристом, смогла спровоцировать масштабную борьбу с так называемыми «японскими шпионами».

Конечно, даже если бы этот опус никогда не появился в русской печати, скорее всего, «выявление японских шпионов» все равно бы происходило, поскольку оно соответствовало логике и политике сталинского руководства.

Символично, что в своих страшных рассуждениях и действиях, повлекших за собой гибель и страдание многих людей, тиран руководствовался книжкой, написанной отъявленным мошенником.

¹⁵ Цит. по: ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 / Под ред. Г.М. Адиебекова, Х. Вада. – М.: РОС-СПЭН, 2001. – С. 17–18.

Михаил Мартынов

Феномен анонимности в русском анархизме¹

Михаил Юрьевич Мартынов

*кандидат философских наук, доцент,
докторант кафедры русского языка
Московского педагогического
государственного университета*

Интерес к явлению анонимности, появившийся в последнее время в научной литературе², во многом обязан популярности интернет-сообщества *Anonymous*. В 2012 журнал «Time» даже включил его в список ста наиболее влиятельных людей. Сообщество *Anonymous* обладает всеми признаками горизонтальной анархической организации: у него нет лидеров, четко оформленной структуры и законченной идеологической программы. Членом *Anonymous'a* может стать любой желающий без обязательной декларации собственных ценностей и тем более принятия ценностей группы.

Anonymous понимает идею анонимности, прежде всего, как идею сво-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130).

² См., например: *Вакурова Е.П.* Гендерная анонимность в Интернете. Лингвистические особенности электронной коммуникации в Интернет-дневниках // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. – 2010. – № 2, Т. 1. – С. 283–293; *Kelly B.* Investing in a Centralized Cybersecurity Infrastructure: Why «Hacktivism» can and should influence cybersecurity reform // Boston University Law Review. – 2012. – № 92. – P. 1663–1710.

боды в Интернете, но, по всей видимости, анонимность связана с более широким спектром направлений анархической мысли, наиболее важные из которых (преимущественно на русскоязычном материале) мы рассмотрим в этой работе.

Понятие анонимности многозначно, и отношения анархизма и анонимности нельзя полагать самоочевидными. В связи с этим очень важно предварительно определить, какие смыслы анонимности вообще имеют отношение к анархической проблематике и в каком ракурсе мы будем рассматривать это понятие.

Анонимность может пониматься как синоним безличности. Такое сближение содержит негативную оценку, которая особенно хорошо видна в производном слове *анонимка*, обозначающем анонимное письмо порочащего характера. Связь анонимности и безличности очень точно выражена в творчестве Ф. Кафки. Многие герои его произведений лишены имени или имеют неполные имена. По наблюдениям исследователей, имя у Кафки трансформируется в сторону все большей анонимности: Карл Россман («Америка») – Йозеф К. («Процесс») – К. («Замок»)³.

Анонимность как безличность не является характеристикой анархического дискурса, поскольку не определяется анархической идеологией и встречается в текстах русских анархистов как некоторая противоположность ценностям анархизма. Приведем несколько примеров:

*Ни анархизм, ни гуманизм вообще не возможны без признания факта принципиальной множественности человеческих смыслов, ценности другого человека именно как другого, не как абстрактно-всеобщего, объективно-безличного, анонимного, но именно как неповторимого, единичного, личного человека.*⁴

*Оба стремились защитить человеческую личность от анонимной обезличенности, защитить должное перед лицом гнусного существующего, защитить живое дело от гнета абстрактной мысли.*⁵

Понятие анонимности имеет и противоположные смыслы и означает не «увядание» имени, а право на *не-имя*, не обезличенность, а *саботаж имени*. В этом значении анонимность имеет прямое отношение к анархизму и осмысливается как набор практик сопротивления власти. Анонимность при этом

³ См., например: *Затонский Д.В.* Франц Кафка и проблемы модернизма. – М.: Высшая школа, 1972. – С. 52–53.

⁴ *Рябов П.В.* Анархические письма. – М.: Радикальная теория и практика, 2013. – С. 77.

⁵ *Рябов П.В.* М.А. Бакунин и А.И. Герцен: друзья, единомышленники, оппоненты // Прямухинские чтения 2006 года. – М.: ИНЭК, 2007.

понимается очень широко, это не только, например, нежелание связывать собственные тексты с конкретными именами, но вообще любое сопротивление социальным практикам обязательной номинативной репрезентации личности.

1.

В основе анархической анонимности лежит предположение, что имя и власть между собой тесно взаимосвязаны. В самом общем виде идея владения предметом через обладание именем принадлежит мифологическому сознанию и представляет собой одну из его особенностей.

На уровне политической рефлексии идею номинации как формы власти одним из первых высказал Ф. Ницше, который способность именовать реальность рассматривал в качестве проявления «власти господствующих натур».

Право господ давать имена заходит столь далеко, что позволительно было бы рассматривать само начало языка как проявление власти господствующих натур; они говорят: «это есть то-то и то-то», они опечатавают звуком всякую вещь и событие и тем самым как бы завладевают ими.⁶

В контексте дисциплинарного общества номинация раскрывается как принуждающая практика, являющаяся частью паноптической структуры. В «Надзирать и наказывать» М. Фуко отмечает, что в современном обществе индивидуализация (т. е. определенные практики формирования собственного «я») перестала быть привилегией, она превратилась в обязанность. В условиях дисциплины любая частная жизнь должна быть максимально прозрачной, что является предметом заботы самого человека. Если М. Фуко говорит о «западном человеке» как об «исповедающемся животном», то О. Хархордин называет советского человека «кающимся зверем», подчеркивая значимость для формирования основных параметров советской личности практик группового покаяния и важность горизонтального, а не вертикального надзора⁷. При этом практики признания не универсальны и характеризуют только западную культуру. Например, в японской культуре, как показала А. Вежбицкая, не принято заявлять о своем имени, говорить о себе и своих желаниях, также как и спрашивать о желаниях другого человека⁸.

⁶ Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 238.

⁷ Хархордин О. Фуко и исследование фоновых практик // Мишель Фуко и Россия: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2001. – С. 74.

⁸ Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996.

Западное общество можно назвать *обществом исчезающей анонимности*, и речь здесь идет не только о практиках индивидуализации, но и об усиливающемся внешнем контроле. В 1990 Ж. Делез писал о том, что в результате кризиса дисциплинарного общества, ориентирующегося на практики изоляции и закрытые пространства, ему на смену идет «общество контроля»⁹.

В этом контексте очень важно рассмотреть идею анонимности не как одну из характеристик «дисциплины», а как способ борьбы с властью.

2.

В русском анархизме анонимность встречается в самых разных контекстах и не имеет какой-то единой платформы. Например, ее можно обнаружить в текстах братьев Гординых – известных анархистов начала XX века. В повести «Почему? или Как мужик попал в страну „Анархия“» судья спрашивает у главного героя имя и получает следующий ответ:

На что тебе знать! Ведь я сидел в тюрьме, а не мое название.

Опять смех.

А тот господин говорит:

Мы должны знать [имя], чтобы тебя судить.¹⁰

Установка на анонимность характеризует деятельность некоторых творческих объединений («за Анонимное и Бесплатное искусство») и вообще свойственна многим интернет-сообществам.

Одним из проявлений идеи анонимности можно считать алфавитное расположение авторов некоторых анархических и близких к ним сайтов не по фамилиям, а по именам.

Адольф Окнов
 АКСМ
 Александр Зимбовский
 Александр Лебедев
 Александр Майсурян
 Александр Червяков
 Алексей Барановский
 Алина Витухновская

⁹ Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры (1972–1990). – СПб.: Наука, 2004. – С. 227. См. также книгу С. Гарфинкеля, в которой содержится анализ некоторых практик контроля, ставших естественной частью повседневной жизни: *Гарфинкель С. Все под контролем: Кто и как следит за тобой.* – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С. 24–28.

¹⁰ Братья Гординых. Почему? или Как мужик попал в страну «Анархия». – М.: Изд. Московской федерации анархистских групп, 1917. – С. 29.

Алина Петрова
 Анатолий Тишин
 Андрей Ханжин
 Андрей Цуканов
 Андрей Яковенко
 Анна Петренко
 <...>
 Эдуард Рудык
 Юрий Екишев
 Юрий Мухин
 Юрий Прокопенко
 Ян Мавлевич¹¹

Такое расположение имен затемняет прозрачность привычной классификации «по фамилиям» и затрудняет поиск. Возникающая неразборчивость напоминает практики *тихого сопротивления* власти, описанные Джеймсом Скоттом и обозначенные им как «оружие слабых». Государство постоянно ведет учет человеческих ресурсов, оно контролирует систему мер и весов, стремится упорядочить многообразие форм социальной жизни, унифицировать их. Успешное функционирование государства нуждается в четких инструментах каталогизации реальности, и «фамилизация населения» является одним из таких инструментов¹². Расположение имен перед фамилиями обладает меньшей функциональностью, по сравнению с обратным расположением, и как бы оспаривает принцип «фамилизации». Любопытно, что еще в начале XX века китайский анархист Шифу сформулировал «Двенадцать заповедей анархиста», одна из которых предписывала: «Не пользоваться фамильным именем» (настоящее имя Шифу было Лю Шаобинь).

В целом это явление широко распространено в сетевых анархических сообществах. Например, вот так выглядит алфавитный каталог авторов известной англоязычной сетевой библиотеки анархистских текстов:

Alaric Malgrath
 ALARM
 Albert Camus
 Albert Lévy
 Albert Libertad
 Albert Meltzer
 Alden Wood
 <...>

¹¹ Сайт «За Волю». – <http://zavolu.info/cat3/index.html> (дата обращения: 13.09.2014).

¹² Подробнее о концепции Д. Скотта см.: *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. – С. 202–208.

Willem Larsen
 Will Firth
 Willful Disobedience
 William C. Owen
 William D. P. Bliss
 William Gillis
 William Godwin
 <...>¹³

По именам упорядочен состав редакторского совета международного журнала «Anarchist Developments in Cultural Studies»¹⁴, а также списки авторов многих других сайтов анархической направленности.

Следует отметить, что подобные примеры можно найти и на страницах самых обыкновенных сайтов, никак не связанных с политикой (см., например, сайт Existenz.ru¹⁵). В этих случаях описанное алфавитное расположение имен не выражает особой анархической анонимности и, по всей видимости, связано с изначальной анонимностью Интернета. Если на первых этапах становления Интернета основным именем общения в сети был *ник*, т. е. имя, за которым не стояла никакая реальная сущность и которое не нуждалось в обязательной расшифровке, то в последнее время коммуникационные стратегии изменились, и при общении в Интернете участники социальных сетей все чаще используют свое настоящее имя. Открытое и доступное публичное пространство Фейсбука необходимо для того, чтобы заявить о себе, а нельзя заявить о себе анонимно.

3.

Анонимность в анархизме опирается на некоторые особенности анархического мировоззрения, в частности, на представление об *анархической идентичности*. В некоторых текстах прослеживается мысль, которую очень условно можно выразить следующим образом: *не обязательно называться анархистом, чтобы им быть, как и не обязательно быть анархистом, чтобы им называться*¹⁶.

¹³ The Anarchist Library [Электронный ресурс]. – <http://theanarchistlibrary.org/authors> (дата обращения: 13.09.2014).

¹⁴ Anarchist Developments in Cultural Studies [Электронный ресурс]. – http://www.anarchist-developments.org/index.php/adcs_journal (дата обращения: 13.09.2014).

¹⁵ EXISTENZ.RU [Электронный ресурс]. – <http://existenz.ru/nashi-avtory/> (дата обращения: 13.09.2014)

¹⁶ «Зачастую те, кто находится на переднем крае столкновений с властями, вообще не считают себя анархистами, в то время как анархисты с тщательно сформулированной политической позицией избегают конфликтов и даже сопротивления путем саботажа». – CrimethInc. Say You Want an Insurrection [Электронный ресурс]. – <http://www.crimethinc.com/texts/recentfeatures/insurrection.php> (дата обращения: 11.10.2014); «В царстве политического власти соглашаются с ограничением себя до одного „истинного“ образа, в то время как мы держим глаза открытыми для хаотичных возможностей» //

По-видимому, анархисты придерживаются здесь точки зрения об условной связи слов и вещей, и в этой номиналистической направленности анархизм раскрывается как антиплатонизм.

В диалоге «Кратил», как известно, Платон подверг критике релятивизм и субъективизм в учении об имени. Имена вещей для Платона не являются условными или произвольными, – они отражают сущность (эйдос) обозначаемых ими вещей, т. е. имена в той или иной степени связаны с объективной реальностью и являются ее манифестацией. Анархизм, напротив, с именами обращается очень свободно. Сущность анархизма не в именах, а в активных (иногда насильственных) действиях, направленных на изменение общества. Собственная анархическая идентичность не является важнейшей ценностью в анархизме. Идентичность в анархизме – это всегда *скользящая идентичность*.

Например, близкая к анархизму творческая группа «ПГ» не имеет единственной расшифровки своего названия и, как следствие, единой сущности. В зависимости от ситуации «ПГ» расшифровывается как «Поп-графика», «Преступная группа», «Противотанковая граната», «Пожарный гидрант» и даже как «Полное г...но»¹⁷. В данном случае мы имеем дело не с разными названиями какого-то одного самоотжественного явления, а каждый раз с новой сущностью.

Анархизм критически настроен не только по отношению к собственной идентичности, но также и к любым другим самоотжественным структурам, претендующим на власть и навязывающим определенную картину реальности. Так, например, в книге Наоми Кляйн «No Logo», которую некоторые исследователи называют «манифестом антикорпоративного движения» и «Библией антиглобалистов»¹⁸, критикуются *бренды* как носители корпоративной сущности, распространяемой при помощи рекламных технологий и определяющей некоторый способ существования. При этом *способ существования* – это не *возможный* способ, а *единственно правильный*. Бренды связаны не с производством товаров, а с конструированием некоторого «правильного» образа жизни, принципы которого встраиваются в ткань повседневности и становятся естественными. Сознание, захваченное брендом, принимает его как результат собственного выбора, но в действительности никакой свободы выбора нет¹⁹.

Анархия в эпоху динозавров / Написано Бригадой Любопытного Джорджа (CrimethInc). – М.: Гилея, 2010. – С. 47.

¹⁷ Купюра наша.

¹⁸ Заяц Е. NO LOGOвая инспекция // Синий диван. – 2005. – № 7. – С. 217. Об антиглобализме и анархизме как о родственных явлениях см. статью: Шумаков А.А. Анархизм и антиглобализм // Мир и политика. – 2012. – № 7.

¹⁹ Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов / Пер. с англ. А. Дормана. – М.: Добрая книга, 2003. – 624 с.

Поскольку за анархизмом не закреплена определенная неотменяемая сущность, к анархизму и анархистам не применима бинарная оппозиция *подлинный/неподлинный*. Это означает, в частности, что анархистов нельзя разделить на настоящих и ненастоящих.

В 1997 году, – вспоминает В. Тупикин, – мы с немцами встретились в Берлине и спросили: «Вы – анархисты или вы – коммунисты?» Они сказали: «У нас так вопрос не стоит уже много десятилетий. Мы не можем вам сказать, анархисты мы или коммунисты. Мы поставтономные, антиавторитарные недогматические левые». «Нет-нет. Слишком много слов: вы – анархисты или коммунисты?» В общем тотальное непонимание. Но потом мы говорим: «Покажите нам настоящих анархистов. Покажите, и все». Они: «Господи, где же мы вам их найдем?» Потом кто-то вспомнил: «А, знаем одно такое место. Только мы туда с вами не пойдем» <...> Мы пошли, приходим. Какой-то книжный магазин, куча книг, небольшое кафе при нем, Бакунин, Кропоткин, – все как надо. Люди с бородами (кто – с завернутыми по часовой стрелке, кто – с завернутыми против часовой стрелки), <...> с другими внешними отличиями – великолепные люди. Мы поняли, что вечер потерян. Но чтобы понять это, надо было увидеть. Нам показали настоящих анархистов, мы их увидели.²⁰

В перспективе антиплатонической установки переосмысляются и отношения однозначной вертикальной зависимости между копией и оригиналом. Например, близкая к анархизму творческая группа «СВОИ2000» провозглашает «манифест неоригинальности», который в фильме «Шапито-шоу», созданном участниками этой группы, имеет следующую формулировку:

А задумывались ли вы когда-нибудь, являетесь ли вы сами собой, или может быть кем-то еще. Все копия. Нет ничего настоящего. Мы все живем в эпоху эрзацев. Все тоньше грань между настоящим и искусственным. За моей спиной храм Христа Спасителя. Точная копия храма, стоявшего здесь и взорванного в 1932 году. Сейчас его восстановили, и это копия, ну и что. От того, что это копия, стал ли этот храм менее святым? <...> Этим проектом мы провозглашаем свободу – свободу не быть собой. Уничтожить монополию оригинальности – в этом наша цель.

С условностью отношений между подлинностью и неподлинностью связаны фейковые (от англ. *fake* – фальшивка) конструкции. Это может быть

²⁰ Тупикин В.А. Исторический путь современного постсоветского и российского анархизма // Прямухинские чтения 2013 года. – М.: Футурис, 2014. – С. 27–28.

вымышленная реклама, вымышленные анархические партии, научные конференции, уличные выступления и другие акции анархистов, балансирующие на границе правды и вымысла.

Институт путей разглобализации представляет
«АССОЦИАЦИЮ ЛЕВО-ПРАВЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ РОССИИ»

- «Супер. Фосфат»** (г. Екатеринбург)
- «Фломастер анархо-патриотизма»** (г. Москва)
- Бойцовский клуб «Антиглоцер»** (г. Люберцы)
- «Левые алкоголики»** (г. Новосибирск)
- «Локус», «Герпес» и «Прикус»** (все – г. Москва)
- «Рвотные булочки» (г. Иерусалим)**
- «Гоморра»** (г. Шаталов)
- «Майн Хоф»** (г. Калининград)
- Книгоиздательство «Сплошное»** (г. Москва)
- «Экспериментальная студия непонимания»** (д. Ново-Дарьино)
- «»** (так! – М.М.) Воронежская область²¹

В отдельных случаях вымысел переходит границу несерьезности или балансирует на этой границе и входит в мир большой политики как реальная сила. Так, например, пранкер (телефонный хулиган/террорист, от англ. *prank* – розыгрыш, шутка) в 2011 «отправил в отставку» председателя Центризбиркома В. Чурова²², а американская группа *The Yes Men* смогла подделать сайт ВТО, а также выпустить поддельный номер газеты «Нью-Йорк Таймс»²³.

Расшатывание границы между подлинностью и неподлинностью, серьезностью и несерьезностью можно заметить в уличных выступлениях анархистов. Например, В. Дамье описывает «оранжевые акции», устраиваемые Инициативой революционных анархистов (ИРЕАН), определяя их как «акции стёба и издевательства над системой». Возможно, понятие *стеба* здесь не самое удачное, поскольку, по определению Светланы Бойм, *стеб* является не прорывом к свободе, а «защитной реакцией» в условиях несвободы, – он связан с советской, а потом и российской «осторожностью» перед системой.

²¹ Вымышленные анархические организации. Публикация «на правах рекламы» в книге: Блэк Б. Анархизм и другие препятствия для анархии / Пер. с англ. Д. Каледина. – М.: Гилея, 2004.

²² Телефонный хулиган «отправил в отставку» В. Чурова. 23.12.2011. – Информационное агентство «РосБизнесКонсалтинг»: [Электронный ресурс]. – <http://top.rbc.ru/politics/23/12/2011/631412.shtml> (дата обращения: 20.01.2015).

²³ См. подробнее: Илья Фальковский: «Опыт работы в творческой группе – это опыт анархического мышления»: [Интервью взяла Л. Адашевская]. 03.09.2013. – COLTA.ru: [Электронный ресурс]. – <http://archives.colta.ru/docs/30664> (дата обращения: 11.10.2014).

«Стеб одомашнивал несвободу, мимикрируя ее в языке. Он формировал недоверие к любимым формам прямой речи, необходимым для создания политических институтов. За стебом ничего не стояло»²⁴. В общем стеб нельзя считать чистой характеристикой анархизма, но, кажется, Дамье этого и не имел в виду, – описанные им акции одновременно отсылают нас к практикам острашения и культуре карнавала.

Первой оранжевой акцией ИРЕАН, – вспоминает В. Дамье, – была акция 1 апреля 1991 года, когда <...> было резкое повышение цен. Мы склеили из картона гроб, окрасили его черной краской и написали: «Советский народ, погибший в борьбе Горбачева и Ельцина». Взяли портрет Ельцина, пририсовали ему нимб из коробочек сигарет, жевательных резинок и пр. И стали приставать к прохожим с просьбой подписать петицию за коронацию и канонизацию Бориса Николаевича Ельцина. Были такие, кто подписывали.»²⁵

Среди других примеров отметим широко известную акцию художественной группы «СВОИ2000», которая в 2000 приняла участие в первомайской демонстрации в Москве и при поддержке оркестра «Пакава Ить» выступила на ней с бессмысленными лозунгами («Демонтаж. Быстро, качественно, доступно», «Ремонт велосипедов», «Сеансы психоанализа в группе и индивидуально», «Нелинейный монтаж. Видео съемка», «Уроки химии» и др.). Эта акция легла в основу новосибирских «Монстраций» – ежегодных *шествий-хэппенингов* по улицам города с абсурдными лозунгами и транспарантами («Ы-ы-ыть!», «Таня, не плачь!», «Все свободны!», «Кто здесь?», «Крокодил, крокодю и буду крокодить!», «Система, ты что такая нервная?», «Как-нибудь так!», «Сингулярность в каждый дом!» и др.).

В этих акциях важна не столько лежащая на поверхности идея о том, что успешное участие оппозиционных сил в современном российском политическом процессе возможно только через сведение к абсурду самого участия, сколько центральная для многих акций идея *хэппенинга*.

Хэппенинг является временной конструкцией, «это конструкция, которая должна быть разобрана, это аскетическая конструкция»²⁶. «Семантика

²⁴ Бойм С. От острашения к стебу: риторика свободы в русской культуре XX века // Культуральные исследования: Сб. научных работ / Под ред. А. Эткинда, П. Лысакова. – СПб.; М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2006. – С. 117–118.

²⁵ Дамье В. В. История Конфедерации революционных анархо-синдикалистов // Прямухинские чтения 2013 года. – С. 122.

²⁶ «Принцип хэппенинга проявляется в приоритете кратковременной событийности, создании формальных композиций, собранных для того, чтобы быть разобранными» (Азарова Н. М. Личность ученого. Ю. С. Степанов в трехмерном пространстве науки, искусства и быта // Языковые параметры современной цивилизации: Сборник трудов первой научной конференции памяти

аскезы», свойственная хэппенингам анархистов, характеризует также и анархическую идентичность, скользкие параметры которой указывают на то, что анархизм не может быть сконструирован как нечто окончательное, – целостность анархизма представляет собой сборно-разборную конструкцию. Так, например, Сергей Лобан называет движение СВОИ2000, одним из основателей которого он является, «эфемерной конструкцией»²⁷, а сообщество *Anonutous* сравнивает себя с условной конструкцией движущегося маршрутного автобуса или трамвая:

*Вы не можете присоединиться к Анонимам. Никто не может присоединиться к Анонимам. Аноним не организация. Это не клуб, не партия и даже не движение. Не существует устава, нет правил, нет членских взносов. У Анонимов нет лидеров, нет гуру, нет идеологов. Нет даже идеологии. Все, что мы есть – это люди, которые в течение нескольких минут идут вместе, как пассажиры в автобусе или трамвае: в течение короткого периода времени мы движемся по маршруту к общей цели. И в этом совместном путешествии мы вполне можем изменить мир.*²⁸

4.

Идея анонимности в анархизме связана также и с отношением анархистов к проблеме лидерства и вождизма. Анархисты полагают, что лидеры в анархической борьбе нежелательны²⁹. Поскольку имя является важнейшим атрибутом лидерства, то оно также нежелательно. Анархическое общество должно строиться без опоры на систему авторитетных имен.

Для сравнения отметим, что, например, в марксизме, напротив, очень важное место занимает культ личности. Марксистская политическая организация изначально строилась вокруг определенного лидера. Иными словами,

академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова, Н.М. Азаровой, В.В. Фещенко, С.Ю. Бочавер. – М.: Институт языкознания РАН; Калуга: Эйдос, 2013. – С. 43).

²⁷ Федоренко М. Новые приключения ненормальных. 26.06.2011. – Polit.ru: [Электронный ресурс]. – <http://polit.ru/article/2011/06/26/shapitoshov/> (дата обращения: 2.02.2015).

²⁸ Как присоединиться к ANONYMOUS: руководство для начинающих [Электронный ресурс]. – <http://www.ultraculture.net/blog/techno/kak-prisoedinitysya-k-anonymous-rukovodstvo-dlya-nachinayushhix/> (дата обращения: 21.01.2015).

²⁹ Отказ от авторитетов можно проиллюстрировать следующим примером. Вспоминая о своем пребывании в Юрских горах, П.А. Кропоткин так описывает отношение юрских рабочих к Бакунину: они «говорили о нем не как об отсутствующем вожде, слово которого закон, а как о дорогом друге, товарище. <...> В разговорах об анархизме или о текущих делах федерации я никогда не слышал, чтобы спорный вопрос разрешался ссылкой на авторитет Бакунина. Рабочие никогда не говорили: „Бакунин сказал то-то“ или: „Бакунин думает так-то“. Его писания и изречения не считались безапелляционным авторитетом, как, к сожалению, это часто наблюдается в современных политических партиях». Цит. по: Кропоткин П.А. Записки революционера. – М.: Московский рабочий, 1988. – С. 277.

власть в марксизме имеет персонифицированный характер, и она нуждается в имени и выстраивается вокруг ключевых имен. Такая власть направлена на преодоление анонимности, и в этом отношении показателен призыв В.И. Ленина к раскрытию псевдонимов и анонимов. В письме Л.Б. Каменеву от 7 апреля 1913, высказывая свои замечания по присланной ему корректуре «Указателя заграничных социал-демократических изданий на русском языке. 1883–1905 гг.», Ленин писал: «...мы вправе и обязаны опубликовать анонимы в старой „Искре“: это надо сделать во что бы то ни стало»³⁰.

Важность имени в марксизме не является абсолютной и ограничена только периодом революционной борьбы. Для будущего единого коммунистического человечества роль имени отдельного человека не имеет большого значения, главное в человеке его функциональная значимость в деле единого коммунистического строительства. Анонимность будущего коммунистического общества – это анонимность, синонимичная безличности.

Например, в романе-утопии Александра Богданова «Красная звезда» (1908) вопрос о значимости имени раскрывается в следующем диалоге между социал-демократом Леонидом (он говорит первым) и жителем коммунистического Марса:

– Для нас имена вождей мысли и дела – живые символы, без которых не может обойтись ни наша наука, ни наше искусство, ни вся наша общественная жизнь. Часто в борьбе сил и в борьбе идей имя на знамени говорит больше, чем отвлеченный лозунг. И имена гениев не балласт для нашей памяти.

– Это оттого, что единое дело человечества для вас все еще не единое дело; в иллюзиях, порождаемых борьбой между людьми, оно дробится и кажется делом людей, а не человечества.³¹

Несмотря на то, что идея анонимности для анархистов крайне важна, многие из них выступали в печати или под своим настоящим именем (автонимом) или под псевдонимом. Но здесь важно отметить, что связь псевдонимов с анархическими идеями очень условна и не всегда наблюдается. Например, в следующем произвольном сопоставлении только по одним псевдонимам анархизм нельзя опознать:

³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48: Письма. Ноябрь 1910 – июль 1914. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – С. 175; см. также: Макеев Н.Я. Из истории псевдонимов и анонимов. Атрибуция статей в периодической печати и листовок большевиков Азербайджана (1901 – февраль 1917). – Баку, 1977. – С. 4.

³¹ Богданов А.А. Красная звезда. – М.: Терра-Книжный клуб, 2009.

Псевдонимы русских анархистов

М.А. Бакунин – Жюль Элизар
П.А. Кропоткин – А.К. Левашов, Князь Кр–ин
П.Д. Турчанинов – Лев Черный
А.Ф. Агиенко – А. Святогор
Н.Г. Булычев – Н. Отверженный
В.М. Эйхенбаум – В.М. Волин

Псевдонимы советских лидеров

В.И. Ульянов – В.И. Ленин
И.В. Джугашвили – И.В. Сталин
Л.Д. Бронштейн – Л.Д. Троцкий
О-Г.А. Радомысльский – Г.Е. Зиновьев
Л.Б. Розенфельд – Л.Б. Каменев

Псевдоним активен, он борется с властью, расширяя поле неизвестного: не случайно русская власть дважды предпринимала попытки запретить использование псевдонимов в печати, один раз в 30-е годы XIX века, второй – в 40-е годы XX столетия³². Но в борьбе с властью позиция псевдонима почти всегда слабее анонимности, поскольку псевдоним, в отличие от анонима, не покидает поле бюрократического документа и функционирует в соответствии с его логикой. Это особенно хорошо заметно в тех случаях, когда псевдоним становится известнее автониμα и перестает восприниматься как псевдоним. Вряд ли найдется сегодня много людей, способных вспомнить настоящее имя Хакима Бея или Радклифф-Брауна. Впрочем, в этом нет необходимости, – в соответствии с антиплатонической установкой анархизма, рассмотренной выше, у анархиста и не должно быть никакого настоящего имени.

Обратим внимание также и на то, что в некоторых случаях псевдонимы могут использоваться в анонимной функции. Так, например, на страницах сайта «Ярославский анархист» опубликованы статьи некоего «анархиста Иванова»³³, и, как нам кажется, это имя нельзя считать простым псевдонимом.

Фамилия Иванов, как и имя Иван, в России широко распространены, и соответствующее сочетание фамилии, имени и отчества (*Иванов Иван Иванович*) часто используется при составлении образцов заполнения бланков официальных документов. *Иванов Иван Иванович* не является псевдонимом, поскольку не имеет определенного автониμα и не отсылает к конкретному человеку. В бюрократическом документальном пространстве это место потенциального

³² Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии: Дисс. канд. филол. н. 10.02.01. – Волгоград, 2004. – С. 49.

³³ <http://yar.anarhist.org/> (дата обращения: 15.06.2014).

присутствия вообще любого, кто вступает в официальные отношения с властью. Подпись «анархист Иванов» выглядит как попытка присвоить эту безымянность бюрократического штампа, привязав к нему анархическую семантику.

5.

Анонимность не укоренена в обществе, поскольку социальное основано на различных практиках обладания именем и принуждения к имени. Тем не менее, анонимность не асоциальна, она скорее утопична. Например, концепция «Анонимного и Бесплатного искусства» провозглашает анонимность в качестве принципа творчества, способного переустроить именно социальное.

Как отмечает Олег Киреев в беседе с Юрием Поповским, «„Анонимное и Бесплатное искусство“ говорит не о том, что происходит в обществе, оно говорит о том, что должно происходить. <...> Творчество должно быть [в идеальном обществе] анонимным и бесплатным, а это требование абсолютно невыполнимо в том обществе, в котором мы живем. Но вот если бы мы могли представить себе то общество, в котором творчество будет анонимным и бесплатным, то мы могли бы шагнуть за пределы современного общества!»³⁴

Анонимность имеет несколько родственных феноменов, среди которых особо отметим аллонимы³⁵, лежащие в основе литературных мистификаций. В 2005 в издательстве «Гилея» под аллонимом Павел Горгулов вышла в свет книга Сергея Кудрявцева «Коммуникационная теория безвластия»³⁶.

Основной текст книги был предварен подробной и фантастической историей ее издания. Сергей Кудрявцев рассказывает, что получил от Павла Горгулова письмо, которое его очень удивило, поскольку Горгулов, как известно, был казнен в 1932 за убийство французского президента Поля Думера. В письме говорилось о том, что каким-то чудом отрубленная голова Горгулова приспособилась к автономному существованию, – «специальные люди» вывезли ее в лабораторию для изучения. В лаборатории, занимаясь самообразованием, П. Горгулов принял анархические взгляды и даже создал оригинальную «доктрину неопределенности». К письму была приложена рукопись Горгулова, которая вскоре и была опубликована. Любопытно, что у самого реально существовавшего Горгулова был еще и псевдоним Павел Бред.

Мистификация, игра с подлинностью/неподлинностью, балансирование на границе между автонимом/аллонимом/псевдонимом создает ситуацию,

³⁴ Беседа О. Киреева с О. Поповским 20 октября 2001 на лестничном пролете Института культурологии в Москве. – От киноавангарда к видеоарту: [Электронный ресурс]. – <http://otkakva.net/interview/zaibi/index.htm> (дата обращения: 11.10.2014)

³⁵ Аллоним (греч. *allos* – другой, иной и *опута* – имя) – чужое подлинное имя, которое используется автором как псевдоним.

³⁶ Горгулов П. Коммуникационная теория безвластия. – М.: Гилея, 2005. – 144 с.

когда текст может быть прочитан как ускользающий от однозначного определения авторства, т. е. как анонимный.

В определенном смысле к феномену анонимности имеет отношение и часто встречающаяся в текстах современных русских анархистов обценная лексика. На наш взгляд, самые интересные случаи использования анархистами табуированной лексики связаны с аббревиатурами – многие сокращения названий анархических организаций образуют какое-нибудь обценное слово:

- ... – За анонимное и бесплатное искусство
- ... – Елецко-Липецкое Движение Анархистов
- ФАК – Федерация анархистов Кубани, Федерация анархистов Краснодар
- САКС – Самарский анархо-коммунистический союз
- ЖО–ПА – Жертвам Общества – Партия анархистов, г. Новодвинск (вымышленная анархическая партия)
- СРАМ – Союз радикальной анархо-молодежи. (г. Шахты)
- ... – Единый блок левых организаций³⁷

В аббревиатурах ФАК и САКС обценность несколько снижена. В первом случае за счет использования англоязычного аналога, а во втором – за счет снижения артикуляционной четкости табуированного слова. Сегодня слово «секс» выглядит, конечно, вполне пристойно, но Самарский анархо-коммунистический союз возник вскоре после распада Советского Союза (1996), в котором, как мы помним, САКСа не было. В результате снижения непристойности ФАК и САКС выглядят как эвфемизмы, что снижает уровень их протестности, но зато облегчает процесс институализации³⁸. Впрочем, эвфемизмы в радикальных текстах анархистов встречаются не часто. При необходимости они предпочитают высказываться максимально жестко.

Аббревиатуры анархистов построены по типу официальных сокращений, которыми часто пользуется власть. Если сокращения названий официальных институций власти повышают степень их функциональности и облегчают их использование в речи³⁹, то отмеченные анархистские сокращения, напротив, затрудняют. Иными словами, анархисты создают сокращения, которые нельзя произнести в официальном дискурсе. Это некоторое символическое сокраще-

³⁷ Подпись листовки «Пошли вы все на Белый дом», выпущенной в 1992 к годовщине августовских событий 1991 года в Москве.

³⁸ Согласно исследованиям В.Г. Яценко, «чем более идеологизировано и структурно оформлено левачское объединение, тем меньше обнаруживается в его языке обценной (непристойной) лексики» (Яценко В.Г. Теория и практика диалога общества с молодежными леворадикальными организациями на телевидении: Дисс. ... канд. филол. н. 10.01.10 – Журналистика. – М., 2002. – С. 114).

³⁹ Как отмечают исследователи, одним из основных принципов порождения и употребления аббревиатур является прагматический принцип экономии речевых усилий. См.: Горшунов Ю.В. Прагматика аббревиатуры. – М.: Прометей, 1999.

ние официального языка до непроизносимости. Общая цель таких сокращений состоит, по-видимому, в том, чтобы свести официальный язык к молчанию. *Фигуру молчания* можно рассматривать как одну из сторон *анонимности*, и, возможно, это самое сильное средство борьбы с властью, поскольку молчание означает небытие политического дискурса, для которого слова настолько важны, что сами являются политическим действием⁴⁰.

* * *

Итак, феномен анонимности в анархизме предстает в виде отчетливой стратегии сопротивления власти, хотя вряд ли ее можно считать однозначно оформленной. По нашим наблюдениям, мы имеем дело с фрагментарными анархическими практиками, у которых нет единой теоретической программы. Эти практики, по всей видимости, являются универсальными – в отличие от имен анонимность не имеет национальной специфики, обращение имени в ничто представляется одинаковым для всех языков. Анонимность, основанная, в частности, на практиках отказа от «принципа фамилизации», навязываемого властью в качестве необходимого условия социальной интеракции, раскрывается как одна из коммуникативных стратегий современного анархизма. Важно также подчеркнуть, что практики анонимности в анархизме вырастают из опыта сопротивления дисциплинарной власти, но при этом анонимность выглядит так, будто направлена против любых форм власти, как если бы власть была исключена из истории и существовала в некотором изначальном недифференцированном виде.

⁴⁰ Перформативность политического высказывания очень хорошо выразил Пьер Бурдьё: «в политике „говорить“ значит „делать“, т. е. убеждать, что можно сделать то, о чем говоришь и, в частности, внушать знание и признание принципов видения деления социального мира». Цит. по: Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. Любопытно также отметить, что для некоторых анархистов, например для Джона Зерзана, тишина является чуть ли не важнейшей ценностью. См.: Zerzan J. Silence. 2007. – The anarchist library: [Электронный ресурс]. – <http://theanarchistlibrary.org/library/john-zerzan-silence> (дата обращения: 7.10.2014).

Петр Мицнер

Секретная биография Генрика Юзевского

Петр МИЦНЕР

*профессор Университета Кардинала
Стефана Вышинского (Варшава),
заместитель главного редактора
журнала «Новая Польша»*

Исследователи биографий нередко сталкиваются с явлением из области, граничащей с парапсихологией: когда описываемая фигура, извлекаемая из-под наслоений времени, вступает в сотрудничество со своим биографом и словно бы по собственной воле указывает на источники. Рука сама по себе тянется к нужной книге, и она открывается на определенной странице. В архиве вместо заказанной папки с номером 145 мы получаем папку номер 154, и именно там находим очередной бесценный след. Но встречаются и упрямые «клиенты», которые молчат или, хуже того, заметают следы, даже если мы и не затрагиваем интимные стороны их жизни. Кладут нам на письменный стол какой-нибудь том своих заметок и уходят. Не помогают в розыске каких-либо дополнительных источников. С таким «нахальством» я столкнулся в случае Генрика Юзевского.

Вечный конспиратор, добросовестный государственный чиновник Второй Речи Посполитой, талантливый художник, пианист, математик.

pmitzner55@gmail.com

Личность богатая, интригующая, но одновременно непроницаемая, скрытная. При этом – любитель риска. В письме Марии Домбровской (11 августа 1961) он указывал: «Я всегда думал, что нужно вступить в соглашение с Неведомым и таким путем выстраивать свою жизнь. Надо рассчитывать на то, чего не удастся подсчитать в бухгалтерии здравого смысла, что не укладывается в рамки понятий, именуемых сегодня системой причинно-следственных необходимостей»¹.

Он не заботился о карьере, о славе, не хотел быть популярным. Ему хватало признания со стороны друзей. Именно благодаря им Генрику удалось продержаться восемь лет в послевоенном подполье. Если бы его схватили раньше, то, видимо, отправили бы на тот свет.

Но все-таки этот нелюдим бывал публичной фигурой – в период межвоенного двадцатилетия он выполнял государственные функции. В 1928 Мария Домбровская писала о нем: «Это незаурядный человек, весь поглощенный политикой, но политикой в большом стиле. Красивый, холодный, благородный, идейный и вместе с тем великолепный игрок. Я смотрю на него как на редкий в Польше феномен, возможно, наряду с Маршалом [Пилсудским], – единственный»².

Выдающаяся писательница считалась с мнением Юзевского, а тот знал, какое значение имеет в Польше ее авторитет. Когда в 1952 ей случилось сделать некое слишком уж сервильное высказывание в печати, Юзевский вызвал писательницу в свое убежище, где она безропотно выслушала его наставление.

Политической карьеры он не сделал. А «игроком» бывал только в тех ситуациях, когда к этому принуждали обстоятельства, но и тут «карта» ему по большей части не шла. К политике Юзевский питал амбивалентное отношение. Гнушался ложью, был слишком принципиален, ему не хватало гибкости. Художник, идеалист, он был неопит, только что пришедший в политику. Выше всего ставил верность и чувство долга. Говоря коротко – честь. Этого требовал от себя и от других. Поэтому некоторым не подавал руки, других приветствовал всего лишь кивком головы, а еще кого-то не упоминал по фамилии – то был самый тяжкий приговор. Он руководил работой польской разведки в терзаемом революцией и гражданской войной Киеве, – потому что получил такой приказ. В 1920 Юзевский по распоряжению Пилсудского взялся за организацию подполья на тот случай, если Варшава будет занята большевиками. Он не хотел уезжать из страны ни в 1939, ни после 1945, хотя ему это и предлагалось. Исключая времена Польской военной организации, Юзевский действовал почти в одиночку, опираясь на узкий круг доверенных друзей, он называл его «товарищество». Когда в начале девяностых годов я начал им интересоваться, большинства из этих людей уже не было в живых. Они отошли в иной

¹ Архив М. Домбровской. – Библиотека Варшавского университета.

² Maria Dąbrowska. Dzienniki / Wybór, wstęp i przypisy T. Drewnowski. – Warszawa 1988. – Т. 2. – С. 11.

мир, забрав в могилу свои и его тайны. Поэтому трудно восстановить довоенную и оккупационную судьбы Юзевского, даже если кто-либо воспроизведет весь ход его политической деятельности. Зато можно увидеть бывшего воеводу в послевоенном подполье. По случайности мне удалось встретиться с двумя его связными. Но и они не смогли разъяснить мне загадки этого замкнутого в себе и не склонного к излишним проявлениям человека.

Думаю, он обладал врожденным свойством дистанцированности от многих форм коллективной жизни, даже от тех, в которых действовал сам, – в армии, в политике. Следовательно, в те периоды, когда ему приходилось исполнять общественные роли, он вынужден был дистанцироваться и от какой-то части собственной личности.

При этом Юзевский мог быть фанатиком, упорным последователем идей, которые признавал без оговорок, невзирая на грубую и грязную реальность, в которой эти идеи подвергались извращению. Такой была его вера в Пилсудского, такой для него была идея украинско-польского братства. Эти идеи, иными словами – как сказал бы он сам – неуловимые факторы, вкупе с теми ценностями, которые он считал наивысшими, заменяли ему веру в Абсолют. Ведь Юзевский был из поколения рационалистов и вольнодумцев, хотя полностью не отождествлял себя с ними. Реалистом – ни в живописи, ни в публичной жизни – он не был, разве что в очень ограниченной степени. Без сомнения, это не облегчало ему жизнь, но позволило сохранить независимость. Юзевский был не в состоянии связать себя с кем-либо или с чем-либо из корыстных побуждений, поэтому у него были враги даже среди апологетов Пилсудского. Он дружил с теософами, но сам теософом не был. Исповедуемые им ценности и загадочная энигматичность наводили некоторых на мысль, что он масон, но и масоном Юзевский не был. Он создал свою «обособленную» и особую философскую систему. Наиболее существенным понятием в ней выступала «очевидность существования», которую можно было бы назвать индивидуальной, субъективной правдой – правдой, основанной на личном опыте человека. Юзевский, проявлявший несгибаемость в этических вопросах, декларировал себя как релятивиста, когда речь заходила о познании.

Описывая свою систему, он не включил туда весьма существенную для себя категорию – театр. Об этом он говорит в никогда не публиковавшемся тексте: «Таков Театр Существования и Становления людского мира – мира социальной реальности и нас самих. Мы знаем, что принимаем в нем участие, являемся им, но знаем также, что наше человеческое воображение – воображение зрителя – не в состоянии охватить данное Представление. Охватить его мы можем лишь в определенной мере. Однако, невзирая на то, насколько полно нам удастся этого достигнуть, мы знаем наверняка, что от представления не оторвемся никогда, мы не в состоянии не принимать в нем участия»³.

³ *Józewski H. Niedokończona powieść Marii Dąbrowskiej.* (Машинопись.) – Архив автора доклада.

Такое «становление» Юзевский считал явлением долговременным и, как он это определял, «монотонным».

В его воспоминаниях часто появляется театральная метафорика. Пародийные рисунки Юзевского, которые, как пишет Домбровская, отражают тайную «частицу его „естества“», напоминают режиссерские либо сценографические эскизы. Их «пародийность» заключается в подхватывании схематичности жестов, в геометризации персонажей. Описываемые рисунки оставались, однако, в папках, он никогда их не выставлял.

Юзевский охотно повторял, что считает себя подпольщиком. Говорил про это так, словно бы в этом состояла его профессия. И действительно, почти половину жизни он провел на конспиративной работе.

Вероятно, этот человек считал себя художником, но отказывался от работы над картинами, когда требовалось заниматься конспиративными делами или посвящать себя неблагодарному исполнению чиновничьих обязанностей ради блага Речи Посполитой.

Юзевский принадлежал к платоникам и полагал, что идеи прочнее, чем материальный мир, и в большей мере достойны внимания, нежели происходящие в нем события. Поэтому на упрек одного из самых близких ему людей, что он пишет свои мемуары «слишком философски», что потомки ожидают не обобщений, а описания фактов, наш герой ответил: «Так обстояли дела».

В январе 1945 русские вступили в расположенный неподалеку от Варшавы Милянзевек, где находился в ту пору Юзевский. Не медля, он вместе с другом Янушем Сипайло и двоюродной сестрой Бирутой Сераковской закопал свои конспиративные микрофильмы, после чего сказал Бируте: «Тебе необходимо забыть об этом». Эта фраза, как он неоднократно повторял, могла бы послужить эпиграфом к его «антимемуарам» – полным недоговоренностей, умолчаний и загадок, которые, быть может, найдут когда-нибудь решение.

Родился Юзевский в Киеве 6 августа 1892. Учился в Первой киевской гимназии, входил в тайную ученическую организацию «Корпорация». Ее задача состояла, главным образом, в самообразовании, причем там собралась молодежь всех национальностей. Атмосфера родного города научила его толерантности. «Я бывал в домах моих товарищей-русских, знакомился с их семьями и чувствовал себя в них хорошо. То был в определенном смысле „мой мир“»⁴.

Первой его страстью стала техника. В 1908 он сконструировал радиоприемник. «При появлении сигнала, вызванного искровым разрядом лейденской банки, я впал в экстаз». Ему даже удалось установить связь с удаленным на несколько

⁴ Мемуары «Zamiast pamiętnika» Генрика Юзевского частично опубликованы в журнале «Zeszyty Historyczne» (№ 59 и 60 за 1982 и № 63 за 1983). В настоящей статье все цитаты приводятся из полной версии – по рукописи, хранящейся в Библиотеке Варшавского университета.

километров от гимназии Политехническим институтом. Это было, как он пишет, «одно из самых волнительных впечатлений, какие я испытывал в жизни».

Учился Юзевский на физико-математическом факультете Университета Святого Владимира в Киеве. Уже в сентябре 1914 организовал тайную военную организацию «Днепр», которая позднее влилась в Польскую военную организацию (ПоВо) на территории Украины (1914–1920). В этот период он также обучался музыке и живописи и работал сценографом в польском экспериментальном театре «Студиа».

Можно сказать, что за кулисами театра стояла ПоВо. «Верховное командование располагалось в Киеве – там было место его постоянного пребывания, – лаконично пишет в мемуарах Юзевский. – У нас имелись следующие округа: Киевский, Житомирский, Винницкий, Бердичевский, Одесский, Харьковский. В какой-то момент возникли представительства в Ростове и Новоросийске. Думали о Москве».

В 1919 он женился на киевлянке, художнице Юлии Болевской. Сразу после известия о разразившейся войне она стала связной ПоВо. А Юзевский, преследуемый ЧК, в декабре 1919 тайно выехал в Польшу.

В 1920, в соответствии с волей Пилсудского, Юзевский стал заместителем министра внутренних дел в правительстве Украинской народной республики (УНР). «Спустя какое-то время, – вспоминал он, – я по поручению атамана Петлюры отправился в Киев. Должен был от имени правительства УНР принять власть над городом из рук генерала Рыдз-Смиглого и назначить украинского комиссара Киева. Ситуация была довольно оригинальной и даже в некотором смысле фантазмагорической. Известный польской общественности Генрик Юзевский, киевлянин по рождению, общественный деятель, президент „Филареции“⁵, музыкант и один из создателей польского театра „Студиа“, появляется в Киеве в качестве украинского министра и учреждает украинскую администрацию».

Юзевский был заморожен Петлюрой. До такой степени, что после подписания Рижского мира одно время прятал его в Варшаве – вплоть до вынужденного отъезда атамана на Запад.

В 1924–1925 Юзевский проживал на Волыни как военный поселенец-осадник. Тогда же он вернулся к деятельности в сфере искусства, став инициатором библиофильского издательства. В серии «Библиотека Пстрыконьска» появились, среди прочего, две его брошюры. Первая из них «Видзенья» («Видения»), в наши дни не сохранившаяся, была резким пасквилем на театр обывательских амбиций общественной жизни, проиллюстрированным автором в стиле Георга Гроша. Второй брошюрой было эссе о Гамлете⁶.

⁵ Польская студенческая корпорация в Киеве, основана в 1884.

⁶ См. о нем: *Timoszewicz J.* «Hamlet» Henryka Józewskiego // *Pamiętnik Teatralny.* – 1991. – № 1.

«На фоне вечернего серого пятна окна моей мастерской, что стоит между мною и миром, вижу черный силуэт Гамлета, чувствую шевеление губ его, а из глубины моей натуры возникает: „Быть или не быть“», – писал Юзевский⁷.

Он принимал участие в приготовлениях к майскому перевороту 1926 года, в 1927 был руководителем кабинета Юзефа Пилсудского, с 1928 по 1938 – волыньским воеводой (с полугодовым перерывом с декабря 1929 до июня 1930, когда выполнял функцию министра внутренних дел), а затем – лодзинским воеводой.

На Волыни Юзевского окружали, с одной стороны, польские шовинисты, о которых он говорил: «Человек, выступающий с такими [патриотическими] лозунгами, готов отдать за Польшу жизнь. И не осознает, что отдавать жизнь за Польшу именно в таких условиях означает покушаться на жизнь Польши. Сколько же раз я видел „деятельность“ такого рода „поляка-патриота“! В тех местах, где появляется такой поляк, там „трава не растет“, – горит пламя взаимных польско-украинских и украинско-польских антагонизмов»⁸. С другой стороны, на Волыни действовали украинские группировки крайнего толка, склонные даже к террору. Он хотел мирного сосуществования обоих народов, но радикалы действительно препятствовали ему в этом. Пилсудский был весьма заинтересован в волыньской миссии Юзевского. Вскоре после смерти маршала воеводу отозвали.

Несколько раз в жизни на него готовились покушения. Во время Второй мировой войны его обстреляли члены ячейки коммунистических боевиков, то же намерение имелось в этот период и у национального подполья, но еще раньше, в тридцатые, его собирался ликвидировать Степан Бандера. Юзевский знал об этом, но для блага польско-украинского дела не упомянул про данный эпизод в своих воспоминаниях.

О неординарности и мужестве его действий может свидетельствовать тот факт, что незадолго перед началом войны он неофициально выступил инициатором издания антигитлеровского журнала «Głos prawdy», редактирование которого отдал в руки молодых оппозиционных социалистов. По всей вероятности, Юзевский оценил, что в тот момент на правом крыле нет других людей, достойных доверия.

Осенью 1939 года под немецкой оккупацией он стал одним из первых деятелей подполья. Однако его – так же, как и других политиков связанных с Пилсудским, – по требованию Сикорского отстранили. В 1940–1944 он являлся политическим советником Главного коменданта Армии Крайовой (АК), но в первую очередь – редактором подпольных изданий и главой опирающейся

⁷ Там же.

⁸ *Józewski H. Zamiast pamiętnika.* (Рукопись.) – Библиотека Варшавского университета.

на идеи Пилсудского «группы Ольгерда»⁹. От воинского подполья Юзевский в некоторой степени дистанцировался. Ведь это он говорил: «Интеллигенция бывает выдающаяся, бывает посредственная, а бывает еще и воинская». О подпольной квартире Главного командования АК Юзевский писал, что «она была максимально раздражающим отрицанием конспиративности. Ее помещение производило впечатление шумливой, заболтавшейся конторы. В отдельных комнатах проходили беседы и совещания. Кругом сновали толпы посетителей. Все имели возможность видеть друг друга, и все были знакомы между собой».

После Варшавского восстания он руководил небольшой конспиративной группой, издавал (до 1947) журнал «Polska Niezawisła» («Независимая Польша»). Опубликовал там, в частности, статью, где писал, что здоровый «инстинкт жизни», несомненно, подтолкнет многих из числа спасшихся к сотрудничеству с коммунистическим режимом. Юзевский понимал такой выбор, хотя и не оправдывал его, упорно следуя за своим «моральным инстинктом». При этом проблему он видел шире – не только как проблему интеллигенции, но и всего общества, что отчасти приводило к вопросу об ответственности: должна ли именно интеллигенция – в силу традиций и задач своего этоса – осознать себя виновной в большей степени, нежели рабочие и крестьяне?

Юзевский поддерживал контакты с эмигрантским правительством в Лондоне. Есть предположения, что он был личным «местным советником» Владислава Андерса.

Арестовали его лишь в 1953, за несколько дней до смерти Сталина. До этого он с успехом скрывался, благополучно выходил из облав. Действовал в рамках собственной конспиративной сети, базирующейся на довоенной среде польских теософов, издавал подпольную прессу. Но не сидел в лесном схроне. К примеру, изменив фамилию, он открыто занимался выращиванием яблок, причем настолько успешно, что о нем стали писать в сельскохозяйственных изданиях. Тогда он немедленно забросил свои сады и снова поменял профессию и фамилию.

Его приговорили к пожизненному заключению. Как вспоминает сокамерник Юзевского, тот «переносил пребывание в тюрьме спокойно, сохраняя хорошее настроение. Пожалуй, уже при первом разговоре он мне сказал, что по существу доволен, так как за свою долгую жизнь никогда еще не сидел в тюрьме, а в нынешней ситуации не подобало бы завершить свой жизненный путь без прохождения через коммунистическую каталажку»¹⁰.

На свободу он вышел после 1956. Наконец-то он смог посвятить себя живописи. Его работы, экспонировавшиеся на персональных и коллективных выставках, находятся сегодня в частных собраниях и в Национальном музее

⁹ Ольгерд – псевдоним Юзевского.

¹⁰ *Minkiewicz Wł. Mokotów, Wronki, Rawicz. Wspomnienia 1939–1954.* – Warszawa, 1988. – S. 77.

в Варшаве. В эти же годы Юзевский диктовал свои мемуары бывшим связным из ПоВо. Вспоминая Пилсудского и Петлюру, он постоянно продолжал думать о польско-украинских делах. «При нынешнем положении вещей какие-либо разговоры о польско-украинском соглашении никому не нужны. Но говорить все-таки необходимо. Данный вопрос не менее актуален, чем он был на протяжении веков, чем во времена независимой Польши. Актуален, невзирая на изменение условий, которые произошли на Украине и в Польше. <...> События приобретают самый неожиданный ход, потрясающие и трагические формы, сковывая мысль и воображение».

В 1981 здоровье Юзевского сильно пошатнулось. «22 апреля, – вспоминал его друг по аковской конспирации, – я вместе с женой провелал Генрика в больнице. Картина, которую мы увидели, была невыразимо гнетущей: его кровать стояла в коридоре, будучи еле втиснутой между другими койками. Кто-то все время проходил мимо, никакого обслуживания. В таких вот условиях ему довелось провести последние дни жизни. Я присел на край кровати, и тогда он головой подал мне знак наклониться. Я обратился в слух. Генрик ронял слова тихо, почти шепотом. И ежеминутно останавливался. „Послушай, – говорил он, – Комендант приказал, чтобы я командовал, если они сюда придут... Послушай, они ведь здесь... Но теперь все это еще намного труднее“...». На следующий день Юзевского не стало.

В начале моего доклада я говорил, что мой герой не сотрудничал со мной, но сейчас вижу, что это не совсем так. Ведь он подбрасывал мне разные источники, но дело в том, что это были в основном доказательства его честности и отваги. И я в него влюбился. Есть и такая опасность в биографистике.

Александр Островский

Петр Якир. «Танец на острие ножа»

Александр Владимирович ОСТРОВСКИЙ

*профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
главный редактор альманаха
«Из глубины времен»*

После смерти И.В. Сталина возродилась такая форма общения как салоны. Примерно с 1965 по 1972 роль своеобразного диссидентского салона в Москве играла квартира Петра Якира на Автозаводской улице. В указанные годы здесь побывала не одна сотня лиц, причем не только из Москвы и Ленинграда, но и из других городов. Здесь обсуждались текущие события, планировались протестные акции, составлялись и подписывались петиции. Отсюда растекалась по Москве неподцензурная литература (как самиздатовская, так и тамиздатовская). Разрекламированное зарубежными средствами массовой информации имя Петра Якира получило настолько широкую известность, что как за границей, так и на Лубянке его стали считать лидером зарождающегося в нашей стране демократического движения¹.

¹ См.: *Островский А.В.* Квартира Якиров: к истории диссидентских салонов // Евреи Европы и Ближнего Востока: история, социология, культура: Материалы Международной научной конференции. 27 апреля 2014. – СПб., 2014. – С. 286–295.

Между тем, уже тогда его деятельность породила подозрения. «Якир, – вспоминал Михаил Рувимович Хейфец, – с самого начала вызывал недоверие у людей, давно его знавших. Помню, пришел я в гости к выдающемуся писателю России Юрию Домбровскому... В тот самый день, еще до меня, в гостях у Домбровского побывал Якир и предложил ему вступить в возглавляемую им группу. „Я ответил, – рассказывал мне Домбровский, – никогда я не буду с тобой в одной организации“. – „Почему же, Юрий Осипович?“ – спросил я Домбровского. – „Якир – провокатор!“»².

В дополнение к этому М.Р. Хейфец приводит в воспоминаниях свидетельство «Сергея Ивановича из Прибалтики» (под таким именем из Эстонии в Москву приезжал Сергей Иванович Солдатов). Повстречавшись с московскими диссидентами, он потом рассказывал: «Странное впечатление осталось тогда от Якира. Испугали его глаза, я даже сказал кому-то: „Сегодня видел нашего Азефа“»³.

Юрий Федорович Карякин утверждал, что однажды он прямо заявил П.И. Якиру: «Ты же типичный Нечаев. И прости, сейчас не могу тебе дать по морде только потому, что ты пережил и перестрадал куда больше моего. И рука у меня не поднимется. Но ты играешь роль провокатора»⁴.

Летом 1972 года П.И. Якир был арестован. На следствии он дал откровенные показания, назвав около двухсот своих соратников и знакомых, а затем в 1973 на суде и на специальной пресс-конференции перед телекамерами осудил свою диссидентскую деятельность. В результате ему засчитали в срок наказания время пребывания в тюрьме под следствием и приговорили к высылке из Москвы в Рязань на три года, откуда он уже в 1974 вернулся в столицу⁵.

Поведение П.И. Якира вызвало в диссидентских кругах неоднозначную реакцию. Но после этого многие стали осуждать его не только как предателя, но и как провокатора. Долгое время никаких доказательств провокаторской деятельности П.И. Якира известно не было. И вдруг в 1996 грянула сенсация: в печати появились воспоминания В.С. Фрида⁶.

Валерий Семенович Фрид (1922–1998) – известный советский литератор. В 1944, будучи студентом ВГИКа, был арестован и до января 1954 находился в заключении, несколько лет провел в ссылке. После реабилитации в мае 1957

² Хейфец М.Р. Избранное: В 3 т. – Т. 1: Место и время. Русское поле. – Харьков, 2000. – С. 140.

³ Там же.

⁴ Карякин Ю.Ф. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). – М., 2007. – С. 100.

⁵ Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. Якир Петр Иванович: [Биогр. справка] // Документы Инициативной группы по защите прав человека в СССР: [Электронное издание] / Сост. Г.В. Кузовкин, А.А. Макаров. – М., 2009. – <http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html#86>.

⁶ Фрид В.С. 58½: Записки лагерного придурка. – М., 1996.

вернулся в Москву. Получил известность как сценарист, по его сценариям были сняты такие фильмы, как «Полосатый рейс» (1961), «Жили-были старик со старухой» (1964), «Служили два товарища» (1968), «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» (1979).

Описывая свое пребывание в воркутинском лагере, В.С. Фрида рассказывал, как однажды, «в день отправки воровского этапа», к нему «пришел грустный Петька Якир и сообщил, что его снимают с бригадирства, этапируют с блатными на штрафняк», добавив при этом: «Посылают разрабатывать Ивана Ивкина... Я ж у них на кукане (т. е. «на крючке». – А. О.)»⁷. Далее, писал В.С. Фрида, «Петька поведал мне свою невеселую историю. Оказывается, еще когда он отбывал свой первый срок, совсем мальчишкой, его завербовали „органы“»⁸.

Сообщив об этом признании, В.С. Фрида отметил, что тогда поставил о нем в известность только своего друга Юлия Дунского. «И больше мы не разговаривали на эту тему – до встречи в Москве, когда и он, и мы с Юлием вернулись из лагерей. Шел уже пятьдесят седьмой год. Отозвав Петра в сторонку, я спросил: „Скажи, они от тебя отвязались?“ Он искренне удивился: „Кто?“ – „Ну, помнишь, ты мне рассказывал... Про Ивана Ивкина... Что ты у них на крючке“. А он, представьте себе, забыл. Скривился, помрачнел: „А-а... Да, давно отвязались, давно... Но ты никому не рассказывал?“ – „Нет“. – „И не надо“. Я и не рассказывал – пока не началась Петькина диссидентская активность»⁹.

Правда, по словам В.С. Фрида, даже тогда он лишь намекал на провокаторство П.И. Якира. «Только Мише Левину и Нинке Гинзбург, в девичестве Ермаковой, – писал он, имея в виду себя и Ю. Дунского, мы объяснили все прямым текстом, без эвфемизмов, – потому что очень уж настойчиво Петька стал вымогать подписи у Мишиного тестя академика Леонтовича и Нининого мужа академика Гинзбурга»¹⁰.

В воспоминаниях В.С. Фрида содержится еще одно важное свидетельство. «Мира Уборевич, – писал он, – рассказала мне недавно, что, вернувшись из первого заключения, Якир и им со Светланой Тухачевской признался, что его в лагере завербовали. Каялся, плакал...»¹¹.

Те, кто до этого обвинял П.И. Якира в провокации, увидели в воспоминаниях Фрида доказательство своих обвинений; те, кто не хотел верить этому, ставили правомерный вопрос: можно ли верить воспоминаниям?

Мемуары как источник действительно требуют особой осторожности. Однако при оценке воспоминаний В.С. Фрида нужно учитывать два факта:

⁷ Фрида В.С. 58½: Записки лагерного придурка. С. 160.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 164.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Там же. С. 172.

во-первых, ко времени их публикации, т. е. к 1996, П.И. Якир уже давно умер (в 1982), и у Фрида не было никаких оснований порочить его задним числом. Во-вторых, в своих предсмертных воспоминаниях В.С. Фрид сделал еще одно важное заявление: он признался, что в свое время в лагере был завербован сам¹². Однако с юридической точки зрения свидетельское показание может служить доказательством только в том случае, если подкрепляется другими, подобными же показаниями или же косвенными документальными фактами.

Как это ни покажется парадоксально, но воспоминания В.С. Фрида находят подтверждение в воспоминаниях самого П.И. Якира, которые под названием «Детство в тюрьме» были опубликованы в Лондоне в 1972. Рассказывая о своем освобождении по окончании первого срока (он отбывал его на Урале), П.И. Якир писал, что около 19 октября 1942 его взяли на этап и доставили «на станцию Сосьва – там находилось управление Севураллага». Здесь он оказался в кабинете, на дверях которого было написано: «Начальник оперчекистского отдела Севураллага полковник Петров». В кабинете его покормили, дали покурить, после чего полковник сказал: «Завтра вас отправят обратно на 7-ой лагпункт, мы вас решили освободить. В лагере об этом никому не говорите. Через некоторое время вас отправят в Свердловск, где устроят работать и учиться. Я думаю, вы оправдаете наше доверие»¹³.

Когда П.И. Якир вернулся на свой 7-й лагучасток и сообщил об этой странной поездке одному из наиболее близких ему заключенных, тот «сказал: «Ну, что ж, сынок, у тебя **начинается танец на острие ножа**. Смотри, не поскользись, а то нож вонзится прямо в бок»¹⁴.

«Через 5 дней», т. е. около 4 ноября, П.И. Якир был освобожден. «Я, – вспоминал он, – получил буханку хлеба, две селедки и **вышел за зону**. Неизвестный человек в штатском проводил меня в управление. В кабинете **оперуполномоченного** мне дали переодеться в лагерное обмундирование первого срока, дали два куса сахара и банку консервов. Вечерним поездом **мы** отправились в путь **в отдельном купе** и утром прибыли в Свердловск»¹⁵.

У любого, кто хотя бы немного знаком с воспоминаниями бывших заключенных, это свидетельство не может не вызвать удивления. Но чудеса на этом не закончились. «**На машине меня отвезли в областное управление НКВД**. Там я был принят человеком в штатском; он взял с меня подписку о невыезде из Свердловска и сказал, что меня поместят в общежитие политехникума и определят на учебу. Он предупредил меня, что в городе живут мои знакомые Светлана Тухачевская, Виктория Гамарник и Гизи Штейнбрюк,

¹² Там же. С. 181–182.

¹³ Якир П.И. Детство в тюрьме. – Лондон: Macmillan, 1972. – С. 148–149.

¹⁴ Там же. С. 150.

¹⁵ Там же. С. 151.

что **за мной будут наблюдать** и что за разглашение сведений о лагерях меня привлекут к уголовной ответственности по ст. 121 УК¹⁶. Он предупредил также, что **меня периодически будут вызывать и беседовать со мной**. После этого он вызвал человека, который отвез меня в общежитие ВТУЗовского городка¹⁷.

Приведя этот фрагмент воспоминаний П.И. Якира, Генрих Натанович Горчаков писал: «Неужели никто из друзей и сторонников Якира, ценивших его за мужество, ни разу не задумался над такими его признаниями?..»¹⁸.

А признания удивительные. Виданное ли дело, чтобы простому заключенному (а весной 1942 в Севураллаге насчитывалось более 20 тысяч человек) решение о его освобождении объявлял начальник оперчекистского отдела лагеря, причем для этого заключенного специально доставили с лагучастка в управление лагерем. Очень странно, что при освобождении П.И. Якиру позволили переодеться не в каптерке, не в бараке, а в кабинете оперуполномоченного и на прощание там же дали «два куска сахара и банку консервов». Еще более удивительно, что с лагучастка он добирался до Свердловска на поезде «в отдельном купе», что на вокзале его ждала машина, которая доставила его «в областное управление НКВД».

Одного этого достаточно, чтобы утверждать, что П.И. Якир являлся не простым заключенным и к моменту освобождения был для НКВД своим человеком. Причем он не скрывал того, что при освобождении речь шла о его сотрудничестве с органами НКВД (**«меня периодически будут вызывать и беседовать со мной»**).

В освобождении П.И. Якира есть и другие странности.

Дело в том, что с началом войны на основании директивы Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР № 221 от 22.VI.41 освобождение осужденных было приостановлено¹⁹. Зная это, П.И. Якир сам отмечал в воспоминаниях: «Я не верил, что меня освободят, так как всех задерживали»²⁰. Выражала удивление по поводу его освобождения и В.И. Уборевич: «В лагере, – писала она, – я узнала: с 22 июня 41 года из лагерей не отпускался ни один человек. Все оставлялись до окончания войны... Назывались они пересидчиками»²¹.

¹⁶ «Разглашение, сообщение, передача или собрание в целях передачи должностным лицом сведений, не подлежащих оглашению, – лишение свободы на срок до трех лет или дисциплинарное взыскание, налагаемое соответствующими органами». – Уголовный кодекс РСФСР. – М., 1944 (статья 121).

¹⁷ Якир П.И. Детство в тюрьме. – С. 151.

¹⁸ Горчаков Г.Н. Сын командарма Якира // Сайт «Генрих Горчаков». – http://www.gorchakov.org/publitzistika_yakir.html

¹⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993.

²⁰ Якир П.И. Детство в тюрьме. – С. 147.

²¹ Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой / Сост. Ю. Кантор. – М., 2009. – С. 76–77.

29 апреля 1942 упомянутая директива была изменена: «Заключенных, – говорилось в новой директиве, – отбывших срок наказания, задержанных в лагерях, тюрьмах и колониях согласно директиве № 221 от 22 июня 1941 г., из-под стражи освободить, за исключением осужденных за измену, террор, шпионаж, диверсию, троцкистов, правых и бандитов, объявив последним, что они оставлены под стражей до окончания войны. Всех отбывших срок наказания заключенных, освобожденных в соответствии с п. 1 настоящей директивы, оставлять для работы в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права выезда и с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки»²².

Можно было бы допустить, что П.И. Якир в виде исключения заслужил освобождение доблестным трудом и примерным поведением. Однако этому противоречит целый ряд фактов из его лагерной биографии. Если верить ему, на его счету было несколько попыток побега, отказ от работы и даже участие в поджоге²³. Поэтому можно только удивляться, почему карающий меч не опускался на его голову и почему, несмотря на это, во время войны по истечении срока он был освобожден из лагеря.

Если принять версию П.И. Якира и допустить, что после освобождения он стал студентом «политтехникума», возникает вопрос, на что же он жил? Ведь у него не было родственников, которые могли бы ему помогать? Может быть, он подрабатывал?

Когда этот вопрос возник в одном из разговоров П.И. Якира с Генрихом Горчаковым, последний услышал «его фантастические рассказы о себе», которые «были смесью какой-то уголовщины и сентиментальных приключений. За полтора года пребывания на воле на его счету было много деяний, наказуемых по собственно уголовным статьям: хищение продовольственных карточек, подделка документов... Сумочки вырывал из рук каких-то знатных дам – грабил награбленное. По его рассказам, жил он привольно это время, прокучивал свою недолгую вольную жизнь»²⁴.

Но дело не только в том, как и на что П.И. Якир жил до своего нового ареста в 1944. Выйдя на волю, он не только получил возможность поселиться в Свердловске (а это крупный областной и военно-промышленный центр, режимная местность, жительство в которой бывшим заключенным было запрещено), но и разъезжать по стране. Известно, что за полтора года он,

²² Директива Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора СССР № 185 от 29 апреля 1942 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – С. 159.

²³ Якир П.И. Детство в тюрьме. – С. 89–147.

²⁴ Горчаков Г.Н. Сын командарма Якира. – http://www.gorchakov.org/publitzistika_yakir.html

по меньшей мере, два раза побывал в Москве²⁵ и два раза в Ташкенте²⁶. Чтобы понять это, необходимо учесть, что во время войны переезды из одной местности в другую были разрешены только в двух случаях: или по командировочному удостоверению, или же по пропуску, выданному милицией. Без этого приобретение железнодорожного билета было невозможно.

«В военные годы, – удивлялась В.И. Уборевич, – когда так трудны переезды, он (П.И. Якир. – А.О.) появился в Ташкенте, нашел меня»²⁷.

Возникает еще один вопрос. В 1941 П.И. Якиру исполнилось 18 лет, болезнями он не страдал, учеба в «политехникуме» отсрочки не давала, поэтому после освобождения его должны были призвать в армию. И действительно, оказывается, службы в армии он не избежал.

В связи с этим обращает на себя внимание следующий факт. Летом 2013 года бывший диссидент Виктор Викторович Давыдов, скрывающийся в интернете под псевдонимом *chaadaev56*²⁸, поделился воспоминаниями о своем знакомстве с П.И. Якиром и сообщил, что однажды тот рассказал ему «о своей встрече с Берией»²⁹. На это свидетельство можно было бы не обращать внимания, если бы оно не перекликалось с другим мемуарным свидетельством, тоже размещенным в интернете. Имеется в виду интервью троюродной сестры П.И. Якира Ларисы Хусид³⁰.

По ее словам, вернувшись из заключения, П.И. Якир рассказывал родственникам, будто бы после первого освобождения «он потребовал, чтобы его этапировали к Берии. Его этапировали к Берии. Берия начал хулить отца». Тогда Якир якобы «запустил в него чернильницей», а потом сказал: «Отправьте меня на фронт. Я хочу своей кровью смыть кровь, которая на имени отца». Берия сказал, что твоя жизнь еще пригодится Родине. И его отправили в крытой машине куда-то. Очень долго ехал, не знает куда. Привезли куда-то в лес, где тренировали для заброса на оккупированную территорию диверсантов»³¹.

В интернете можно встретить самую невероятную информацию. Однако оба приведенных свидетельства заслуживают внимания, поскольку подтверждаются другими мемуарами.

²⁵ Там же.

²⁶ Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой. – С. 74, 76–77.

²⁷ Там же. С. 56, 68–73.

²⁸ Определение суда – по Хронике текущих событий № 58. – <http://chaadaev56.livejournal.com/13835.html>. В.В. Давыдов (р. 1956) был арестован в 1979.

²⁹ Петр Якир (2). – <http://chaadaev56.livejournal.com/99655.html>

³⁰ Лариса Хусид. Интервью. – <http://skachate.ru/voennoe/88283/index.html>. Мать Ларисы Хусид – Мария Иосифовна Ортенберг была двоюродной сестрой матери Петра Якира – Сарры Лазаревны Ортенберг, их отцы Лазарь Петрович и Иосиф Петрович были братьями.

³¹ <http://skachate.ru/voennoe/88283/index.html?page=2>.

Вспоминая о том, как летом 1944 он познакомился в московской тюрьме с П.И. Якиром, Валерий Фрид писал, что когда тот появился в тюремной камере, «на нем была армейская шинель» и «потрепанная кубанка». Конечно, и шинель, и кубанку можно было купить на барахолке или же украсть. «По Петькиным словам, – вспоминал В.С. Фрид далее, – отбыв первый срок, он приехал в Москву, пробился на прием к самому Берии и закатил блатную истерику: что ж ему теперь, всю жизнь оставаться сыном врага народа?! И Лаврентий Павлович – опять-таки по рассказу Петьки – распорядился принять его в какую-то **чекистскую школу**»³².

В этой истории самое главное заключается не в том, что П.И. Якир, если верить ему, встретался с Л.П. Берия, а в том, что после этой встречи его направили в «чекистскую школу».

Как уже отмечалось, по утверждению В.С. Фрида, П.И. Якир признался в сотрудничестве с органами НКВД во время первого заключения не только ему, но еще двум лицам: Мире Уборевич и Светлане Тухачевской³³. Каких-либо свидетельств С.М. Тухачевской на этот счет пока неизвестно. Но в нашем распоряжении имеются письма-воспоминания В.И. Уборевич. Описывая свое пребывание в Ташкенте, она писала Елене Сергеевне Булгаковой: «Петя Якир появился в Ташкенте уже тогда, когда я от Вас переехала к Светлане Бухариной (по всей видимости, в 1943. – А.О.). Петька внес в мою жизнь много темного и непонятного. До сих пор не пойму его роли в нашем деле... **Он говорил, что отсидел в лагере, что отпустили его с условием, что он будет работать в НКВД**»³⁴.

Оценивая воспоминания В.И. Уборевич, следует учитывать, что они появились в 1963, задолго до того, как были написаны и опубликованы воспоминания В.С. Фрида. Еще до того, как П.И. Якир стал одним из лидеров советского диссидентства, а затем в 1972–1973 предал своих соратников по движению.

Поскольку никто и никогда не ставил перед заключенными ультиматум: или пребывание в лагере, или освобождение и служба в НКВД, это означало, что уже в лагере П.И. Якир начал сотрудничать с НКВД, а затем продолжил на воле. Слухи об этом нашли отражение и в воспоминаниях Андрея Амальрика. «Во время войны, – писал он, – у Якира был короткий перерыв в заключении, и в это время он сам служил в НКВД, правда, не в следственном отделе или лагерной охране, а в группах, которые забрасывались в немецкий тыл»³⁵.

³² Фрид В.С. 58½: Записки лагерного придурка. – С. 109.

³³ Там же. С. 195.

³⁴ Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой. – С. 70.

³⁵ Амальрик А.А. Записки диссидента. – М., 1991. – С. 137–138.

Этот же факт нашел отражение в воспоминаниях украинского ученого, сына известного большевика В.П. Затонского – Дмитрия, знавшего семью Якиров по Киеву. По словам Д.В. Затонского, после первого освобождения П.И. Якир «был призван в армию» и «как знающий немецкий язык направлен во фронтовую разведку»³⁶.

В связи с этим заслуживает внимания еще одно свидетельство В.И. Уборевич. В своих письмах-воспоминаниях она писала, что, появившись в Ташкенте вторично, П.И. Якир «сказал, что предложил себя в школу десантников... В июле Петя попрощался и исчез. Мне сказал, что летит в тыл врага»³⁷. О том, что П.И. Якира «три раза отправляли в немецкие тылы», писала и его троюродная сестра Лариса Хусид³⁸.

Может быть, это блатная байка, любителем которых был П.И. Якир?

Ответ на этот вопрос дает обвинительное заключение по следственному делу № 7223 от 30 декабря 1944, в котором род занятий П.И. Якира на момент его ареста летом того же года охарактеризован следующим образом: «быв[ший] боец отдельного отряда особого назначения (ОСНАЗ) НКГБ СССР»³⁹.

Отряд особого назначения НКГБ был создан летом 1941 первоначально в структуре НКВД, который тогда возглавлял Л.П. Берия, и был предназначен для борьбы с противником как внутри страны, так и за линией фронта⁴⁰. После того, как в 1943 из НКВД был выделен НКГБ⁴¹, ОСНАЗ был передан в ведение НКГБ, который с 14 апреля 1943 возглавил В.Н. Меркулов⁴².

Это дает основание думать, что, если П.И. Якир действительно встречался с Л.П. Берия, эта встреча могла иметь место не ранее ноября 1942 – не позднее апреля 1943.

Таким образом, факт службы П.И. Якира в НКВД-НКГБ после освобождения из лагеря в 1942 можно считать бесспорным. Причем следует подчеркнуть, что служил он в элитном подразделении государственной безопасности.

Как же боец отряда особого назначения НКГБ оказался за колючей проволокой? Удалось обнаружить две версии на этот счет. Согласно первой из них, упоминаемой в интервью Ларисы Хусид, когда П.И. Якир был арестован,

³⁶ Затонский Д. Мой отец нарком Затонский // Киевские ведомости. – 2001. – 10 ноября.

³⁷ Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой. – С. 76–77.

³⁸ Лариса Хусид. Интервью. – <http://skachate.ru/voennoe/88283/index.html>

³⁹ Цит по.: Уборевич В.И. 14 писем Елене Сергеевне Булгаковой. – С. 157.

⁴⁰ Ржевцев Ю. Отдельный отряд особого назначения (ОООН) НКГБ СССР (Статья из авторской рукописи «Правоохранительной энциклопедии Калининградской области»). – <http://may1945-pobeda.narod.ru/nkvd-ooon.htm>.

⁴¹ Там же.

⁴² Залесский К.А. Империя Сталина: Биографический энциклопедический словарь. – М., 2000. – С. 56, 311.

«ему инкриминировали» подготовку к «переходу иранской границы»⁴³. По другой версии, нашедшей отражение в воспоминаниях Виктора Матвеевича Левенштейна, П.И. Якир «решил проситься на фронт... каким-то образом ему удалось добиться приема у начальника политуправления Красной Армии Мехлиса. <...> Он сказал Мехлису, что <...> тоже хочет сражаться с врагом за советскую родину, как и его отец». После чего Л.З. Мехлис якобы сдал его органам госбезопасности⁴⁴.

Что стоит за этими версиями, сказать трудно, так как следственное дело П.И. Якира до сих пор не введено в научный оборот. Однако из воспоминаний известно, что он был приговорен по двум статьям: за антисоветскую агитацию и выдачу государственной тайны⁴⁵.

Биографы П.И. Якира – сотрудники «Мемориала» Дмитрий Зубарев и Геннадий Кузовкин пишут, что 10 февраля 1945 П.И. Якир был осужден Особым совещанием по двум статьям УК РСФСР: по статье 58-10 ч. 1 (антисоветская агитация) и по статье 121 (**разглашение сотрудничества с НКВД**)⁴⁶.

Таким образом, на основании изложенных фактов можно утверждать, что свидетельство В.С. Фрида о том, что П.И. Якир еще до 1942 был завербован НКВД, заслуживает полного доверия. Но тогда следует отнестись с доверием и к его свидетельству, что П.И. Якир продолжал сотрудничать с лагерной администрацией во время своего второго срока (1944–1952).

«...было в его университетах, – писал Ю.Ч. Ким, – что-то такое, о чем он либо случайно и невнятно проговоривался, либо наглухо умалчивал. И теперь, вспоминая эти его скупые оговорки и читая некоторые мемуары, я вижу: в 43–44-м годах, между первым и вторым сроком, и позже, уже в лагере, органы НКВД несколько раз заставили Петра работать на них, и в результате пострадали люди. Мне неизвестно, как это началось, сколько длилось и до какой степени Петр шел на это сотрудничество»⁴⁷.

⁴³ Лариса Хусид. Интервью. – <http://skachate.ru/voennoe/88283/index.html>.

⁴⁴ Левенштейн В. За Бутырской каменной стеной // Континент. – 2007. – № 132. – С. 208–316.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. Якир Петр Иванович. – <http://www.memo.ru/history/diss/ig/docs/igdocs.html#86>.

⁴⁷ Ким Ю. Дело Петра Якира // Звезда. – 1997. – № 3. – С. 193–194.

Николай Петров

Служение протоиерея Антония Озерова в селе Левоча Новгородской губернии

Николай Игоревич ПЕТРОВ

*доцент, преподаватель училища
благочестия Санкт-Петербургского
подворья Константино-Еленинского
женского монастыря, кандидат
исторических наук*

Изучение биографии протоиерея Антония Ивановича Озерова (1863–1918) оказывается возможным в связи с наличием весьма подробных сведений о его служении в селе Левоча Боровичского уезда Новгородской губернии¹ и достаточно детального, хотя и тенденциозного описания крестьянских волнений, случившихся в том селе в декабре 1918 и повлекших за собой расстрел о. Антония чекистами².

После окончания Новгородской духовной семинарии сын священни-

¹ Данные приводятся по: Летопись Левочской Никольской церкви. 1893–1916. – Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. 499. Оп. 1. Д. 28 (далее при ссылке на летопись: ГАНО. Ф. 499, с указанием листов дела). В 2011 эта летопись полностью опубликована нами в епархиальном журнале: *Петров Н.* Летопись Левочской церкви святителя Николая Чудотворца // *София: Издание Новгородской епархии.* – 2011. – № 1. – С. 33–40; № 2. – С. 22–29; № 3. – С. 27–35; № 4. – С. 31–37.

² Дело по обвинению Антония Озерова и Василия Журавлева в свержении Советов и в агитировании к контр-революционному восстанию. – Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/5441. По разрешению руководства архива часть документов нами опубликована: *Ложков Михаил, прот., Петров Н.* Протоиерей Антоний Озеров: об обстоятельствах мученической кончины в 1918 г. // *София.* – 2009. – № 2. – С. 3–8.

ка А.И. Озеров с 1 сентября 1887 по 5 октября 1888 служил учителем в Веретьевской земской школе Новгородского уезда³. В том же 1888 он стал вторым священником левочской церкви Св. Николая Чудотворца, а в 1903 был назначен настоятелем этого храма (и оставался им до своей кончины). В 1888 А.И. Озеров женился на дочери священника той же левочской церкви Марии Александровне Синозерской, но уже в 1890 овдовел и остался бездетным⁴. Именно с этим обстоятельством и было связано одно из наиболее заметных направлений деятельности о. Антония в Левочской волости (помимо священнического служения как такового) – его труды в области народного просвещения. Несколько позднее (в 1916) сам о. Антоний так писал об этом: «В... 1902 году у меня созрела окончательная решимость открыть во чтобы то ни стало в Левочском приходе вторую школу, и именно земскую, с одной стороны, вследствие сознания крайней необходимости в ней ввиду безграмотности, невежества и беспросветной тьмы своих прихожан, с другой стороны, вследствие желания потрудиться на ниве Христовой во благо своей паствы, и наконец, отчасти использовать и то свободное время – в особенности осеннее и зимнее, которым я располагал и не знал куда девать, будучи вдовым священником, хотя проповедание слова Божия в то время было уже любимым моим занятием и постоянным спутником церковных служб. А пастырского делания в приходе в те времена было – о, как много!»⁵. Действительно, еще в самом начале своего служения в Левоче, в 1890-х, о. Антоний характеризовал своих прихожан следующим образом: «Прихожане Левочской церкви – богобоязненные и очень почтительны к духовенству, но умственно мало развиты за недостатком школ; есть деревни, где нет ни одного человека грамотного; в христианском учении большинство из них невежественны, а потому суеверны, – объясняется это отсутствием произношения церковных проповедей». И далее: «К исполнению христианских обязанностей – исповеди и св. причастия – не особенно усердны; был случай, что один прихожанин 18 лет не был на исповеди...»⁶.

Земское училище было основано при левочской церкви еще в 1870. В 1894/1895 учебном году здесь уже было 65 детей⁷. Тогда же на средства С.-Петербургского комитета грамотности для учащихся была открыта столовая⁸. В 1903 о. Антоний был назначен в этой школе законоучителем – преподавателем

³ Церковные ведомости г. Боровичей и его уезда. 1916. – ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 4285 (св. 481). Л. 258об.–260об.

⁴ ГАНО. Ф. 499. Л. 10–10об., 16.

⁵ Там же. Л. 40об.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 6об.

⁸ Там же. Л. 9–9об.

Закона Божьего⁹. В 1899–1903 в деревне Звягино Левочской волости была построена вторая школа¹⁰. Местные крестьяне предоставили землю и лес для строительства, 200 рублей пожертвовал сам о. Антоний, он и был назначен заведующим этой школой. Интересно, что первоначально о. Антоний задумывал открыть вторую школу также как и первую – как земскую. Однако звягинская школа была открыта в 1903 именно как церковная школа грамоты, первоначальный набор составил 45 детей. И только в 1909 эта школа грамоты была преобразована в одноклассную церковно-приходскую¹¹. В 1907 в здании левочской земской школы было открыто еще одно учебное заведение – двухклассное училище Министерства народного просвещения («министерский класс с двумя отделениями»), законоучителем здесь также стал о. Антоний. Первоначальный набор учащихся в «министерский класс» составил лишь шесть человек, в то время как в земской школе в тот год обучалось уже 138 детей¹².

В 1908–1911 в Левочской волости были открыты четыре земские школы: в 1908 – в д. Яковлево (первоначальный набор – 32 учащихся)¹³, в 1909 – в д. Комарово (первоначальный набор – 21 учащихся)¹⁴, в 1910 – в с. Петровское (первоначальный набор – 45 учащихся)¹⁵, в 1911 – в д. Былова Гора (первоначальный набор – 15 учащихся)¹⁶. Еще одна земская школа существовала в волости в те годы в д. Теребут; известно, что в 1908 уездным земским собранием о. Антоний был избран ее попечителем, однако никаких сведений о ней в левочской церковно-приходской летописи не содержится. В церковной ведомости 1916 года законоучительская деятельность о. Антония описывается следующим образом: «Преподает Закон Божий в трех школах: Левочской начальной, по 4 урока в неделю, содержание 120 руб. (очевидно, в год. – *Н.П.*), во втором министерском классе по 4 урока в неделю, содержание 100 руб. и Звягинской по 6-ть уроков [содержание] 30 рублей». Кроме того, здесь отмечается, что о. Антоний также «состоит законоучителем Бережковской земской школы» (в с. Петровское) со времени ее открытия, – но уже без указания

⁹ ГАНО. Ф. 499. Л. 16.

¹⁰ Там же. Л. 16, 39об., 40об.–41об., 42.

¹¹ Там же. Л. 24, 43. В церковных школах грамоты обучение продолжалось два года, в церковно-приходских школах оно было более продолжительным и глубоким (в одноклассных – три или четыре года, в двухклассных – пять лет). См.: Высочайше утвержденные Положения а) о церковных школах ведомства Православного Исповедания и б) об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания. – СПб., 1908. – С. 8–9 (ст. 17–18, 21–23, 30).

¹² ГАНО. Ф. 499. Л. 21.

¹³ Там же. Л. 22.

¹⁴ Там же. Л. 24–24об.

¹⁵ Там же. Л. 25.

¹⁶ Там же. Л. 26.

«содержания» и количества уроков¹⁷. Подводя итог трудам настоятеля левочского храма в области народного просвещения, стоит подчеркнуть, что они оказались связанными со всеми четырьмя разновидностями сельских училищ, дававших в то время начальное образование¹⁸: земскими школами, училищем Министерства народного просвещения, церковной школой грамоты и церковно-приходской школой¹⁹.

К сожалению, левочская церковно-приходская летопись заканчивается описанием событий 1916 года, и мы ничего не знаем о том, как складывалась жизнь о. Антония в течение последующих двух лет. И лишь документы, сохранившиеся в архиве Новгородского областного управления ФСБ, дают возможность прояснить обстоятельства ареста и расстрела настоятеля левочского храма в самом конце 1918 года.

Следует отметить, что «дело по обвинению Антония Озерова и Василия Журавлева в свержении Советов и в агитировании к контр-революционному восстанию» оказывается единственным источником, содержащим сведения об антибольшевистском выступлении крестьян, начавшемся в с. Левоча 13 декабря 1918²⁰. Возможно, это событие следовало бы рассматривать в качестве некоего отголоска очень похожего Шекснинского восстания 1–3 декабря 1918²¹ (железнодорожная станция Шексна располагается примерно в 200 км по прямой к востоку от Левочи). Впрочем, рассматриваемое нами выступление крестьян вполне объяснимо и одной лишь местной экономической ситуацией, сложившейся в Левочской волости к концу 1918 года²².

Дело в том, что в середине декабря в Левоча было назначено совещание председателей комитетов бедноты по распределению чрезвычайного налога и сборе с местных жителей теплой одежды для армии. Однако 13 декабря жители села собрались около здания волостного совета и приняли решение об отказе от уплаты налога и сдачи одежды. Вместо совета было избрано волостное правление по дореволюционному образцу, волостным старшиной стал Василий Порфильевич Журавлев. «...Я принял все дела и дал распоряжение, чтобы

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. об этом: *Окушова Г.А., Пьяных Е.Г.* Народная школа в дореволюционной России: теоретико-методологические основания и организационная практика // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 11 (101). – Томск, 2010. – С. 73–74.

¹⁹ Более подробно о попечении о. Антония о народном просвещении см.: *Петров Н.И.* Протоиерей Антоний Озеров и народное образование в Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Новгородский архивный вестник. – Вып. 11. – Великий Новгород, 2013.

²⁰ Эта и последующие даты приводятся по новому стилю.

²¹ О восстании см.: *Саблин В.А.* Шекснинское восстание 1918 года // Череповец: Краеведческий альманах. – Вып. 1. – Вологда, 1996. – С. 64–70. См. также воспоминания об этом восстании, написанные в 1960-е: *Сахаров П.П.* Шекснинское восстание (черновые наброски) // Череповец. – Вып. 2. – Вологда, 1999. – С. 177–204; *Суворов А.Н.* Кулацко-эсеровское восстание в Шексне // Там же. – С. 205–223.

²² О Левочском восстании см.: *Петров М.Н.* Крест под молотом. – Великий Новгород, 2000. – С. 43–45.

убрать портреты вождей революции тов. Ленина, Троцкого и других, а также снял вывеску волостного Совета и красный флаг, так как я уже не считал в волости власть Совета, а власть волостного правления», – так в протоколе допроса чекистами излагаются показания волостного старшины²³.

21 декабря из г. Боровичи в Левочу в сопровождении отряда красноармейцев прибыли сотрудники уездной ЧК. О. Антоний, волостной старшина и писарь правления тут же были арестованы. Вскоре с колокольни церкви прозвучал набат, и к зданию волостного правления пришло около 1500 крестьян, которых чекистам удалось убедить разойтись. Однако на следующий день в селе собралось уже не менее 3000 человек, требовавших освобождения арестованных.

Как сообщал впоследствии в докладе председателю уездной ЧК «командир карательного отряда» красноармейцев Г. Митрофанов, крестьяне «взялись за колья и поленья и усиленно стали ломиться в помещение Совета тогда видя что угрожает опасность стали стрелять по целям после все этого выяснилось что есть один (1) убитый а двое (2) раненых... все успокоилось я послал по улицам патрули (3-х) красноарм которые и сообщали что стало тихо а на 23 Декабря были произведены еще некоторые аресты...»²⁴. Тогда был арестован и о. Иоанн Владимирский, второй священник Никольской церкви²⁵.

Власть волостного совета в Левочу была восстановлена, а 23 декабря о. Антоний и В.П. Журавлев были расстреляны. Известие о последних днях жизни о. Антония содержится в рапорте благочинного 4 округа Боровичского уезда о. Иакова Лебедева от 12 января 1919, направленном в Новгородский епархиальный совет:

«Считаю долгом донести Епархиальному Совету, что Комиссиею по борьбе с контр-революциею 8/21 декабря 1918 года был арестован Священник Левочской церкви Антоний Озеров, в доме его произведен строгий обыск, причем забраны были церковная печать и многие церковные документы. В ночь с 9-го на 10-е декабря (по старому стилю, см. также ниже. – *Н.П.*) был арестован и второй священник той же церкви Иоанн Владимирский, и на произведенном ночью допросе объявлено было обоим священникам, что их ожидает расстрел. В течение почти суток оба священника находились вместе в арестантской в ожидании смерти: два раза исповедовались один у другого и совместно молитвенно готовились к смерти. Часов в семь вечера 10/23 декабря священник Антоний Озеров с одним из местных прихожан был расстрелян и зарыт без погребения саженях в 50-ти от кладбища. Священник же Владимирский еще двое суток содержался в арестантской

²³ Дело по обвинению Антония Озерова и Василия Журавлева в свержении Советов и в агитировании к контр-революционному восстанию. – Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/5441. Л. 16-16об.

²⁴ Там же. Л. 34–35. В приведенной цитате полностью сохранены орфография и пунктуация документа.

²⁵ Там же. Л. 20–22.

в полном неведении о своей судьбе. 12 дек. / 25 д. приехавший в Комиссию член из Новгорода сделал новый допрос и постановил освободить о. Иоанна Владимирского, что в тот момент 12/25 декабря часа в 2–3 дня и было исполнено, причем от него отобрана была подписка никогда и ничем не выступать против Советской власти. Доводя до сведения Епархиального Совета о сем прискорбном событии, считаю нелишним присовокупить, что прихожане, как только узнали об аресте Священника, Антония Озерова, тотчас же собралась в значительном количестве и очень настойчиво и неотступно просили об его освобождении, а 9-го декабря даже перешли к требованию, чем вместо пользы неразумно способствовали ухудшению дела, так как свою требовательность вызывали со стороны Комиссии стрельбу в толпу, причем были убиты три человека насмерть»²⁶.

Постановление о расстреле (утвержденное губернской ЧК лишь 5 февраля 1919) свидетельствует, что это решение боровичских чекистов в первую очередь было обусловлено соображениями целесообразности: «Принимая во внимание, что в связи с восстанием создавшееся чисто погромное настроение в среде разогитированного населения заставляло с минуты на минуту ожидать нападения на отряд с ясно выраженной целью освобождения таковых открытых и ярых контр-революционеров, в целях предупреждения таковых их действий могущих повлечь за собой излишнее кровопролитие, постановили: вышеуказанных лиц <...> расстрелять, каковой приговор ввиду вышеуказанных соображений и привести в исполнение немедленно»²⁷.

В процитированном документе указывается на некие «неопровержимые данные о том, что главными вдохновителями и руководителями этого восстания» были именно волостной старшина и настоятель Никольского храма – «агитировавший до и во время восстания, подготовивший для него почву местный Левочский поп Антоний Озеров». Однако какая-либо однозначная оценка действительного участия о. Антония в этих событиях пока что не представляется возможной. В протоколе допроса самого настоятеля левочской церкви речь идет только лишь о сохранении у него в собственности коровы, – в результате свержения власти волостного совета 13 декабря²⁸. В протоколе допроса В.П. Журавлева о. Антоний не упоминается²⁹. Что же касается протоколов допросов других местных жителей, сообщавших о действиях о. Антония, непосредственно связанных с восстанием, то изучение и публикация этих документов не были разрешены нам руководством архива Новгородского областного управления ФСБ.

²⁶ Дело о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства. 1918–1919. – ГАНО. Ф. 481. Оп. 1. Д. 153. Л. 59–59об.

²⁷ Архив УФСБ по Новгородской области. Д. 1/5441. Л. 42–42об.

²⁸ Там же. Л. 17.

²⁹ Там же. Л. 16–16об.

Грете Ребшток

Заговорить к концу жизни

На материалах онлайн-архива
«Принудительный труд 1939–1945.
Воспоминания и история»¹

Грете РЕБШТОК

аспирантка кафедры исторических наук
Свободного университета Берлина
(Freie Universität Berlin)

Введение

В 2001 немецкое правительство приняло закон о выплате компенсаций принудительным работникам нацистской Германии. В связи с этим в 2005 и 2006 были проведены около 600 интервью с бывшими принудительными работниками во всем мире². Эти интервью хранятся в онлайн-архиве «Принудительный труд 1939–1945. Воспоминания и история» (www.zwangsarbeit-archiv.de)³.

¹ Эта статья будет опубликована также и на немецком языке весной 2015 года: *Rebstock G. Sprechen am Ende des Lebens: Russische Zeugnisse aus dem Zwangsarbeit-Archiv // früher/später. Zeugnisse in temporaler Alterität / Hrsg. von A.Bothe. – Berlin, 2015 (в печати).*

² Подробнее о собрании интервью: *Leh A. Interviews in 27 Ländern. Die Entstehung der Sammlung // Erinnern an Zwangsarbeit. Zeitzeugen-Interviews in der digitalen Welt / Hrsg. von N.Apostolopoulos u.C.Pagenstecher. – Berlin, 2013. – S. 97–109.*

³ Подробнее об архиве: *Apostolopoulos N., Pagenstecher C. (Hrsg.). Erinnern an Zwangsarbeit. Zeitzeugen-Interviews in der digitalen Welt. – Berlin, 2013; Plato A. von [u.a.] (Hrsg.). Hitlers Sklaven: lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich. – Wien, 2008.*

Настоящая статья берет в основу качественный анализ интервью, взятых у принудительных работников из бывших стран Советского Союза (так называемых остарбайтеров), а именно 56 интервью, проведенных в России.

Общая особенность большинства этих жизнеописаний заключается в том, что со времени опыта принудительного труда до момента интервью 60 лет прошли под знаком молчания. Это не вызывает удивления, если брать во внимание ту негативную трактовку судьбы угнанных на принудительные работы, которая имела место в Советском Союзе и сохраняется отчасти еще и в постсоветской России.

Всю свою жизнь эти люди подозревались в измене Родине и жили с этим клеймом. Вследствие этого многие умалчивали о своем прошлом⁴. Историк Павел Полян характеризует это молчание следующим образом: «в соответствии со здоровым рефлексом жизни при нездоровой советской власти...»⁵. Ведь опыт принудительных работников не соответствовал советскому мифу о победе⁶, который вновь актуален в России под управлением Владимира Путина⁷.

Последствия отчетливо просматриваются в интервью, в которых нередко, хотя и с большим запозданием, респонденты выражают желание быть признанными пострадавшими и быть реабилитированными; этот разговор воспринимается как возможность объясниться и способ компенсации моральных издержек⁸.

Средний возраст респондентов на момент записи интервью составлял 79,9 лет. Эта специфика свидетельствует также и о том, какую роль в рассказе о жизненных перипетиях играют возраст рассказчика и время рассказа. Кроме того встает вопрос о том, какое место и значение в рассказанной

⁴ См. о принудительном труде в нацистской Германии и о 4,7 миллионах остарбайтеров из СССР: *Herbert U. Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland: Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge.* – München 2001; *Heusler A. [u.a.] (Hrsg.). Rüstung, Kriegswirtschaft und Zwangsarbeit im «Dritten Reich».* – München, 2010; *Jacobmeyer W. Vom Zwangsarbeiter zum heimatlosen Ausländer.* – Göttingen, 1985; *Полян П. М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на Родине.* – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: РОССПЭН, 2002; *Reininghaus W., Norbert R. (Hrsg.). Zwangsarbeit in Deutschland 1939–1945. Archiv- und Sammlungsgut, Topographie und Erschließungsstrategien.* – Bielefeld, 2001; *Ruggenthaler P., Walter M. Iber (Hrsg.). Hitlers Sklaven – Stalins «Verräter».* – Innsbruck, 2010; *Spoerer M. Zwangsarbeit unter dem Hakenkreuz. Ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und Häftlinge im Deutschen Reich und im besetzten Europa 1939–1945.* – Stuttgart; München, 2001.

⁵ *Полян П. Оккупация глазами детей // Оккупированное детство. Воспоминания тех, кто в годы войны еще не умел писать / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян.* – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 5.

⁶ *Bonwetsch B. «Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen».* Die Erinnerung an den «Großen Vaterländischen Krieg» in der Sowjetunion // *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert* // Hrsg. von H. Berding [u.a.]. – Göttingen, 2000. – S. 145–170; *Hoffmann M. Der Zweite Weltkrieg in der offiziellen sowjetischen Erinnerungskultur // Ibid.* – S. 129–144.

⁷ *Steinert J.-D. Deportation und Zwangsarbeit. Polnische und Sowjetische Kinder im nationalsozialistischen Deutschland und im besetzten Osteuropa 1939–1945.* – Essen, 2013. – S. 270.

⁸ В качестве примера см. интервью с Сергеем Богдановым (04.08.2014, интервью ZA 331, кассета 4; 21.10 мин.): www.zwangsarbeit-archiv.de

автобиографии имеет опыт принудительного труда, когда он наряду с другими событиями, с высоты прожитых лет, становится одним из жизненных эпизодов.

Исходя из того, что жизненный нарратив принимает форму смысловой конструкции⁹, опыт принудительного труда в связи с этим имеет определенное значение. Во второй части статьи на конкретном примере будет показано, как складывается такая смысловая конструкция. Вместе с тем, роль настоящего также будет учитываться.

Хотелось бы с самого начала подчеркнуть, что документальная точность не является решающим критерием этого анализа. Также невозможным представляется в рамках одного интервью четко разделить реально произошедшее и его толкование во временном аспекте; возможно выявить лишь осовремененное индивидуальное осознание данного опыта на время записи интервью¹⁰.

2. Настоящее время

Историк Александр фон Плато считает, что интервью становится источником, свидетельствующим о своей эпохе, сразу после своего возникновения. Независимо на содержание интервью, оно дает разъяснения определенному временному периоду¹¹.

Современность налагает отпечаток на интервью. Философ Дэвид Кар заметил, что автобиографическая рефлексия – это не взгляд в прошлое из настоящего, она рассматривает прошлое, связывая его с настоящим и будущим¹². Что означает конкретно обращение к настоящему? Как это можно методологически понять? Социолог Габриэле Розенталь предлагает изучить момент записи интервью по трем показателям: во-первых, по настоящей жизненной ситуации респондента; во-вторых, по современным действующим дискурсам и, в-третьих, по особенности интеракции в интервью¹³. Именно эта схема была принята за основу при работе с интервью из вышеназванного архива:

1. Настоящая жизненная ситуация характеризуется преклонным возрастом респондентов на момент записи разговора. Биографические исследования доказывают, что старость и приближающаяся смерть становятся побудительным

⁹Подробнее о смысловых конструкциях см.: *Jureit U. Erinnerungsmuster. Zur Methodik lebensgeschichtlicher Interviews mit Überlebenden der Konzentrations- und Vernichtungslager.* – Hamburg, 1999. – S. 376.

¹⁰ *Jureit U. Authentische und konstruierte Erinnerung – Methodische Überlegungen zu biographischen Sinnkonstruktionen // Werkstatt Geschichte 18 (1997).* – S. 91–101, 97.

¹¹ *Plato A. von. Zeitzeugen und die historische Zunft. Erinnerung, kommunikative Tradierung und kollektives Gedächtnis in der qualitativen Geschichtswissenschaft - ein Problemaufriss // BIOS 13 (2000).* – S. 5–29, 16.

¹² *Carr D. Time, Narrative, and History.* – Bloomington, 1986. – S. 75.

¹³См.: *Rosenthal G. Die erlebte und erzählte Lebensgeschichte. Zur Wechselwirkung zwischen Erleben, Erinnern und Erzählen // Subjekt - Identität – Person? Reflexionen zur Biographieforschung / Hrsg. von B. Griese.* – Wiesbaden, 2010. – S. 197–219.

мотивом к тому, чтобы обратить взор на прожитую жизнь¹⁴. В старости вспоминать уже не «опасно», не «страшно», ведь жизнь уже прожита. Эта особенность характеризует исследуемую группу. В свое время клеймо угнанного на принудительные работы в определенных жизненных ситуациях являлось серьезным недостатком, например, при поступлении на учебу или в поисках работы, да и в личной жизни зачастую мешало создать семью.

В старости эти недостатки утратили свою сущность. В основном все респонденты были пенсионерами. Их прошлое больше не представляло опасности, и можно было прервать молчание. Для тех респондентов, у которых были дети и внуки, в преклонном возрасте произошли существенные перемены. Если в советское время они не рассказывали о своем прошлом детям, дабы избавить их от возможных осложнений в социальном и профессиональном плане, то с внуками такие предосторожности уже были необязательными.

2. В качестве современных социальных дискурсов в данном контексте можно привести дискурс о месте и роли памяти в советской истории, темы сталинизма и Второй мировой войны. Безусловно, распад Советского Союза явился переломным моментом в этом отношении. Это событие положило конец реальным и ожидаемым санкциям в отношении бывших оstarбайтеров. Во время перестройки и в 1990-е начала складываться новая культура памяти. Произошел прорыв к «подавленной памяти» угнетенных групп, наступающий «бум памяти», который в период правления Путина иссяк. Можно утверждать, что в современной России отсутствует общественная память о судьбах работников принудительного труда¹⁵.

3. В каждом конкретном интервью интеракция разная и определяется личностью ведущего интервью и общей ситуацией в момент записи. Анализ этих компонентов как часть критического обзора источника еще будет проведен¹⁶. Один показатель распространяется на все интервью: сам проект их записи – это немецкая инициатива в рамках процесса выплаты компенсаций. На некоторых примерах видно, что участники интервью вполне осознают это и стараются в своем рассказе максимально позитивно предстать в глазах германской общественности или же избегают негативных выражений в адрес немцев.

¹⁴ См. об этом: *Opitz H. Biographie-Arbeit im Alter.* – Würzburg, 1998. – S. 52.

¹⁵ См.: *Scherbakowa I. Mündliche Zeugnisse zur Zwangsarbeit aus Russland // Hitlers Sklaven: lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich.* – S. 241–254.

¹⁶ О методологических проблемах в работе с онлайн-архивами см.: *Rebstock G. Emotionen und Diskurse – Überlegungen zu den Erinnerungen ehemaliger NS-Zwangsarbeiter_innen aus der Sowjetunion // Geschlecht und Erinnerung im digitalen Zeitalter. Neue Perspektiven auf ZeitzeugInnen-Archive / Hrsg. von A. Bothe und I. Ch. Brüning.* – Berlin, 2014 (в печати).

3. История жизни как смысловая конструкция: пример Льва Нетто

Автобиографические рассказы всегда являются повествовательными конструкциями, так как определенные критерии обуславливают удачно получившееся изложение. Чтобы воспоминания стали таким удавшимся рассказом, необходимо применить эти критерии к истории жизни, например, создание главного действия. Оно определяет, какие воспоминания войдут в историю, а какие будут опущены¹⁷. Работы нарративной психологии подчеркивают глубоко личное значение автобиографии для индивидуума. Так, проработанные воспоминания служат преодолению психологических травм и адаптируются к текущим потребностям. Они могут создать положительное чувство идентичности, обеспечить связь и придать смысл жизни¹⁸. Как пример такого построения смысла, мы рассмотрим интервью с Львом Нетто¹⁹. Он придает своей жизненной истории определенный, а именно позитивный смысл, описывая себя в качестве человека, противостоявшего политическому режиму, конструируя свое призвание как свидетеля истории.

Лев Нетто родился в 1925 в Москве в эстонской семье. Его отец был революционером первого призыва, а мать работала в Народном комиссариате иностранных дел. Младший брат Игорь, известный футболист, будучи капитаном сборной СССР, получил золотую медаль на Олимпийских играх в Мельбурне в 1956. Таким образом, семью Нетто можно охарактеризовать как лояльную к советской системе и интегрированную в советское общество. Также и Лев был до войны убежден в правоте власти. В 1941 он начал работать на фабрике токарем и вступил в 1942 в комсомол. После призыва в армию его отправили в феврале 1944 в Эстонию для поддержки местного партизанского движения. Сразу же после высадки Лев попал в немецкий плен. Его критическое отношение к советской системе возникло после того, как он обнаружил массовые захоронения красноармейцев. До своего освобождения американскими войсками в апреле 1945 Лев находился в нескольких лагерях для военнопленных. Несмотря на предложения эмигрировать на Запад, Лев Нетто решил вернуться на родину. Первая встреча с солдатами Красной армии очень разочаровала его: «Мы-то, когда их увидели, поднимались и кричали: „Ура!“, приветствовали, а в ответ увидели их злые лица, услышали их реплики, и нам стало понятно: да, мы возвращаемся, наверное, напрасно, нас ждет не радостное будущее, а что-то другое». После месяца

¹⁷ Welzer H. Das Interview als Artefakt. Zur Kritik der Zeitzeugenforschung // BIOS 13 (2000). – S. 51–63, 55.

¹⁸ Lucius-Hoene G., Deppermann A. Rekonstruktion narrativer Identität. Ein Arbeitsbuch zur Analyse narrativer Interviews. – Opladen, 2002. – S. 30.

¹⁹ Интервью ZA 309 от 04.08.2014 в онлайн-архиве (www.zwangsarbeit-archiv.de). Далее все цитаты из интервью приводятся без отсылок.

в фильтрационном лагере Нетто вновь был призван в армию и служил до 1948, когда был арестован НКВД и осужден на 25 лет лагерного заключения и 5 лет ссылки по обвинению в предательстве своих товарищей в военном плену. Под пытками его заставили в этом признаться, хотя обвинения были беспочвенны. В результате он пришел к следующему выводу: «Не существует той советской власти, о которой мы считали, что она у нас есть, в основе основ лежит всего. И прежде всего все делается ради человека». Это послужило мотивом для начала его политической деятельности. С 1949 по 1956 он находился на каторжных работах в Норильском специальном лагере № 2. Там он вступил в подпольное движение «Демократическая партия России». Лев объясняет это так: «Надо вступать в подпольную политическую организацию, которая ставит перед собой цель – освобождение нашего Отечества от большевистской тоталитарной системы». Это также помогло ему выживать в Гулаге: «Тот, кто вместе был, помогал друг другу морально и физически, тот мог пережить этот период».

Лев Нетто принимал активное участие в восстании в Норильлаге в 1953. В 1956 он был помилован и смог вернуться к своей семье в Москву, которую увидел впервые с 1943. О своем лагерном опыте Лев мог говорить только с матерью, отец и брат никогда не обсуждали с ним годы, проведенные в заключении. После возвращения домой последовали обучение в вузе, брак, рождение детей и реабилитация. Свою профессиональную деятельность он продолжил на факультете машиностроения МВТУ и в Министерстве судостроения. Он говорит, что все время после освобождения из лагеря вел активную подпольную деятельность, а в 1963 вступил в Коммунистическую партию, чтобы улучшить систему изнутри. Оглядываясь назад, можно сказать, что участие в деятельности подпольной организации придало его жизни смысл:

Даже... Уже... да... даже, когда я уже вступил еще в 1949 году... э... вот, в партию, давал клятву соответствующую, которая была предусмотрена... э... ритуалом [...] вот... э-э... То я уже сразу... почувствовал себя другим человеком. [...] Уже не одиночкой. Уже была... у меня друзья, и не просто друзья, скажем, там вместе чай там пили, или там что-то ра... работали... ну... ну... ну... здесь... за станком. А... которые вместе думали, вместе к чему-то стремились. [...] появилась цель. То есть... появилась цель, появился... смысл жизни.

И это продолжается по сей день: «Значит, клятва – это клятва, понятно. Она и по сей день действует».

В 1997 он стал членом «Мемориала», позже – председателем Ассоциации бывших узников Норильска. С 1990 Лев Нетто выступает с воспоминаниями

в школах и в средствах массовой информации. В 2013 году он написал обширную автобиографию²⁰.

Лев сравнивает свое пребывание в немецком плену и тюремное заключение в Гулаге следующим образом:

Конечно, тяжелее было у себя на Родине. Быть рабом у себя на Родине. Потому что в Германии я... э... был... я шел туда на смерть, я шел убивать противника, который напал на нашу страну, и я не был настроен на то, чтобы... э... какую-то иметь милость и как... к себе какое-то снисхождение. И поэтому то, что... то, что было, то было уже, но этого не было. А у себя на Родине... было очень тяжело чувствовать себя... ну... как на... изгоем, или... как угодно это называйте, понимаете? Неполноценность своими, и так далее, и так далее.

Из сказанного выше вытекает, что несправедливость и жестокость немецкого плена не шла ни в какое сравнение с заключением в Гулаге. Решающую роль для такого вывода сыграли несбывшиеся ожидания Нетто. Сильное разочарование в советской системе наложило отпечаток на его последующую жизнь. Плен и принудительный труд на немцев полностью ушли на задний план. Тем не менее г-н Нетто придает своей жизни смысл через этот двойной опыт несправедливости, который он пережил: «Я... поэтому... то, что я... м-м... вернулся сюда... в Россию... оказался в Норильске... я это бла... за это благодарю судьбу». «И благодарен еще в том смысле, что я стал... другим человеком». «Я стал смотреть на жизнь... с открытыми глазами... с поднятой головой... и с незамкнутыми устами». Из последней цитаты становится ясно, как Лев Нетто конструирует из истории своей жизни положительное чувство идентичности.

4. Заключение

Ни биография Льва Нетто, ни его позитивный автопортрет не являются показательными для корпуса интервью, собранных в России. Его интервью является самым длинным и структурированным, и несложно распознать, что Лев Нетто уже неоднократно рассказывал свою историю жизни.

Кроме того, такая конструкция жизненного смысла является исключением в общем спектре автобиографических повествований в архиве. Противоположным примером может служить такая смысловая конструкция, при которой респондент всю жизнь сохраняет статус жертвы и вместе с этим неосозанный, частично депрессивный настрой смирившегося со своим положением человека. В таких случаях опыт принудительного труда может быть воспринят как

²⁰ Опул.: Нетто Л.А. Клятва. – М.: Онтонпринт, 2013; переизд.: М.: РОССПЭН, 2014.

одна из многочисленных бед и общая несправедливость. Или же как объяснение всех последующих бед и недугов – в этом направлении диапазон неограничен. Сюда можно включить всех тех, чьи страдания были настолько сильны, что они не дожили до преклонного возраста, или тех, кто был не в состоянии дать интервью.

При описании этих крайних позиций особый интерес для анализа представляют случаи, находящиеся между обозначенными полюсами. Они показывают, насколько различными могут быть построения смысла и как важно учитывать это. Так, помимо систематических различий, таких как пол или возраст, именно индивидуальные различия имеют решающее значение.

Интервью со Львом Нетто также показывает, какое влияние оказывает настоящая оценка современной истории на память. Примечательно, что Лев Нетто особенно привлекает к себе внимание, поскольку его брат – звезда советского футбола – олицетворяет ностальгическую память недавнего советского прошлого. И наконец, следует отметить, что позитивное чувство идентичности Льва Нетто в полном объеме стало возможным лишь благодаря перестройке и распаду Советского Союза. Вследствие этих процессов критический взгляд Льва Нетто на советскую систему мог быть принят обществом. Лишь события недавнего прошлого доказали его правоту и придали его жизни положительный смысл.

Константин Семенов

Повседневная жизнь военной эмиграции

в дневнике Алексея Александровича
фон Лампе (1920–1943)

Константин Константинович СЕМЕНОВ

*старший научный сотрудник отдела
истории Российского зарубежья ГБУК
г. Москвы «Дом русского зарубежья
им. А. Солженицына»*

Войны и годы эмиграции сделали обычного российского офицера А.А. фон Лампе свидетелем важных европейских событий первой половины XX века, хотя и в годы Гражданской войны и в первые годы эмиграции он был фигурой далеко не первого плана. Лишь накануне Второй мировой войны произошло выдвижение фон Лампе на главные роли в среде русской эмиграции.

Начиная с 1914, А.А. фон Лампе вел дневник, в который записывал свои впечатления о происходящих событиях. Дневники за 1914–1918 и 1943–1945 гг. впоследствии были утрачены. Дневниковые записи за 1919–1943 гг. сохранились и доступны для исследователей в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Послевоенные документы, материалы и переписка А.А. фон Лампе хранятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и в Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете (США).

Материалы А.А. фон Лампе в ГА РФ собраны в его личном фонде, имеющем

учетный номер 5853. В фонде отложилось 108 единиц хранения, из них дневники – 70 ед. хранения. Дневниковые записи охватывают период с 1 июля 1919 по 31 января 1943 и являются ценнейшим источником, отражающим не только значимые процессы в жизни Российского зарубежья, но и основные политические и военные события в Европе того времени. Не менее важен дневник и для изучения повседневной жизни российской военной эмиграции в Европе. Обратимся же к нему.

Генерал-майор (с 15 декабря 1923, ранее полковник) фон Лампе играл скромную роль в окружении генерала П.Н. Врангеля. На протяжении 1920–1923 он последовательно выполнял функции Военного представителя Врангеля в Дании, Германии и Венгрии. Главной заботой фон Лампе в это время было обустройство чинов Русской армии в этих странах. Однако встречи с представителями правительств этих стран не дали ожидаемого результата; так после визита к регенту Венгрии адмиралу Хорти фон Лампе записал: «Вообще, несмотря на любезный прием, я должен сказать, что о нас он думает мало и как силу нас не учитывает <...>. Говорил, что глубоко сочувствует нашему положению, но это слова, ему нужна сила, а в нас, плененных французами, он, по-видимому, ее не видит»¹.

В начале 1924 генералом Врангелем была начата работа по преобразованию частей Русской армии в офицерские союзы и общества. На этом этапе было важно сохранить спайку офицерского состава частей, потому в каждом из образуемых обществ проводились собрания разной периодичности, на которых обсуждалось текущее международное положение, перспективы продолжения борьбы с большевиками, вопросы трудоустройства и т. п. Иногда проводились совместные собрания нескольких офицерских союзов или обществ, расположенных в одном городе или провинции, тогда они приурочивались к важным памятным датам или церковным праздникам. В последнем случае организовывались так называемые «чашки чая» либо небольшие банкеты-ужины.

1 сентября 1924 приказом генерала Врангеля был образован Русский Обще-Воинский Союз (РОВС): этим актом преобразование армии в воинские союзы было завершено. А.А. фон Лампе был назначен главой II (германского) отдела РОВС со штаб-квартирой в Берлине. Дневники содержат подробную информацию о многих из проходивших в среде военной эмиграции мероприятиях. Так, имеется подробный отчет о посещении Берлина генералом Врангелем, о данных по этому случаю приемах и состоявшихся встречах².

Среди многочисленных повседневных проблем военной эмиграции наиболее остро стояли вопросы выживания на чужбине. Проживание в Германии имело свою специфику, и многие не выдерживали. В своем дневнике фон Лампе так описал эту ситуацию: «Из Германии офицерство бежит стихийно, [причины] – и политическое положение, и отсутствие заработка, в то время как

¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 5. Л. 118–119.

² См.: Там же. Д. 18. Л. 93–94.

во Франции можно не только заработать физическим трудом прожиточный минимум, но и приодеться. И политическое бесправие русских в Германии, и все права во Франции – все это гонит привычное к передвижениям офицерство на новое место! С января [1928], начав с 14 в месяц, уехало до 700 человек! При таком темпе в Германии остается только моя миссия...»³.

Отсутствие крупных русских артелей на заводах и масштабных строительных проектов в провинциях ослабленной войной Германии делало трудоустройство офицерства практически невозможным. Офицерам остзейского происхождения было немного легче из-за знания немецкого языка, но устроившихся было немного. Так, 6 ноября 1924 фон Лампе записал в дневнике: «Нужда вылезает буквально со всех сторон – совершенно не знаешь, что делать и как помогать... нуждаются такие люди, которые всегда умели достать себе пропитание...»⁴.

К осени 1925 года интенсивность офицерских собраний и других мероприятий стала заметно снижаться, что нашло отражение и в дневнике: «Умирает общественная жизнь в Берлине, по крайней мере, в правой части колонии...»⁵.

Большинство офицеров-эмигрантов продолжали перебиваться случайными заработками. А.А. фон Лампе получал небольшие суммы от руководства РОВС на содержание отдела, но все равно не мог позволить себе приобрести автомобиль или пользоваться услугами таксистов, хотя в рядах последних было много бывших офицеров, которые охотно бы возили его за полцены или в долг. Чтобы покончить с транспортной проблемой, генерал приобрел себе... велосипед.

В 1927 становление и организационное оформление союзов было закончено, что и нашло отражение в одном из писем генерала фон Лампе: «Необходимо прийти к выводу, что в Центральной Европе почти все офицерство стабилизировалось в союзах, и все, что осталось вне их, либо политиканствует (кириллисты, республиканцы, социалисты, сменовеховцы), либо настолько опустилось, что перестало быть похожим на офицера! Исключения в этом вопросе были наблюдаемы довольно редко! Все это касается главным образом именно Германии, так как в остальных странах II отдела число офицеров сравнительно мало, состав офицерства почти не меняется и поэтому вопроса о новых приемах почти не существует»⁶.

В апреле 1928 советскими спецслужбами был отравлен генерал Врангель. Узнав о смерти Главнокомандующего, генерал записал в своем дневнике: «25 апреля перевернулась страница Белой борьбы – скончался генерал Врангель»⁷. Долгое время фон Лампе переживал боль этой утраты в себе, позднее он даже написал: «Большой период в Белом движении отошел, и возни-

³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

⁴ Там же. Д. 18. Л. 50.

⁵ Там же. Д. 21. Л. 95.

⁶ Там же. Д. 20. Л. 254.

⁷ Там же. Д. 34. Л. 4.

кает вопрос – не кончилось ли оно!»⁸. Несмотря на столь безрадостные думы начальника II отдела, жизнь офицерских союзов в Германии продолжалась. Рапортуя новому начальнику РОВС генералу А.П. Кутепову, фон Лампе докладывал: «Существующий скелет воинских организаций, несомненно, приносит русскому офицерству огромную пользу, в мере возможной сплачивая его и не только оказывая ему посильную помощь материально и в столкновениях с местной властью, но и не давая ему разлагаться, к чему, как известно, общее настроение русского беженства имеет склонность»⁹.

Как уже отмечалось, проблема трудоустройства стояла перед офицерами-эмигрантами наиболее остро. Каждый решал ее как мог. Существенные финансовые затруднения заставили фон Лампе сниматься в качестве статиста в немецком кинематографе, позже его стали приглашать консультантом по русскому вопросу в военных лентах. Узнав о работе фон Лампе в кинематографе, новый начальник РОВС генерал Е.К. Миллер издал распоряжение по союзу № 166, запрещающее солдатам и офицерам сниматься в фильмах, если эти фильмы неверно отражают события российской истории. Распоряжение вызвало полемику между фон Лампе и Миллером, но последний остался непреклонен и запрета не отменил. Летом 1930 фон Лампе улыбнулась удача – он устроился на новую работу. Позже в письме к А.П. Архангельскому он так описал условия своего труда: «Работаю на новой службе с 8 утра до ... вечера. Час окончания не определен. Но я доволен и этим, так как это дает мне пока что прожиточный минимум и надежды <...>, если, конечно, дело не лопнет, ибо оно только началось. Вообще, конечно, довольным быть трудно, так как весь день приходится проводить в среде мало подходящей, но что поделать, эта участь всех нас, и в этом отношении судьба меня много лет баловала»¹⁰.

Существенные изменения в жизни офицерства в Германии произошли после назначения 30 января 1933 Гитлера на должность рейхсканцлера. Для эмигрантов с либерально-демократическими взглядами находиться далее в Германии стало опасно. Р.Б. Гуль (кстати, прибывший в Германию в качестве военного беженца) писал: «3 января 1919 года Господь Бог унес меня от ленинского тоталитаризма в свободную Германию. А 3 сентября 1933 года – от гитлеровского – в свободную Францию»¹¹. При этом Гуль уехал из Германии уже после отбытия срока заключения в концентрационном лагере Ораниенбург. Были арестованы и другие, более лояльные нацистскому режиму русские офицеры, например, полковник А.К. Энгельгард¹².

Триумф нацистов добавил головной боли генералу фон Лампе: уже и ранее среди русского офицерства были популярны идеи национал-социализма

⁸ Там же. Д. 34. Л. 22.

⁹ Там же. Д. 34. Л. 66.

¹⁰ Там же. Д. 81. Л. 104.

¹¹ Гуль Р. Я унес Россию: В 3 т. – Т. 1: Россия в Германии. – Н. У., 1981. – С. 364.

¹² См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 51а. Л. 88.

и фашизма, а теперь даже здравомыслящие офицеры и генералы стали высказываться в пользу этих движений. Некоторые русские офицеры (особенно немецкого происхождения) стали вступать в НСДАП и различные национал-социалистические организации. Фон Лампе давал этим людям самую нелестную оценку: «В среде национал-социалистов немало русских и на 90 % – это наши отбросы»¹³. Стремясь ограничить уход офицерства к нацистам, фон Лампе издал несколько циркуляров, запрещающих чинам отдела вступать в политические организации.

Нацисты, разобравшись с внутригерманской оппозицией, приняли вскоре за эмигрантов. Для большего контроля русской эмиграции, в июле 1936 было создано Управление по делам русской эмиграции в Германии (УДРЭ). Дважды в месяц фон Лампе был обязан отправлять отчеты в канцелярию УДРЭ. В отчетах освещались все стороны жизни офицерства в Германии.

Наряду с репрессиями и закручиванием гаек в середине 1930-х эмигранты стали отмечать улучшение экономической ситуации в Германии и отношения к беженцам: «Все русские, проживающие в Германии, чувствуют твердую почву под ногами. В случае отсутствия работы немедленно попадают в регистрацию безработных и получают пособие и помощь натурой (вещами и продуктами)»¹⁴.

Нацисты продолжали проводить унификацию жизни военной эмиграции, и 22 октября 1938 по их требованию II отдел РОВС был преобразован в Объединение русских воинских союзов (ОРВС) с генералом фон Лампе во главе¹⁵. Все воинские эмигрантские организации (в том числе и ранее не входившие в РОВС) были поставлены перед выбором – войти в ОРВС или самораспуститься. В уставе ОРВС были закреплены основные цели: «...объединение не является политической организацией и не преследует политических целей. Задачами объединения являются: а) поддержание воинской дисциплины и товарищества среди русских военных; б) укрепление научных знаний среди своих членов; в) организация лекций и докладов; г) устройство концертов, спектаклей, балов и т. д.»¹⁶.

Несмотря на все усилия нацистов, эмиграция (и ее военное крыло тоже) не превращались в монолитную массу – процветала фракционная борьба, множились доносы и сплетни. Это прослеживается по всему дневнику. Нередко фон Лампе сопровождал новости или сплетни язвительными комментариями. Так, 16 мая 1938 он сообщал в Париж: «Сейчас мы живем в период появления в Берлине генерала Туркула и журналиста Солоневича, которые, по-видимому, нашли друг друга и оба вместе нашли свою отраду в Мельском. Хороша

¹³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 51а. Л. 35.

¹⁴ *Очевидец*. Из жизни русских в Германии // Часовой (Брюссель). – 1936. – № 178, 15 ноября. – С. 19.

¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 65. Л. 96.

¹⁶ Там же. Д. 68. Л. 19.

компания»¹⁷. В данном случае недовольство генерала было вызвано тем, что указанные лица заигрывали с нацистами, в надежде получить у них поддержку и выйти на первые роли среди эмигрантов.

Руководство РОВС неоднократно подчеркивало необходимость переподготовки офицеров в соответствии с современным опытом ведения боевых действий. Для этой цели были образованы многочисленные «повторительные», или подготовительные курсы и школы, работавшие в режиме заочного или вечернего обучения. В Германии такие курсы были организованы 9 апреля 1939 приказом генерала фон Лампе. На вечерние лекции собиралось, как правило, до 25 человек¹⁸. Учебная программа была рассчитана на 12 месяцев, но продлилась 13,5 месяцев. Было сделано 70 докладов. На курсы записалось 23 члена ОРВС, а окончили лишь 13¹⁹.

Накануне Второй мировой войны белая эмиграция была неприятно поражена заключенным 23 августа 1939 Договором о ненападении между Германией и Советским Союзом. В один миг антикоммунистическая Германия превратилась в союзника СССР. Таких потрясений русская эмиграция давно не испытывала. В связи с этим уже после начала войны генерал фон Лампе издал приказ по ОРВС, в котором подчеркивалось, что Германия оказала гостеприимство российским эмигрантам в сложный период борьбы с большевизмом. Поэтому «долг признательности» требовал от русских эмигрантов быть исключительно лояльными к германским властям и оказывать им помощь, оставаясь в то же время «верными нашим основным принципам»²⁰.

Из-за массового призыва на службу военнообязанных немецкие фабрики и заводы стали пустеть. Эту проблему руководство Германии надеялось решить с помощью привлечения в Германию иностранных рабочих, как из оккупированных, так и из неоккупированных стран. Среди прибывающих в Германию иностранцев были и эмигранты-офицеры – чины РОВСа. Многие из них не хотели терять связь с командованием РОВС и обращались с соответствующими запросами в ОРВС. В ответ на многочисленные обращения генерал фон Лампе издал распоряжение № 551 от 5 ноября 1940, в котором требовал от желающих немедленной регистрации в штабе ОРВС и заполнения трех анкет с фотокарточками: одной на русском – для ОРВС, двух на немецком – для УДРЭ²¹. Поскольку отделы ОРВС имелись лишь в некоторых крупных городах, фон Лампе распорядился организовывать представительства ОРВС в промышленных центрах, где находились русские офицеры-эмигранты, прибывшие в Германию.

¹⁷ Там же. Д. 64. Л. 175.

¹⁸ Там же. Д. 68. Л. 36, 32.

¹⁹ Там же. Д. 68. Л. 176.

²⁰ См.: Там же. Д. 4. Л. 114.

²¹ См.: Там же. Д. 68. Л. 198.

Накануне Советско-германской войны многие офицеры примкнули к лагерю «пораженцев», готовых принять участие в войне против СССР. Генерал фон Лампе еще 21 мая 1941 направил главнокомандующему германской сухопутной армией генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу письмо, в котором выражал уверенность в неизбежности боевого столкновения между Германией и Советским Союзом и заявлял о готовности российской военной эмиграции участвовать в борьбе против коммунистов: «Мы твердо верим, что в этом военном столкновении доблестная германская армия будет бороться не с Россией, а с овладевшей ею и губящей ее коммунистической властью Совета народных комиссаров, мы верим в то, что в результате этой борьбы придет мир и благополучие не только для Германии, но и для Национальной России, верными которой остались мы, политические русские изгнанники, за все двадцать лет нашего пребывания вне Родины. Мы верим также, что в результате борьбы, которую ведет Германия, родится союз между Германией и Национальной Россией, который и обеспечит мир в Европе и процветание Вашего и нашего Отечества»²².

17 августа 1941 генерал фон Лампе получил ответ от генерал-фельдмаршала фон Браухича, в котором говорилось, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии»²³. Таким образом, услуги офицеров в деле освобождения России от большевиков оказались не востребованными на этом этапе войны.

После начала войны формат дневниковых записей А.А. фон Лампе существенно изменился. Повседневности уделяется все меньше времени. Автора все больше мучат политические вопросы. Записей как таковых становится немного, а основной объем папок занимает входящая и исходящая корреспонденция. Доступный нам вариант дневника обрывается 1 февраля 1943, некоторое количество писем и рапортов фон Лампе отложилось в других фондах ГА РФ, но они практически не отражают повседневной жизни российского офицерства в Германии.

Резюмируя это сообщение, хочется еще раз выделить наиболее злободневные вопросы в жизни офицеров-эмигрантов в Германии. Для среднестатистического офицера наиважнейшими были вопросы: обустройства в новой стране проживания, трудоустройства, ощущения принадлежности к офицерству, выживания при нацистском режиме. Наряду с этим значительное место в жизни офицерства занимали фракционные интриги и практически общее для всех желание – продолжить борьбу с большевизмом.

²² ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.

²³ Там же. Д. 69. Л. 244.

Сергей Фокин

Жизнь как роман. Борис Соколов (1889–1979)

Сергей Иванович ФОКИН

*Университет г. Пиза, Италия,
Санкт-Петербургский
государственный университет*

Борис Федорович Соколов – выпускник Зоотомического кабинета Императорского Санкт-Петербургского университета (ИСПБУ), протозоолог (специалист по одноклеточным организмам), врач, исследователь клеточных механизмов раковых заболеваний, биологических свойств антибиотиков и витаминов, публицист и писатель. Он прожил долгую жизнь, две трети которой прошли вне России. Его жизненная история, особенно в ее первой, российской трети, по разнообразию и хитросплетению событий действительно похожа на сюжет романа. Она и была описана самим Соколовым, правда, в форме рассказов, которые вошли в две его автобиографических книги¹.

¹ Книга «The White Nights» (New York: Devin Adair, 1956), изданная затем также в Англии (1959), включает 14 рассказов и обширные предисловие и послесловие автора. Реальность большинства персонажей этой книги не вызывает сомнений. Книгу «На берегах Невы» (Бристоль: Бартон манор – Ст. Филипс, 1973) можно рассматривать как расширенное и отчасти переработанное издание «The White Nights». Она состоит из 25 рассказов, справки об авторе и двух коротких предисловий – автора и переводчика. Большинство из рассказов в русском издании повторяет английское, касаясь исключительно российской части

Как нередко бывает в биографической литературе, немногочисленные справки, посвященные Б.Ф. Соколову – ученому-эмигранту и общественному деятелю, были составлены, по-видимому, во многом на основе его, по сути, автобиографической беллетристики и содержат ряд ошибок, а также сомнительных утверждений, которые, по мере возможности, я хотел бы исправить (или на которые хотел бы указать) в этой статье.

Жизненная история Бориса Федоровича Соколова, уроженца Санкт-Петербурга, зоолога по первой специальности, в известной степени отличается от судеб многих его коллег-биологов старшего или младшего поколений. С одной стороны, когда случился большевистский переворот 1917 года, он был еще начинающим ученым, успевшим, по некоторым данным, только сдать магистерские экзамены². Уехав из России в 1920, он не мог наверняка рассчитывать найти на Западе место для продолжения своей научной карьеры. С другой стороны, опять-таки в отличие от большинства своих коллег, он в годы революции был серьезно вовлечен в политические процессы, происходившие в России, и к концу 1917 стал уже довольно известным членом партии социал-революционеров (ПСР)³. Поэтому его практически не знают отечественные историки науки, но нередко цитируют историки русской революции и гражданской войны на Севере России⁴. Тем не менее, даже в наиболее полной отечественной биографической справке о нем историка и журналиста М.В. Соколова⁵ содержится ряд досадных неточностей, о которых речь пойдет ниже. Местами грешат против истины и несколько кратких биографий Б.Ф. Соколова, опубликованных

жизни автора (до конца 1920). Описание Соколовым некоторых известных событий и ситуаций, тем не менее, в обоих изданиях в деталях существенно расходятся с фактологией и трактовкой этих событий, известных из других литературных источников. Первые рассказы, где также превалирует биографический материал, были изданы Соколовым еще в 1920: «На повороте: Рассказы и очерки из советской жизни» (Париж: Я. Поволоцкий и К.).

² В дореволюционной России было две научных степени – магистр и доктор.

³ Если считать полностью достоверными (в чем есть некоторые сомнения) факты, приведенные Соколовым в рассказе «Мой арест и тюрьма» («На берегах Невы»), он состоял в ПСР уже в последнем классе гимназии. Впоследствии от ПСР был членом Всероссийского Учредительного Собрания и председателем его военной комиссии. В предисловии к книге «The White Nights» (Р. 8) Соколов, однако, пишет, что он не был политиком в прямом смысле этого слова и «все произошло помимо его воли».

⁴ Среди обширного научного и литературного наследия Б.Ф. Соколова (свыше 30 книг и более 100 статей) имеются автобиографические публикации: «Падение Северной области» (Архив русской революции. – Т. 9. – Берлин, 1923. – С. 5–90); «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» (Там же. – Т. 13. – Берлин, 1924. – С. 5–70), а также публицистические работы: «Большевики о большевиках. Советские документы и материалы» (Париж: Франко-славянское изд., 1919); «Спасите детей! (О детях Советской России)» (Прага: Воля России, 1921); «Наука в Советской России» (Берлин: Русское универсальное издательство, 1921). Некоторые его работы были опубликованы под псевдонимом Борис Чужой. Две публикации Соколова упомянуты в обширном библиографическом своде: *Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War: 1917–1921. An Annotated Bibliography.* – London-N.Y.: Continuum, 2003. – P. 292.

⁵ *Соколов М.В. Соблазн активизма: русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР.* – М.: Азбуквник, 2011. – С. 466–468.

в энциклопедических словарях и на разных интернет-сайтах⁶; впрочем, некоторые из них почти дословно списаны со справки об авторе из книги самого Соколова «На берегах Невы». Большинство из ошибок и ложных утверждений в этих публикациях связаны именно с российской частью жизни протагониста.

Почти во всех биографических справках, очевидно, вслед за информацией, приведенной в начале упомянутой выше книги Б.Ф. Соколова, произошло «омоложение» героя на четыре года: в качестве года его рождения указан 1893, хотя только в одном месте повествования эта дата косвенно подтверждается самим автором⁷. Более того, эта дата противоречит документам студенческого дела Б.Ф. Соколова⁸ и некрологу, опубликованному в американском журнале «Growth»⁹, в котором Борис Федорович был редактором с 1963 до своей смерти. В обоих источниках год рождения Соколова означен как 1889¹⁰.

Когда человек, особенно ученый, описал свою жизнь и сделал это достаточно подробно, возникает естественное желание использовать эту информацию «из первых рук», как документально точную¹¹. Однако в случае Соколова (да и вообще) едва ли это стоит делать без попытки сверить данные из его рассказов между собой и с документами и другими (независимыми) источниками. До сих пор, по-видимому, этого никто не делал. Однако несколько новелл Соколова посвящены людям достаточно известным: Н.С. Гумилеву и А.А. Ахматовой, Б.В. Савинкову, Н.А. Морозову, а также событиям, широко

⁶ См., например (на 12.04.2014):

http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/sokolov_bf.php;

<http://lib.rus.ec/a/31346>;

<http://www.pseudology.org/people/SokolovBF.htm>;

http://media.samsu.ru/materials/civil_war_v2/MAIN/Supplement/Biographies/main_b/a15/sokolov_bf.html;

<http://dc.lib.unc.edu/cdm/customhome/collection/rbr/>

⁷ В тексте книги «На берегах Невы» встречаются отрывки, позволяющие установить возраст автора, но такой подсчет дает разные результаты. Почему в предисловии был указан 1893, остается совершенно непонятным, хотя очевидно, что Б.Ф. Соколов согласился с этой датой. Тенденция «омоложения» просматривается у многих эмигрантов, и, вероятно, она была связана с карьерными соображениями.

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 60860.

⁹ Growth. – 1979. – Vol. 43. – P. 217–220.

¹⁰ Недостовверные сведения о Соколове встречаются во многих изданиях. Например, на сайте «Хронос» (www.hrono.ru/biograf/bio_s/sokolov_bf.php) говорится, что Соколов родился в Волынской губернии, а учился в Томском технологическом институте. В биографическом словаре Е.А. Александрова «Русские в Северной Америке» (СПб., 2005. С. 471) указано (без дат жизни), что он защитил докторскую диссертацию в 1911, а в аналогичном словаре под редакцией Л. Мнухина и др. «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000» (М.: Наука, 2010. Т. 3. С. 154), помимо ряда других ошибок (при правильных датах жизни), указано, например, что Соколов эмигрировал в США в 1946. Очевидные ошибки содержатся и в «Материалах для биографического словаря „Российское научное зарубежье“» (М.: Дом Русского зарубежья, 2010; авт.-сост. М.Ю. Сорокина), и в предисловии к первому американскому изданию рассказов Б.Ф. Соколова, написанному Т. Драйзером в 1928. Последний хотя бы добавил: «если я правильно информирован».

¹¹ В первом издании сборника рассказов «Преступление доктора Гарина» (Париж, 1928) Соколов писал: «Только факты, действительно имевшие место и свидетелем которых я был, – послужили материалом для моих рассказов».

освещенным в литературе: штурму Зимнего дворца, разгону Учредительного Собрания, гражданской войне на Севере России. Таким образом, степень беллетризации текста можно выявить путем его сравнения с другими публикациями (где, впрочем, тоже возможны ошибки!) и, стало быть, установить, насколько аккуратно автор обращался с фактами.

Кроме того, не надо сбрасывать со счетов и то, что обе автобиографические книги Соколова «The White Nights» (1956) и «На берегах Невы» (1973)¹² были написаны, соответственно, когда автор разменял шестой и восьмой десяток, то есть через 40–70 лет после некоторых из описанных там событий. Естественная абберация памяти в этом случае была бы вполне понятна, поскольку мало кто специально сверяет собственную биографию с документами и дневниками (если таковые и велись)¹³, а если она пишется уже по прошествии десятков лет, то некоторые события в памяти смещаются, смешиваются, подвергаются коррекции или попросту исчезают (возможно и появление небывшего).

Итак, Борис Федорович Соколов родился в Санкт-Петербурге 30 октября 1889¹⁴ в семье разночинца Федора Стахивича Соколова, выпускника юридического факультета ИСПБУ, в то время чиновника канцелярии Главного священника армии и флотов, и дворянки Марии Сергеевны, урожденной Верховцевой. Дед Бориса по отцу был крепостным графини Обручевой. Помимо Бориса в семье было еще три дочери: Лидия (1890) и близнецы – Наталия и Варвара (1892)¹⁵.

Жили Соколовы в Канонерском переулке (современная ул. Пасторова) в доме 6, часть которого, согласно воспоминаниям Бориса Федоровича, принадлежала семье: в нем располагалась литографическая мастерская, которая досталась по наследству Федору Стахивичу.

По воспоминаниям Соколова, в последнем (восьмом) классе гимназии большую часть учебного года – с ноября по апрель – он провел в тюрьме после ареста за хранение запрещенной литературы, чему, однако, пока не удалось

¹² Книга была издана по-русски в переводе с английского оригинала. Работу переводчика (Джона Галепено) никак нельзя признать блестящей, и ряд неточностей в тексте вполне могли быть следствием неудачного перевода.

¹³ У потомков Б.Ф. Соколова – сына от третьего брака Кирилла (Kiril Sokoloff) и внучки Катерины (Kate Sokoloff – дочери сына Бориса от второго брака), которым автор статьи благодарен за помощь в сборе материалов, нет сведений о существовании таких дневников. Однако первая автобиографическая книга ученого «The White Nights» имеет подзаголовок «страницы из дневника русского доктора», и там прямо говорится об использовании автором дневниковых записей.

¹⁴ В биографической справке, составленной М.В. Соколовым (Соблазн активизма... С. 466), дата рождения и дата окончания гимназии неверны, равно как и ошибочен статус Б.Ф. Соколова в Биологической лаборатории (и статус самой лаборатории), и набор (место получения) его академических степеней. Не выдерживает проверки и утверждение биографа, что в Бутырской тюрьме Соколов провел 122 дня, а также статус и отчество его отца, равно как и год начала редактирования Б.Ф. Соколовым журнала «Growth» в США.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф.14. Оп. 3. Д. 60860. Л. 9. Дореволюционные даты приводятся по старому стилю.

найти подтверждений в официальных документах¹⁶. Тем не менее, он успешно (на 4 и 5) окончил 5-ю петербургскую гимназию¹⁷ в 1907 и тогда же поступил на Естественное отделение физико-математического факультета ИСПБУ¹⁸.

В университете Б.Ф. Соколов специализировался в Зоотомическом кабинете, которым в то время (до 1911) руководил проф. В.Т. Шевяков. «Неутомимый заика», как называл Соколова в письмах В.А. Догель¹⁹, сменивший Шевякова на посту заведующего кабинетом, помимо университета, начал с 1910 посещать и С.-Петербургскую биологическую лабораторию, где Зоологическим отделением руководил С.И. Метальников. По-видимому, под руководством последнего, аттестовавшего своего ученика как человека очень способного и работающего²⁰, Соколов продолжил свои исследования по экспериментальной протозоологии²¹, которые составили основу его университетской дипломной работы (1912), а потом и магистерской диссертации (Прага, 1924). В 1909–1911 в летний сезон он работал на Севастопольской биологической станции, где исследовал движение грегаринов и их биоразнообразие²².

В своих мемуарах Б.Ф. Соколов писал, что был приглашен Метальниковым работать на кафедру микробиологии Биологической лаборатории («На берегах Невы», новелла «Заключенный крепости»), однако, ни кафедры (отдела), ни лаборатории микробиологии в составе этого института до 1921 не было²³. Согласно документам, в Биологической лаборатории, которая в 1918 была переименована в Петроградский научный институт (ПНИ) им. П.Ф. Лесгафта, в составе Зоологического отделения числилась одноименная лаборатория

¹⁶ На сайте «Хронос» указывается: «В 1907 Соколов был арестован на собрании эсеров и социал-демократов об объединении военных организаций, освобожден под залог» (http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/sokolov_bf.php). Насколько длительным был арест, не сообщается. Это единственный сайт, где есть (хотя и не прямые) ссылки на архивные документы, касающиеся Б.Ф. Соколова. Найти нужный документ по приведенной на сайте ссылке, однако, не удалось. За дружеский интерес к моей работе и помощь в розыске материалов в московских архивах я глубоко благодарен Н.Е. Завойской.

¹⁷ Согласно тексту книг Б.Ф. Соколова (The White Nights. P. 85), получается, что он поступил в университет в 1909/1910, что не соответствует действительности.

¹⁸ В литературе (Мнухин и др., 2010; Сорокина, 2010) говорится о медицинском отделении естественного факультета ИСПБУ и защите докторской (!) диссертации в 1911. Откуда могли взяться такие домыслы, непонятно.

¹⁹ Письма В.А. Догеля к Ю.А. Филипченко // Зоотомический кабинет (кафедра зоологии беспозвоночных) Санкт-Петербургского университета. К 140-летию основания: Сб. документов и воспоминаний / Под ред. С.И. Фокина. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. – С. 258.

²⁰ Письмо С.И. Метальникова к М.М. Новикову от 25 декабря 1923. – Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Оп. 2. Д. 52а. Л. 21.

²¹ Соколов Б. К вопросу о движении грегаринов // Труды ИСПБ. Общества естествоиспытателей. – 1911. – Т. 62. – Вып. 5–6. – С. 250–253; Он же. К физиологии простейших // Там же. – 1912. – Т. 63. – Вып. 1. – С. 28–39; Он же. К действию солей на простейших // Известия СПб. биологической лаборатории. – 1913. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 1–21; и другие.

²² Отчет о деятельности Севастопольской биологической станции за 1909 г. – СПб., 1910. – С. 4; Отчет... за 1911 г. – СПб., 1912. – С. 8–9.

²³ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 543. Оп. 3. Д. 8. Л. 142–143.

или лаборатория экспериментальной зоологии и биологии (первое упоминание в 1910), в которой и работал Соколов. До своего отъезда в Крым (ноябрь 1917), ею заведовал С.И. Метальников. В 1918 исполняющим обязанности заведующего там был И.Д. Стрельников, а с 1919 в бумагах института фигурировала просто лаборатория Зоологического отделения, руководителем которой стал (за отсутствием Метальникова) К.Н. Давыдов²⁴.

Интересы Бориса Федоровича не ограничивались биологией – параллельно он учился и на математическом отделении того же факультета²⁵, а получив весной 1912 года диплом I степени об окончании Естественного отделения физико-математического факультета ИСПБУ, поступил на историко-филологический факультет того же университета²⁶.

Вероятно, в период 1911–1916 Соколов окончил еще и медицинский факультет Психоневрологического института²⁷. Имея уже высшее естественнонаучное образование, он смог пропустить общеобразовательные курсы и получить диплом «зауряд-врача» (или лекаря?) за 3–4 года²⁸.

Б.Ф. Соколов все эти годы был достаточно активным членом Биологической лаборатории: ее секретарем с конца 1915 по начало 1917; входил в хозяйственный комитет и в строительную комиссию лаборатории (1914)²⁹. В этом же 1914 году Соколов значился помощником проф. Метальникова (директора Биологической лаборатории и руководителя Зоологического отдела), наряду с М.А. Галаджиевым и И.Д. Стрельниковым.

В своей книге «The White Nights» (Р. 285) Б.Ф. Соколов сообщает, что летом 1920 был избран руководителем отдела экспериментальной медицины

²⁴ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 1, д. 8. С.И. Метальников в ноябре 1917 уехал в Крым и в Петроград больше не вернулся, эмигрировав в 1919 во Францию.

²⁵ На математическом отделении Соколов состоял студентом до середины 1915, но так и не окончил курса (ЦГИА СПб. Д. 60860. Л. 28).

²⁶ Прочувшись там год и не сдав экзамен по греческому языку за курс гимназии (в 5-й гимназии этого языка, по-видимому, не преподавали), Соколов было отчислен весной 1913 (ЦГИА СПб. Д. 60860. Л. 21).

²⁷ Соколов писал (The White Nights. Р. 265), что учился в медицинском институте на момент своего визита на «башню» В.И. Иванова. Иванов жил в квартире на углу Таврической и Тверской улиц до конца 1912, и, стало быть, Соколов начал изучать медицину уже в 1912, а может быть, и в конце 1911.

²⁸ Пока это следует считать предположением, так как источник своего медицинского образования Б.Ф. Соколов нигде определенно не указал, а документов на этот счет не найдено. В некрологе Соколова (также содержащем ряд ошибок) как место получения им медицинского образования упоминается Вторая петербургская медицинская школа (2d Medical school of Petrograd), идентифицировать которую по ряду соображений можно как Психоневрологический (Бехтеревский) институт. Далее Б.Ф. Соколов, как правило, именовал себя в статьях доктором медицины (MD), но никаких сведений о защите им медицинской работы (необходимой для получения этой степени в дореволюционной России) не имеется. В некоторых странах Европы и США такая аббревиатура, однако, означает просто человека с медицинским образованием (врача). Во Франции в 1926 или 1927 Соколов, по-видимому, сдал экзамены на подтверждение статуса врача 2-й категории (письмо министру образования Франции, копия без даты. – Архив автора публикации), в качестве которого он какое-то время работал в госпитале Saint-Roch в Ницце.

²⁹ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 1. Л. 53-59.

ПНИ им. П.Ф. Лесгафта. Однако ни отдела, ни лаборатории с таким названием в составе института в 1920 не было³⁰. Через несколько лет там действительно был создан отдел Экспериментальной патологии³¹, но в это время Соколов уже эмигрировал из России.

Согласно предисловию к книге «На берегах Невы» и основному содержанию обоих изданий, Б.Ф. Соколов был призван в армию в конце 1916 и служил на Юго-Западном фронте врачом-инфекционистом. Большая часть его службы прошла на военно-санитарном поезде 13-й армии, вероятно, в звании поручика³². Однако уже в августе 1917 он якобы был какое-то время в Петрограде, а потом оказывался в столице в середине октября и в конце декабря того же года³³.

На фронте, по воспоминаниям Соколова, в конце августа 1917 он оказался свидетелем гибели своего школьного друга, комиссара Юго-Западного фронта капитана Линде³⁴. После этого события, пишет Соколов, он еще более месяца был на фронте и, получив легкую контузию при бомбардировке военно-санитарного поезда, через Киев уехал в Петроград. Однако описание событий этого времени, данное Соколовым в рассказе «Князь террористов» («На берегах Невы») ставит читающего в тупик. Встреча и разговор с известным террористом Б.В. Савинковым в резиденции Керенского (в Петрограде) как будто происходят до корниловского мятежа (25 августа), однако Савинков сообщает автору о своем выходе из Временного правительства, где он был заместителем военного министра, а это случилось 31 августа 1917³⁵.

Вообще описания встреч с Савинковым разнятся в обеих книгах Соколова. Так, в «The White Nights» (Р. 98–102) Соколов пишет о двух случайных встречах

³⁰ Изв. Прг. Научн. ин-та. – 1920. – Т. 2. – С. V–VII.

³¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 8. Л. 72.

³² В книге «На берегах Невы» (в новеллах «Князь террористов», «Когда все проиграно»), рассказывая о событиях 1917 года, Соколов именует себя капитаном, но дослужиться до этого звания менее чем за год, по моему мнению, было совершенно нереально. По своему статусу – окончивший университет, не имеющий гражданского чина, он не мог получить сразу звание капитана. Согласно материалу на сайте «Хронос», в 1917 Соколов был поручиком, что более похоже на правду. – www.hrono.ru/biograf/bio_s/sokolov_bf.php.

³³ В обеих мемуарных книгах Соколова сроки, обстоятельства и причины этих визитов не полностью совпадают.

³⁴ Ф.Ф. Линде (1881–1917) – комиссар Юго-Западного фронта, сменивший на этом посту Б.В. Савинкова, судя по истории его гибели, мог быть прообразом комиссара Гинце в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Однако, по данным сайта «Энциклопедия Петершудле» (<http://allpetrishule>), он окончил именно эту школу, а не 5-ю петербургскую гимназию; к тому же, будучи на 8 лет старше Соколова, Линде вряд ли мог быть его близким школьным другом. Его участие в революции и гибель в описанных Соколовым обстоятельствах подтверждается (в общих чертах) газетными сообщениями и другими опубликованными воспоминаниями (см., например: *Краснов П.Н.* Мемуары. – М.: Вагриус, 2006).

³⁵ Согласно рассказам «The Death of Linde» («The White Nights») и «Слов еще недостаточно» («На берегах Невы»), в это время Соколов должен был находиться на фронте, так как комиссар Линде погиб 25 августа 1917.

с известным террористом, вскользь упоминая, что встречал его раз или два, еще будучи гимназистом. В новелле «Князь террористов» («На берегах Невы») автор, однако, подробно описывает обстоятельства убийства министра внутренних дел В.К. Плеве, случайным свидетелем которого он оказался, наблюдая 15 июля 1904 за странным прохожим – Савинковым, как это выяснилось значительно позже. Его описание этого события в деталях существенно расходятся с воспоминаниями самого организатора теракта³⁶.

Также возникают вопросы при попытке восстановить фрагменты биографии Соколова на основании текста новелл «The Knight of Poets» («The White Nights») и «Поэт-акмеист» («На берегах Невы»), где речь идет о знакомстве автора с А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилевым. Так, встречи с Ахматовой в кафе «Бродячая собака» в рассказах Соколова происходят много позднее его закрытия в 1915, а ее роман с А.А. Блоком, на котором настаивает автор, является ничем не подтвержденной легендой³⁷.

Неожиданным выглядит и описание встречи автора с Гумилевым на фронте в конце 1916 в Луцке, которой в обоих изданиях мемуаров Соколова уделено значительное место. Дело в том, что прапорщик Н.С. Гумилев служил в то время в 5-м гусарском Александровском полку, дислоцированном в Латвии (севернее Двинска-Даугавпилса), и его появление на Волыни (более чем за 800 км от этого места), в расположениях Юго-Западного фронта, никакими документами не подтверждается³⁸.

Цель приезда в Петроград осенью 1917 объясняется в воспоминаниях Б.Ф. Соколовым по-разному³⁹. Но в обеих книгах указано, что он вез из Киева Керенскому выкраденное у Г.Л. Пятакова письмо Ленина, содержащее информацию о подготовке к вооруженному перевороту в Петрограде («The White Nights». P. 94) или в Киеве⁴⁰. Письмо это хотя и не произвело впечатления на Керенского (по одной версии воспоминаний, даже не дошло до него), но, види-

³⁶ Савинков Б. Воспоминания террориста. – Харьков: Эссер, 1917.

³⁷ Не говоря о том, что в книге «На берегах Невы» приводится чудовищный подстрочник (вероятно, обратный перевод с английского) строф из стихотворений «Скифы» Блока (1918) и «Все расхищено, предано, продано» Ахматовой (1921), которые поэты якобы читали в «Бродячей собаке» в 1917. В книге «The White Nights» (P. 138–139) приводятся цитаты из английского перевода этих же стихотворений.

³⁸ Степанов Е. Поэт на войне. Ч. 2: «Гусарская баллада» Николая Гумилева. 1916–1917 // Toronto Slavic Quarterly. – 2009. – № 29, summer. – www.utoronto.ca/tsq/29/stepanov29.shtml. Возможно, разговор с Гумилевым, описанный Соколовым, происходил в С.-Петербурге, где поэт несколько раз бывал в 1916.

³⁹ Вероятно, основной целью поездки был доклад о потере в результате немецкой бомбардировки двух вагонов санитарного поезда, в которых находилась лаборатория Соколова, и попытка получить для нее новое оборудование.

⁴⁰ По версии Соколова, он получил это письмо от старшего брата Пятакова Николая, который не сочувствовал большевикам. Однако старшего брата Г.Л. Пятакова звали Леонид и он также был активным членом РСДРП. В книге «На берегах Невы» речь в выкраденном письме идет о перевороте в Киеве. Бесспорно то, что младший брат Пятакова Михаил действительно был близким знакомым Соколова по ИСПбУ, где они оба учились в Зоотомическом кабинете. Этим объясняется приход Соколова в дом Пятаковых во время его остановки в Киеве.

мо, послужило поводом к попытке устранить Ленина в октябре 1917, которую предприняли несколько эсеров, в их числе и Соколов⁴¹. Во втором покушении (1 января 1918), которое, несомненно, имело место, Соколов уже не принимал участия, но достаточно подробно описал его со слов организатора («The White Nights». Р. 151–153; «На берегах Невы», новелла «Может ли быть убийство оправданным?»)⁴².

После неудачной защиты Зимнего дворца 25 октября, в которой, по воспоминаниям Б.Ф. Соколова, он также принял участие (глава «The Fall of the Winter Palace». – «The White Nights». Р. 156–185)⁴³, ему пришлось вернуться на фронт. В Петрограде Соколов появился снова в начале декабря уже как депутат Всероссийского Учредительного Собрания (ВУС) и где вскоре был избран председателем его военной комиссии. Работа этой комиссии, как известно, успеха также не имела, прежде всего, из-за позиции ЦК ПСР. Защитить ВУС от разгона большевиками 5 (18) января 1918 не удалось, хотя под началом Соколова были определенные вооруженные силы⁴⁴.

В книге «На берегах Невы» Борис Федорович писал: «Нет оправдания моей пассивности. Довод, что, дескать, у меня не было высокой должности в партии, отвергается моей совестью. Как человек, глубоко верящий в демократию, я был обязан руководствоваться моими убеждениями. Даже теперь, спустя столько десятилетий с момента разгона Первого Учредительного Собрания 5 января 1918 года, мое чувство личной вины я ощущаю также остро»⁴⁵.

⁴¹ Об этой попытке убить Ленина во время его конспиративной встречи на квартире Н.И. Кокко (Выборгское шоссе, 14) известно только из мемуаров Соколова. Поскольку попытка, по сути, не состоялась, проверить эту информацию невозможно. Мемуарист пишет, что покушение предполагалось вечером в пятницу («The White Nights». Р. 147). Во второй половине октября 1917 пятницы выпадали на 19-е и 26-е. То есть покушение могло быть только 19 октября. Ленин, как упоминает сам Соколов, жил тогда у М.В. Фофановой, откуда он и уехал на встречу. Однако в литературе принято считать, что у Фофановой он жил всего четыре дня: с 20 по 24 октября.

⁴² Как и во многих других случаях, описание расходится с иными, известными упоминаниями этого события в литературе, которые, в свою очередь, также не совпадают между собой. См., например: *Симбирцев И.* ВЧК в ленинской России. 1917–1922: В зареве революции. – М.: Центрполиграф, 2008; <http://ru.wikipedia.org/wiki/Платтен>.

⁴³ В книге «На берегах Невы» этот рассказ почти дословно воспроизведен под заглавием «Когда все проиграно». В обоих рассказах значительное место уделено участию в обороне дворца женского батальона, которым, по словам Соколова, командовала сестра его друга Демидова (фамилия вымышленная). Воспоминания Б.Ф. Соколова и другого участника обороны Зимнего дворца А.П. Синегуба (Архив русской революции. – Т. 4. – Берлин, 1922. – С. 121–197) разнятся в деталях. Характерно, что оба мемуариста ничего не пишут друг о друге.

⁴⁴ Военный комитет защиты ВУС, в который входили, прежде всего, правые эсеры, предполагал вывести для защиты Собрания Семеновский и Преображенский полки в сопровождении броневиков Измайловского бронедивизиона. Предлагались, кроме того, аресты Ленина и Троцкого. Однако 3 (16) января 1918 на совместном заседании ЦК ПСР бюро эсеровской фракции ВУС и представителей военного комитета защиты ВУС, ЦК партии категорически запретил какое-либо вооруженное выступление. «За нами стояла Невооруженная Правда, которой большевики противопоставили Вооруженную Ложь» (*Соколов Б.* Защита Всероссийского Учредительного Собрания // Архив русской революции. – Т. 13. – Берлин, 1924. – С. 70).

⁴⁵ На берегах Невы. – С. 162.

Накануне созыва Учредительного Собрания в начале 1918 в Петрограде выходила независимая ежедневная четырехстраничная газета «Серая Шинель» (с четвертого выпуска «Простреленная Серая Шинель»), издателями которой были объявлены солдатские комитеты Преображенского и Семеновского полков. В редакцию издания входили Б.Ф. Соколов и еще несколько его соратников⁴⁶.

Зная об арестах членов ВУС, начавшихся после его разгона, Б.Ф. Соколов скрывался две недели в анатомическом музее, в подвале Биологической лаборатории и после этого уехал на фронт, который тогда еще существовал. Вскоре он был переведен под Киев и демобилизован⁴⁷. На Украине в это время (апрель 1918) установилась власть гетмана П.П. Скоропадского. В Киеве Соколов работал какое-то время в Бактериологическом институте при университете. Когда в мае 1918 на Урале начался мятеж Чехословацкого корпуса и в Самаре возникло первое антибольшевистское правительство – Комитет членов Учредительного Собрания, Соколов решил пробираться на Волгу. В результате он принял участие в Уфимском государственном совещании, которое проходило 8–23 сентября 1918 под председательством Н.Д. Авксентьева и собрало около 200 человек⁴⁸.

Наступление Красной армии вынудило Соколова перебраться вместе с образованным Временным всероссийским правительством (ВВП) в Омск⁴⁹. Оттуда, вероятно, в ноябре 1918, он выехал во Владивосток как сотрудник Иностранного информационного бюро при ВВП. В тот момент было далеко неясно, куда занесет Соколова судьба. В его удостоверении как места, где предполагалась организация секций информационного бюро ВВП, были означены США, Англия, Франция и Италия⁵⁰.

Соответственно, в 1918 фамилии Соколова в бумагах Биологической лаборатории не встречается⁵¹, а в 1919 он там значился как старший ассистент по зоологической лаборатории и член Совета лаборатории (с лета 1919 – член Совета ПНИ) с пометкой, что он не смог вернуться в Петроград и фактически отсутствовал весь год, уехав на Украину и в Сибирь⁵².

⁴⁶ См.: Соколов Б. Защита Всероссийского Учредительного Собрания. Газета была закрыта на следующий день после разгона Учредительного Собрания (19 января по новому стилю).

⁴⁷ The White Nights. – P. 250–251.

⁴⁸ Описание дороги в Уфу через линию двух фронтов в книгах Соколова не совпадает. Из мемуаров следует, что Соколов уехал из Киева в начале лета. В своей лекции в ПНИ им. П.Ф. Лесгафта в мае 1920 он указывал, что выехал из Киева в июле. В семейном архиве Соколовых хранится, однако, удостоверение, выданное Б.Ф. Соколову в Киеве 3 августа 1918 для поездки в Пензу, в отпуск.

⁴⁹ Несколько месяцев, проведенных Соколовым в Сибири, никак не освещены в его мемуарах, равно как и время, проведенное в путешествии из Японии во Францию (декабрь 1918 – март 1919). По одной фразе из «Падения Северной области» (Архив русской революции. – Т. 9. – С. 8; далее при цитировании: Падение Северной области, с указ. страницы) понятно, что он застал в Сибири и правление А.В. Колчака (после 18 ноября 1918).

⁵⁰ Удостоверение, выданное ВВП Б.Ф. Соколову, без даты. Копия. – Архив автора публикации.

⁵¹ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 8.

⁵² Там же. Л. 60.

В Париже, куда он попал весной 1919, у Соколова были некоторые связи и возможность устроиться по специальности. Однако политические страсти все еще волновали его больше. За время Мирной конференции ему удалось познакомиться с рядом политических деятелей Европы (среди них был Э. Бенеш, в то время министр иностранных дел Чехословакии⁵³) и написать публицистическую книгу «Большевики о большевиках», которая имела большой успех. В результате Соколов стал иностранным корреспондентом двух влиятельных изданий: французского «L'Information» и английского «Daily Dispatch» («На берегах Невы», новелла «Когда Господь защищает тебя»).

Тем не менее, его тянуло на родину и, узнав о наборе медицинского персонала для работы в составе Русского Красного Креста в Северной области (СО), оккупированной тогда англо-франко-американскими войсками, Соколов через Лондон и Берген отплыл обратно в Россию (в Архангельск). «Мой отъезд из Парижа на Север России был лишен каких-либо политических соображений или целей», – писал он в 1923. «Тяжело и грустно стало жить в Париже в бездействии вдали от России <...>. Приехав же в Архангельск, все свое внимание я посвятил чисто практической, административно-медицинской деятельности⁵⁴ <...>. Уже в начале августа я уехал на фронт, где и пробыл до конца января»⁵⁵.

Вероятно, поняв бесперспективность ситуации, Борис Федорович хотел покинуть Архангельск. Существует выписка из журнала заседания Временного правительства СО от 18 декабря 1919, где рассматривался вопрос «О разрешении магистру зоологии Петроградского университета Борису Соколову выехать из пределов Северной Области»⁵⁶. Вероятно, если бы такое разрешение было сразу получено, следующий, 1920 год для Б.Ф. Соколова сложился бы совершенно иначе⁵⁷.

В начале февраля 1920, уже при очевидной неизбежности эвакуации армии и правительства СО, его состав был обновлен, и Соколов получил в нем портфель министра народного просвещения (07.02.1920)⁵⁸. Правительству, да и вообще антибольшевистской СО оставалось существовать меньше двух недель. 19 февраля 1920 на ледоколе «Минин» и яхте «Ярославна» штаб Главнокомандующего, тыловые службы, члены семей, раненые, находящиеся под патронажем Красного Креста, и отряд датчан (всего около 1000 человек) покинули Архангельск. Через два дня, в горле Белого моря, по распоряжению

⁵³ В 1926 Соколов издал в Париже брошюру «Эдвард Бенеш и пути реалистического демократизма», а в 1932 – его биографию «Edward Beneš: a Biography».

⁵⁴ Соколов прибыл в Архангельск в двадцатых числах июля 1919, см.: Падение Северной области. – С. 12. Северный период жизни Соколова наиболее подробно был освещен им именно в этой работе.

⁵⁵ Там же. С. 53.

⁵⁶ Копия документа из архива автора публикации.

⁵⁷ В статье Соколов писал, что после вмешательства Парижа все нужные документы были получены, но тяжелый грипп помешал отъезду (Падение Северной области. – С. 54).

⁵⁸ Это время он замещал и пост министра внутренних дел СО.

генерала Е.К. Миллера Б.Ф.Соколов и его секретарь А.Н. Новиков были высажены на затертый льдами ледокол «Русанов», то есть, по сути, оставлены «на милость» большевиков⁵⁹. По приказу из уже большевистского Архангельска их арестовали на ледоколе, и когда корабль освободился из ледового плена и прибыл в Йоканьгу, должны были расстрелять. К счастью, этого не произошло, так как было получено распоряжение доставить арестованных в Архангельск⁶⁰.

Однако сначала (к 10 марта) Соколова вместе с остальными арестованными в Йоканьге перевезли в Мурманск⁶¹. Семь дней в мурманской тюрьме сослужили, по-видимому, хорошую службу Соколову. Он успел рассказать свою историю датскому офицеру, которого вскоре выпустили. Борис Федорович писал: «Вероятно, ему я обязан тем, что о моей судьбе стало известно в Норвегии и во Франции – в результате чего состоялась интервенция в мою судьбу со стороны Международного Красного Креста, Брантинга и французской прессы. Комиссар ВЧК Могилевский показывал мне впоследствии в Москве телеграммы, просящие Советское правительство об облегчении моей участи»⁶².

В Архангельске Соколов провел несколько дней в камере при Особом отделе ЧК и 25 марта 1920, в числе большой партии арестованных (свыше 300 человек), был отправлен в Москву. По прибытии туда (около 30 марта) Борис Федорович был доставлен в Особый отдел ВЧК и уже в апреле переведен в Бутырскую тюрьму, где ему суждено было около месяца в полной неизвестности ожидать решения своей судьбы. Как он вспоминал: «Бутырская тюрьма, где было больше трех тысяч заключенных, страдала от отсутствия медицинского персонала, и меня попросили помочь. Таким образом я получил относительную свободу передвижения внутри Бутырских стен. Посещая больных в различных камерах, я был потрясен, что большинство политических заключенных принадлежало к интеллигенции <...>. Несмотря на то, что я ожидал каждый день расстрела, я вспоминаю это время в Бутырках с чувством удовлетворения. Надеюсь, я оказал некоторую помощь моим несчастным тюремным сотоварищам»⁶³.

⁵⁹ Причина этого решения для Соколова осталась неясной. Скорее всего, дело было в жесткой позиции, которую министр просвещения занял в отношении использования денежных средств, которыми правительство располагало в Европе.

⁶⁰ См.: Падение Северной области. – С. 84. В книге «На берегах Невы» Соколов писал, что отмена расстрела в Йоканьге, по-видимому, была связана с тем, что были обнаружены его французские и английские корреспондентские визитные карточки. Как иностранного корреспондента его решили доставить в Москву.

⁶¹ Соколов пишет о середине марта, но из текста статьи следует, что в Мурманске арестованные оказались не позднее конца первой недели марта.

⁶² Падение Северной области. – С. 87. К.Я. Брантинг (1860–1925) – премьер-министр Швеции, социал-демократ, лауреат Нобелевской премии мира (1921); С.Г. Могилевский (1885–1925) – в 1920 особоуполномоченный Особого отдела ВЧК.

⁶³ The White Nights. – P. 283 (перевод автора статьи).

Соколов называл разные причины своего освобождения из Бутырьской тюрьмы весной 1920 года. По его сведениям, за него просил директор ПНИ им. П.Ф. Лесгафта известный народоволец Н.А. Морозов, якобы не получивший на свой запрос никакого ответа⁶⁴. В работе «Наука в Советской России» Борис Федорович писал, что за него хлопотала Петроградская комиссия по улучшению быта ученых⁶⁵. Возможно, что хлопоты были действительно с разных сторон, но, согласно пометкам на сохранившейся в Высшем партийном архиве телеграмме Н.А. Морозова, дело решило именно его обращение к В.И. Ленину⁶⁶.

Вернувшись в Петроград, 28 мая 1920 Соколов сделал в ПНИ им. Лесгафта доклад «Двухлетнее путешествие из Киева в Петроград кругом Старого света» – о своих скитаниях по России, Азии и Европе в 1918–1920⁶⁷. В анонсе заседания значилось, что он прибыл в Петроград из Москвы 18 мая, и, стало быть, его освободили из Бутырьской тюрьмы не позднее 16–17 мая 1920⁶⁸. Между тем в обоих книгах Соколова и вслед за этим в биографических справках о нем подчеркивалось, что он провел в Бутырях 122 дня и вышел на свободу в середине лета⁶⁹.

Несколько месяцев Борис Федорович проработал в ПНИ им. Лесгафта, где за ним сохранялось место старшего ассистента; исполнял он частично и обязанности ученого секретаря института⁷⁰. Однако политический климат в стране его явно не устраивал, да и его эсеровское прошлое могло «аукнуться» в любой момент новым арестом. Приходилось опять думать о возможности уехать из России.

Согласно Тартускому мирному договору от 2 февраля 1920, в течение одного года допускался выезд (репатриация) эстонцев из России. Соколов, у которого были связи в эстонском консульстве, по-видимому, воспользовался этим обстоятельством. По подложным документам на имя Озолина он и первая жена А.Ф. Керенского Ольга Львовна с двумя детьми выехали в Ревель (Таллин)⁷¹. Насколько этот рассказ Соколова точен, сказать сложно. В воспоминаниях О.Л. Керенской никаких подробностей ее отъезда из России не содержится⁷².

⁶⁴ Это версия изложена в книге «На берегах Невы». Напротив, в книге «The White Nights» Соколов пишет, что прошение Морозова имело успех.

⁶⁵ Соколов Б.Ф. Наука в Советской России. – Берлин, 1921. – С. 17.

⁶⁶ Архивный документ – телеграмма Н.А. Морозова В.И. Ленину, на которой есть пометки: «Созвониться с ВЧК. Срочно» и «По поручению т. Ленина сообщаю, что по сообщению члена президиума [так!] ВЧК Соколов Борис Федорович освобожден. Секретарь Совнаркома Фотиева» (ЦПА ИМЛ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13813).

⁶⁷ АРАН. Ф. 543. Оп. 3. Д. 8. Л. 133.

⁶⁸ Согласно документу из ЦПА, освобожден Соколов был 4 мая 1920.

⁶⁹ В своих воспоминаниях (Падение Северной области. С. 81, 89) Соколов писал, что был этапирован из Архангельска в Москву в конце марта 1920, и сначала его держали в Особом отделе ВЧК. Следовательно, в Бутырьской тюрьме он провел явно не больше одного месяца.

⁷⁰ Известия ПНИ им. П.Ф. Лесгафта. – 1920. – Т. 2. – С. 1. Как уже указывалось, Соколов не только не был профессором в ПНИ (как он потом писал), но и не мог им быть, не будучи в то время еще магистром зоологии.

⁷¹ The White Nights. – P. 287–291.

⁷² Керенская О.Л. Мертвые молчат. Победителей не судят / Публ. С.Г. Керенского // Звезда. – 1998. –

Вскоре, получив в Эстонии английскую визу, Соколов недолго задержался в Лондоне, где ему, по-видимому, не удалось найти работу. Какое-то время, также безрезультатно, он пытался устроиться в Праге и Париже, а с весны 1922 временно обосновался в Бельгии. «С моим прибытием в Брюссель моя приключенческая жизнь закончилась, – писал он. – Но странно, первые полгода в спокойном Брюсселе я не мог спать. Бегая по Советской России, пересекая границы, в угольной яме ледокола, в Бутырской тюрьме я всегда спал, как ребенок, пребывая в отличном здравии. Но в Брюсселе последствия накопленного напряжения дали себя знать»⁷³.

Уже в апреле 1922 из Бельгии, где Соколов получил временную работу в Институте анатомии (Брюссель), он написал первое письмо в Америку, в Рокфеллеровский институт медицинских исследований, Нью-Йорк, – с целью получить возможность поработать там в течение одного-двух лет. Из текста письма следует, что тогда (как и многие эмигранты) он еще рассчитывал на возвращение в Россию⁷⁴. В 1924 он обратился с аналогичной просьбой в Международную комиссию по образованию в Нью-Йорке, имея в виду получить работу в Институте раковых исследований⁷⁵. Однако в обоих случаях ему было отказано. Переписка возобновилась в 1926, но только в конце 1927, благодаря участию в его судьбе Международной Европейской комиссии по образованию (International Education Board in Europe) и, возможно, Института Пастера в Париже, Соколову удалось найти деньги на поездку в Америку в качестве волонтера Рокфеллеровского института.

Оказавшись в Европе, Б.Ф. Соколов (как и многие другие эмигранты – выпускники Зоотомического кабинета) старался облегчить жизнь своим коллегам в Советской России. Он пытался наладить обмен научными журналами и организовывал продуктовые и вещевые посылки своим коллегами в Петроград. В письме В.А. Догелю из Бельгии в конце 1922 Соколов писал: «Очень важно, чтобы Вы вступили в контакт с бельгийскими учеными. Вы и Шимкевич⁷⁶. Это значительно облегчило бы ту работу, которую я здесь веду для помощи русским ученым. Бельгия очень богатая страна, и то, что было проделано по моей инициативе в Чехословакии (отправка вещей и продуктов в Петроград), то же самое может быть произведено и здесь <...>. Я считаю, что долг наш, эмигрантов, помочь елико возможно нашим коллегам. Правда, житье-бытье наше денежно

№ 2. – С. 102–121. Имеются сведения, что Керенская выехала в Эстонию по документам на имя Петерсон. См.: Хрусталева А. Жену Керенского арестовали по приказу из Котласа // Вечерний Котлас. – 2011. – № 11, 18 марта. – С. 12–13.

⁷³ На берегах Невы. – С. 202.

⁷⁴ Архивный центр Рокфеллеровского университета, Нью-Йорк (далее – RAC). RU. 450.1. Box 29. Folder 7.

⁷⁵ RAC. IEB.1/3. Box 59. Folder 987.

⁷⁶ В.М. Шимкевич (1858–1923) – профессор ИСПБУ, зоолог, с 1920 – академик РАН.

не особенно радостно – в большинстве мы еле-еле сводим концы с концами, но профессура в относительно хорошем положении (особенно в Чехии, Болгарии и Сербии) <...>. Я уже шесть месяцев работаю в Брюсселе, в гистологической лаборатории, кончил свою большую работу по регенерации простейших, сижу теперь над цитологией раковой опухоли. Средства для жизни: получил от бельгийского правительства стипендию на один год – пять тысяч франков. Кончится год, неизвестно, что будет. Работать хорошо, жить – так себе»⁷⁷.

В 1923–1924 Соколов с семьей (второй женой и только что родившимся сыном⁷⁸) жил и работал в Ницце и на Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер (под Ниццей), бывая нередко и в Париже. В августе 1924 в Ницце Соколов участвовал в организации Союза деятелей русского искусства⁷⁹. В этой организации он возглавлял литературную секцию и значился профессором. К этому времени он уже опубликовал в Европе около 25 научных статей. После защиты магистерской диссертации в Праге летом 1924 он получил возможность работать и преподавать в Чехословакии⁸⁰.

Надо сказать, что в эмиграции Б.Ф. Соколов произвольно использовал свои академические регалии. Так, в письме директору Рокфеллеровского института медицинских исследований в 1922, добываясь получения американского гранта, он уверенно называл себя профессором протозоологии ПНИ им. П.Ф. Лесгафта в Петрограде с 1910 по 1920⁸¹, тогда как в 1910 он был только студентом ИСПБУ, а степень магистра зоологии, дававшую право в России на занятие профессорского места, получил уже в Чехословакии в 1924⁸².

С магистерской защитой Б.Ф. Соколова, состоявшейся 29 июня 1924 при Карловом университете в Праге, была связана особая история, известная из переписки самого Соколова с его университетским профессо-

⁷⁷ Письмо Б.Ф. Соколова В.А. Догелю из Брюсселя от 12.11.1922. – Архив автора публикации. В 1924 Соколов продал некоторые открытки, фотографии, газеты и журналы 1917–1920 годов Русскому заграничному историческому архиву в Праге за 250 франков (Т-РZIA. 2-6-12).

⁷⁸ В 1920 в Архангельске Б.Ф. Соколов женился во второй раз – на сестре милосердия М.В. Комаровой (1895–1984), также работавшей в Северной области. Первая его жена И. Жаковская и дочь остались в Петрограде.

⁷⁹ См.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни: Франция. 1920–1940. – Т.1. – Paris; М.: YMCA-Press; ЭКСМО, 1995. – С. 149. В ноябре 1924 Соколов был в Париже, где сделал доклад на заседании Общества русских врачей им. И.И. Мечникова «Проблема раковых заболеваний» (Там же. С. 154).

⁸⁰ RAC. IEB.1/3. Box 59. Folder 987. Однако в переписке с американскими коллегами в 1926–1927 Соколов указывал свой адрес в Ницце или в Институте Пастера (Париж), так что, по-видимому, в Праге он постоянно не жил.

⁸¹ RAC. IEB.1/3. Box 59. Folder 987.

⁸² Есть также свидетельство, что, будучи в Лондоне в 1921, где, видимо, пытался получить работу, Соколов представлялся профессором протозоологии Петроградского университета (письмо С.Ф. Кончека к В.А. Догелю от 26.12.1922. – Архив автора публикации).

ром В.А. Догелем, а также из писем профессоров М.М. Новикова (Прага), М.Н. Римского-Корсакова (Петроград) и зоолога Карлова университета и Русского народного университета в Праге С.Ф. Кончека⁸³.

Диссертация Соколова была готова уже в 1922, но он представил ее к защите только в 1924⁸⁴. В начале этого года М.М. Новиков писал из Праги своему коллеге и другу М.Н. Римскому-Корсакову: «У меня кроме текущей работы предстоит еще диссертация. Б. Соколов написал „Проблему регенерации у простейших“ и представил на магистра. Я дал благоприятный отзыв, и мне придется быть официальным оппонентом. Но Сергей Федорович (Кончек. – С.Ф.) все сомневается о том, сдал ли он магистерские экзамены. По сообщению С.И. Метальникова, это произошло в 1916. Не имеется ли у Вас по этому поводу более точных сведений?»⁸⁵. Через месяц Новиков сообщил своему коллеге в Петроград: «Любопытно, как разворачивается дело с защитой диссертации Б.Ф. Соколовым. В опровержение полученного сообщения, что он не сдавал магистерского экзамена, он написал подробное заявление, что в декабре [19]15 г. сдал зоологию беспозвоночных у В.А. Догеля, в мае [19]16 г. – зоологию позвоночных у Шимкевича, а во втором полугодии: физиологию растений – у Палладина, палеонтологию – у Иностранцева и физиологию животных – у Н.Е. Введенского. При этом прислал копию, засвидетельствованную у нотариуса Р.Р. Мерца, – удостоверение Физико-математического факультета Вашего университета от 21.1. [19]17 за № 12 о сдаче им магистерских экзаменов. Разъясните, пожалуйста, что все это значит. Неужели В.А. Догель мог забыть, кого он экзаменовал?»⁸⁶. Защита, однако, состоялась, и далее Соколов смог с полным правом указывать в своих статьях научную степень PhD.

Как уже было отмечено выше, к началу 1928 Б.Ф. Соколов добился возможности поехать в США в качестве волонтера Рокфеллеровского института в Нью-Йорке. Эта поездка определила всю дальнейшую жизнь ученого – в Европу он больше не вернулся.

В Америке его научная карьера сложилась достаточно удачно: до 1930 он работал в Рокфеллеровском институте медицинских исследований, в лаборатории проф. Дж. Мурфи (J. Murphy), известного экспериментального исследователя рака; в том числе летом 1928 провел около месяца на знаменитой

⁸³ Проф. Новиков был оппонентом на защите этой диссертации, проф. Римский-Корсаков – одним из учителей Соколова по ИСПБУ, а С.Ф. Кончек – его коллегой-студентом в 1907–1910.

⁸⁴ Письмо С.И. Метальникова к М.М. Новикову от 25.12.1923. – ГА РФ. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 52а. Л. 21; письмо Б.Ф. Соколова к В.А. Догелю начала 1922 г., без даты. – Архив автора публикации.

⁸⁵ ПФА РАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 357. Л. 54.

⁸⁶ Там же. Л. 55. Заверенная копия перевода сертификата о сдаче экзаменов по курсу зоология и сравнительная анатомия в 1916/1917, выданного 21.01.1917, сохранилась у сына Б.Ф. Соколова Кирилла (копия в архиве автора публикации). Правда, она имеет вид краткой справки и не содержит развернутого перечисления экзаменов, их сроков и полученных магистрантом оценок.

морской биологической станции в Вудсхолле (Woods Hole, Massachusetts). Далее Б.Ф. Соколов работал по той же тематике в Кроккеровском институте Колумбийского университета (1930–1931) и в течение четырех лет был сотрудником отдела патологии Вашингтонского университета в Сент-Луисе. В 1933 он получил американское гражданство, потом (до 1943) работал снова как исследователь в Колумбийском университете⁸⁷. Данных о том, чем занимался ученый в 1944–1946, пока найти не удалось. В 1947 он принял предложение переехать на юг, во Флориду, где возглавил лабораторию исследований рака в Южном колледже Лейкланда (Lakeland, Florida). Это было последнее место работы Б.Ф. Соколова: он заведовал лабораторией до последних лет своей жизни. Скончался ученый у себя дома в Лейкланде 18 ноября 1979, через пять дней после своего 90-летия.

Последняя жена Бориса Федоровича – Элис Хант-Соколова (1912–2006), пианистка, музыковед и биограф, безусловно, способствовала его успешной адаптации в США и была редактором его многочисленных литературных трудов.

Сложно кратко охарактеризовать долгую и разнообразную научную карьеру Б.Ф. Соколова. Начав ее в России как экспериментальный протозоолог, за океаном Соколов стал известным специалистом-исследователем рака и, отчасти, биохимиком и физиологом. Он был одним из пионеров работ в области исследования роли биофлавоноидов⁸⁸ и аскорбиновой кислоты (витамина С) в уменьшении хрупкости капилляров, биологического действия радиации и вирусной инфекции. Проводил Соколов и долговременные исследования влияния больших доз аскорбиновой кислоты на метаболизм жира в крови и атеросклероз у пациентов с сердечными проблемами. По гранту NASA он изучал динамику кровяного серотонина в нормальных и стрессовых условиях гиперхолестеринемии, рака и различных сердечных нарушений.

Со своих студенческих лет Борис Федорович интересовался изучением проблемы рака и использованием при его лечении нетоксичных агентов. Последние его годы были посвящены поиску нетоксичных антираковых антибиотиков. После изучения более чем 600 различных грибов, собранных во Флориде, им были выделены два антибиотика нового состава, абсолютно нетоксичных и с высокой антираковой активностью. Он работал над этим проектом до самой смерти.

Борис Федорович с 1919 не оставлял и литературных занятий. Среди многих опубликованных им книг «Биография Наполеона» (1937), научно-популярные работы – «Биодинамика человека» (1930), «Непобежденный враг» (1940), «Болезни цивилизации» (1944), «Карциноид и серотонин»

⁸⁷ Growth. – 1979. – Vol. 43. – P. 217–220.

⁸⁸ Американский биохимик венгерского происхождения А. Сент-Дьердьи получил в 1937 Нобелевскую премию по физиологии и медицине за цикл работ по витамину С, связанному с биофлавоноидами.

(1968); философско-социальные эссе «Достижение счастья» (1935), «Средний возраст – это то, что вы об этом думаете» (1942), «Ревность. Психиатрический подход» (1947), «Наука и цель жизни» (1950), «Общество вседозволенности» (1971)⁸⁹. Время от времени он писал и давал интервью для местной прессы, причем не только на научные темы⁹⁰. 16 лет ученый редактировал научный журнал «Growth» («Рост»).

Полностью оставив политическую деятельность после переезда в Америку, Соколов был членом многих научных обществ и ассоциаций: Американской ассоциации исследователей рака, Американского химического общества, Нью-Йоркской Академии наук, Американского общества редакторов-биологов, Королевского медицинского общества и Королевского общества искусства и литературы в Англии.

В этой статье я попытался восстановить фактическую сторону жизни Б.Ф. Соколова, хорошо известного на Западе ученого и писателя и человека, практически забытого на родине⁹¹. Сравнение описаний одних и тех же событий, данных в разных книгах и статьях героя и других источниках, – это был только метод выяснения истины, а вовсе не целенаправленная попытка «поймать» протагониста на противоречиях. Такое сравнение, результаты которого приведены в настоящей статье, показывает, что документальность повествований Б.Ф. Соколова, особенно в его последней книге воспоминаний «На берегах Невы» (1973), представляется далеко не стопроцентной, и, следовательно, биография (или даже биографическая справка) этого, безусловно, незаурядного человека удивительной судьбы должна строиться на более прочных основаниях, чем личные воспоминания. К сожалению, надо признать, что до сих пор не было ни одной публикации (печатной или в Интернете), посвященной Б.Ф. Соколову, которая была бы лишена значительных биографических ошибок.

На склоне лет Б.Ф. Соколов писал о родном городе, а, по сути, о своей молодости: «Нева от меня очень далеко. Я не надеялся и не надеюсь увидеть ее снова. Петербург принадлежит моему прошлому. Однако он остается моим любимым городом и неотъемлемой частью меня самого»⁹². Этому веришь сразу, без всякой историографии и архивных документов!

⁸⁹ Названия книг даны в переводе с английского.

⁹⁰ Например: Dr. Sokoloff, Russian Scientist Here, Sees Khrushchev Visit As Challenge // The Lakeland Ledger (Fl.) – 1959, 06.09.

⁹¹ Сын Б.Ф. Соколова Кирилл, крупный американский финансовый аналитик, в начале 2000-х основал в России литературную премию имени своего отца для молодых писателей. Теперь, кажется, она не вручается.

⁹² На берегах Невы. – С. 202.

Виктор Чебанов

Биография семьи: путь от мифа и полуправды к истине

Виктор Дмитриевич ЧЕБАНОВ

*независимый исследователь,
Санкт-Петербург*

Введение

Особенностью моего пути до 45-летнего возраста было то, что основным препятствием к получению достоверных сведений о моих предках были не какие-либо внешние силы, а боязнь моей матери Марии Викторовны Яцкевич за участь нашей семьи, за мою участь, причем у нее это сочеталось с гордостью за наш род, за своего отца Виктора Ивановича Яцкевича. Его персона, по сути, является основным объектом исследования; сведения о нем как лейтмотив присутствуют почти на всех этапах познания.

**1-й этап: с раннего детства
до девятилетнего возраста
(до 1935 года)**

Моя бабушка Мария Ивановна Яцкевич, урожденная Лаппо, развлекала меня рассказами о своем прадеде, который так крепко спал, что утром его было очень трудно разбудить, и его жена иногда применяла для этой цели

chebanov1926@yandex.ru

весьма оригинальные способы: однажды в дом привели корову и привязали к его кровати, чтобы он проснулся от ее мычания у себя под ухом, а в другой раз его, спящего, вынесли из дома вместе с кроватью и поставили в ручей таким образом, что вода протекала по его животу.

(Последующие семейные исследования показали, что происходило это в первой половине XIX века в имении Залосемье Себежского уезда Витебской губернии, принадлежащем старинному шляхетскому роду Маковецких, а героем описанных эпизодов был хозяин имения Иосиф Евфимиевич Маковецкий, который выдал одну дочь за бедного сельского священника Ивана Яцкевича, а другую – за витебского священника Ивана Лаппо.)

Мама много рассказывала мне (уже с дошкольного возраста) о своем отце, моем деде, Викторе Ивановиче Яцкевиче:

1. Что он был штатским генералом и у него была шинель на красной подкладке.
2. Что он имел высокий чин тайного советника.
3. Что он служил товарищем министра народного образования¹.

4. Что на Литейном проспекте у него была расположенная в трех этажах казенная квартира с внутриквартирной лестницей (на ней были большие хозяйственные шкафы, в которых дети прятались, играя в прятки). На втором этаже располагались: дедушкина спальня-кабинет, бабушкина комната, столовая, гостиная и зала; на третьем этаже было три комнаты, а на первом – кухня и комнаты для прислуги.

5. Что он бывал на обедах в Зимнем дворце и что там часто угощали супом из черепахи.

6. Что когда он учился в Полоцком училище, зимой они с товарищем (с которым они вместе жили) ходили на занятия по очереди, потому что у них было одно пальто на двоих.

2-й этап: 1935 год

Весной 1935 выслали из Ленинграда дядю Ваню, маминого брата Ивана Викторовича Яцкевича с женой и дочкой, а летом – мамину двоюродную сестру Екатерину Митрофановну Парийскую, урожденную Журавскую, вместе с мужем.

После этих событий мама принялась за работу с семейным фотоархивом. Из всех групповых фотографий она вырезала дедушкины лица и только их поместила в альбом. Я смутно помню, что раньше в альбоме была одна фотография дедушки в парадной форме с лентами и множеством орденов, но потом ее уже нигде не было; осталась лишь одна фотография, на которой он был с одним орденом. И есть еще одна фотография, где дедушка стоит на палубе

¹Здесь и далее: подчеркиванием выделены не соответствующие истине сообщения (высказывания, утверждения).

парохода; мама объясняла мне, что это он в составе комиссии, которой было поручено проверить, как идет подготовка приволжских городов к 300-летию Дома Романовых.

Но один дедушкин фотопортрет 1916 года, в натуральный размер, в раме из красного дерева, мы бережно храним и перевозим с квартиры на квартиру; раньше он был у мамы, а теперь у меня.

В альбоме сохранились цветная фотография бабушкиного деда (а моего прапрадеда) Константина Платоновича Платонова в парадном мундире, с лентой и орденами, а также его черно-белые фотографии, тоже с орденами.

3-й этап: 1936–1941 гг.

Когда мне было 12–13 лет, мама в разговорах со мной иногда (нельзя сказать, что часто, но не так уж и редко) похваливала Сталина, говорила, что ей многое в нем нравится (хотя на самом деле это было, конечно, далеко не так).

О своем отце, Дмитрие Григорьевиче Чебанове, я в эти годы знал, что он был сыном священника, умершего еще до революции, и что в 1914 отец ушел из Политехнического института и поступил в школу прапорщиков при Михайловском артиллерийском училище, окончив которое в 1915 пошел на фронт, где служил в одном дивизионе с маминим двоюродным братом Николаем Митрофановичем Журавским. Окончил войну он в чине штабс-капитана артиллерии. В конце войны его батарея подбила из гаубицы немецкий аэроплан, и он был представлен к ордену Св. Георгия, но награждение не состоялось из-за начавшейся революции. В Гражданской войне он не участвовал до октября 1919, когда часть Красной армии, в которой он служил, была переброшена с Карельского перешейка (где не было боевых действий) на оборону Петрограда от наступающей армии генерала Юденича. После войны он восстановился в институте и окончил его, став инженером-механиком.

Немного забегаю вперед, расскажу об одном удивившем меня казусе. В 1970-х, увидев фотографию Н.М. Журавского в форме штабс-капитана и с несколькими орденами, я был удивлен тем, что на имеющихся у нас фотографиях отца, который служил вместе с ним и имел такой же чин, не было ни одного ордена. А из вышедшей в 2011 книги «Третья Санкт-Петербургская мужская гимназия и ее выпускники. 1823–1918 гг.» я узнал, что у отца было орденов не меньше, чем у Журавского! Но у нас в семье никогда об этом не говорили, а фотографии с орденами, наверно, изъяли. Видимо, опасались того, что я буду рассказывать, что мой отец был офицером царской армии и показывать школьным товарищам такие фотографии.

Мама только рассказывала мне о том, как в 1917, когда отец вернулся с фронта, они поздно вечером пошли гулять, и он вынул свою шашку, поцеловал ее и бросил в Неву где-то за Литейным мостом.

Когда мне было 14 лет, перед самой войной, у отца в разговорах со мной иногда бывали вспышки жгучей ненависти к советской власти; возможно, это было связано с тем, что недавно партийные начальники сместили его с должности начальника мастерских на должность мастера, а когда у них возникали затруднения, приходили к нему за советом.

4-й этап: что я узнал от мамы в послевоенные годы (1946–1970 гг.)

1. Что дедушка происходил из старинного польского рода, и его мать Мария Иосифовна Яцкевич, урожденная Маковецкая, дома говорила только по-польски.

2. Что дедушка был директором канцелярии, которая занималась, в частности, бракоразводными делами и находилась на первом этаже, непосредственно под дедушкиной квартирой.

3. Что дедушка занимался инспектированием духовных учебных заведений.

4. Что при дворе его недолюбливали за его независимость и называли гордым шляхтичем.

5. Что он был в хороших отношениях со Столыпиным и в прохладных с Витте.

6. Что однажды ему поручили расследовать один случай, происшедший в Тифлисской духовной семинарии, где один семинарист набросился с ножом на учителя за то, что тот, по его мнению, чем-то оскорбил его национальные чувства. Стоял вопрос: отдать его под суд или ограничиться какими-либо другими мерами. Дедушка, изучив дело, принял решение: не надо портить жизнь горячему южанину, можно ограничиться исключением его из семинарии. Фамилия семинариста была Джугашвили.

7. Как в марте 1918 пришло предписание от председателя Петроградского Совета Г.Е. Зиновьева семье Яцкевичей в пятидневный срок освободить занимаемую ими квартиру на Литейном проспекте. Дедушка был в это время в командировке в Москве, и с ним не было связи, а дядя Ваня – в армии, дома были только моя бабушка, Мария Ивановна, с дочкой. Бабушке кто-то подсказал, что в Петрограде еще остался какой-то член правительства, который ведет прием и может как-то изменить предписание Зиновьева. Бабушка пошла на прием к этому неизвестному лицу, взяв с собой свою хорошенькую семнадцатилетнюю дочку. Прием был организован в одном из помещений какого-то бывшего министерства на Театральной улице (ныне улице Зодчего Росси). В приемной не было ни секретаря, ни охраны, на полу лежали груды папок каких-то, наверно, еще дореволюционных дел. Матрос попросил их немного подождать. В кабинет через приемную беспрерывно проходили люди, туда и обратно, в основном матросы. Примерно через полчаса их пригласили в кабинет. Прием вел наркомнац Джугашвили. Он сверкнул глазами на хорошенькую барышню и стал выслушивать просьбу. Говорил он по-русски очень плохо, с сильным акцентом. Он дал отсрочку от зиновьевского срока на 10 дней.

Хочу здесь привести один эпизод, не имеющий отношения к истории семьи, но очень ярко показывающий степень боязни (запуганности) моей мамы известными ей репрессивными действиями советских карательных органов. В 1945 мы получили письмо из Осташкова от А.И. Лениной, внучки Дарьи Петровны, дореволюционной кухарки Яцкевичей, с которой мы переписывались до войны. Она беспокоилась, пережили ли мы блокаду. Мама показала мне это письмо и сказала, что она решила не отвечать на него, потому что Калининская область была оккупирована и неизвестно, как там вела себя Саня во время оккупации, не вышло бы неприятностей из-за связи с ней. (Так что добропорядочной Сане пришлось считать нас всех погибшими; а Осташков, как я уточнил спустя много лет, и не был оккупирован!)

5-й этап: что рассказала М.В. Яцкевич своему внуку С.В. Чебанову незадолго до смерти (июнь–июль 1970 года)

Когда ее внук (мой сын) по окончании школы получил сугубо отрицательную характеристику, в которой было сказано, что он отказался вступать в комсомол из принципиальных идеологических соображений, она решила, что теперь вряд ли ему могут повредить ранее скрываемые сведения о его семье, и кое-что ему рассказала:

1. Что его прадед В.И. Яцкевич окончил Петербургский университет.
2. Что он служил в Министерстве внутренних дел и руководил канцелярией, которая занималась бракоразводными делами, и контролировал духовные учебные заведения.
3. Об участии его прадеда в расследовании дела о семинаристе Джугашвили.
4. О том, как она, машинистка инженерной обороны² 7-й армии РККА, получила ордер на квартиру из рук своего наркома Льва Давидовича Троцкого, к которому она пришла на прием в Смольный. (В этой квартире, правда, переделанной и сокращенной по объему в 1930-х, она, ее семья и ее потомки прожили с 1919 по 1990.)
5. Что в 1919 в тайнике, сделанном в обеденном столе, В.И. Яцкевич хранил деньги, собранные верующими в приходских общинах и предназначенные на церковные надобности (условно именуемые М.В. Яцкевич и С.В. Чебановым «Казной патриарха Тихона»), и что во время обыска, проведенного сотрудниками ВЧК, их не обнаружили. (Стол же уцелел во время блокады Ленинграда и до настоящего времени используется как обеденный в семье С.В. Чебанова.)

² Именно такое название приводится в машинописной копии маминой автобиографии.

**6-й этап: что я узнал от маминей двоюродной сестры
Евгении Митрофановны Журавской о службе моего деда
и о семьях моего прадеда И.И. Лаппо и Журавских (1974–1982 гг.).**

1. Что мой дед служил товарищем обер-прокурора Св. Синода.

2. Что ее дед Иван Иванович Лаппо (отец ее матери Екатерины Ивановны Журавской, урожденной Лаппо, и моей бабушки) и, соответственно, мой прадед служил в канцелярии обер-прокурора Св. Синода и что на его свадьбе присутствовал К.П. Победоносцев.

3. Что И.И. Лаппо происходил из старинного дворянского польско-литовского рода Лаппо-Любичей (одной из многочисленных ветвей рода Лаппо).

4. Что предки ее отца Митрофана Петровича Журавского в давние времена имели особую привилегию от польского короля: сидеть в одной карете с королем, не снимая головного убора.

7-й этап: сведения из БСЭ (1974 год)

Из вышедшего в 1974 14-го тома Большой советской энциклопедии мы с Е.М. Журавской узнали о жизни и судьбе ее дяди и моего двоюродного деда Ивана Ивановича Лаппо (брата ее матери и моей бабушки), о котором мы, его родные, ничего не знали с 1918 (оказалось, что он эмигрировал из Советской России в 1919, в 1920-е был профессором пражского Русского народного (свободного) университета, а в 1930-е – профессором Каунасского университета и гражданином Литвы).

8-й этап: сведения из справочника «Весь Петроград на 1917 год» (1970-е)

Этот справочник был первым источником, из которого я узнал действительные чин, должность и ведомство, в котором служил мой дед В.И. Яцкевич. В справочнике было указано следующее: тайный советник, директор Канцелярии обер-прокурора Св. Синода, член Особого комитета по борьбе с немецким засильем, член Романовского комитета, член Учебного комитета при Св. Синоде и председатель попечительского совета женской гимназии Зворской.

Из этого же справочника я узнал, что муж бабушкиной сестры Митрофан Петрович Журавский имел чин действительного статского советника и был правителем Канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства.

**9-й этап: результаты исследования фотографии
моего прапрадеда К.П. Платонова и сведения о нем
и о моем прадеде И.И. Лаппо из РГИА (1990–2002 гг.)**

1. Рассматривая через лупу регалии на мундире моего прапрадеда К.П. Платонова (на цветной фотографии, имеющейся в нашем альбоме) и сравнивая их с орденами и знаками в соответствующем издании, я установил, что среди прочих на нем имеется нагрудный знак статс-секретаря императора Александра II – высшего почетного звания гражданских лиц.

2. Моя троюродная племянница – член Русского генеалогического общества Е.Г. Попова-Яцкевич в документах РГИА установила, что К.П. Платонов служил казначеем и экзекутором Св. Синода и имел чин действительного статского советника, а его зять, мой прадед И.И. Лаппо, был вице-директором Канцелярии обер-прокурора Св. Синода и также имел чин действительного статского советника.

10-й этап: сведения из журнала «Церковь и время» (2002 год)

Из № 3(12) научно-богословского и церковно-общественного журнала «Церковь и время» я узнал, что в августе 1917, после ликвидации ведомства обер-прокурора Св. Синода, мой дед был назначен директором департамента по делам Православной церкви созданного Временным правительством Министерства вероисповеданий (это был последний состав Временного правительства до октябрьского переворота).

11-й этап: сведения из Архива Академии наук (2002 год)

Из документов Архива Академии наук, копии которых мне предоставила Е.Г. Попова-Яцкевич, я узнал, что в 1918–1923 мой дед исполнял обязанности заведующего научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Центрархива и одновременно с 1921 до своей кончины в 1924 году был ученым секретарем Археографической комиссии Российской Академии наук.

12-й этап: сведения из дела В.И. Яцкевича в Архиве УФСБ (2003 год)

В 2003 в Архиве УФСБ РФ по СПб. и Ленинградской области я ознакомился с архивным делом (№ П-89305) моего деда В.И. Яцкевича, арестованного и допрошенного сотрудниками ГПУ (следственное дело № 633 1922 года «О противодействии изъятию церковных ценностей, по обвинению митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (гр-на Казанского), епископа Венедикта Кронштадтского (гр-на Плотникова) и др.») и получил копии документов

этого дела. Из них я узнал, что, помимо службы в государственных учреждениях, он был в эти годы членом приходского совета Исаакиевского собора, церковным старостой церкви Александра Невского на Фурштатдтской улице (домовая церковь в бывшем здании Протопресвитерства Военного и Морского духовенства – ныне «Дом документов») и членом правления Общества православных приходов Петроградской епархии.

13-й (заключительный) этап: находка в РГИА формулярного списка о службе моего деда В.И. Яцкевича (2003 год)

В РГИА имеется довольно объемный личный фонд моего деда В.И. Яцкевича, но в нем есть все, кроме формулярного списка о его службе (видимо, он своевременно его оттуда изъяс). И вот Е.Г. Попова-Яцкевич в поисках какого-то документа в архиве Министерства внутренних дел Российской империи случайно обнаружила формулярный список о службе В.И. Яцкевича с 1888 по август 1916, приложенный к письму в МВД, и дала мне копии этого письма и формулярного списка. Я определил адресанта и адресата этого письма: это оказалось письмо обер-прокурора Св. Синода А.Н. Волжина министру внутренних дел А.А. Макарову.

Привожу текст этого письма (в современной орфографии):

16 августа 1916 г.

*Многоуважаемый Александр Александрович,
в дополнение к разговору, который я имел сегодня с Вами, посылаю Вам формулярный список Директора Канц[елярии] об[ер-] пр[окурора] Св. Синода Тайного советника Яцкевича. Еще и еще раз скажу, что это достойнейший кандидат в сенаторы по своей работоспособности, знанию церковных законов, уклада церковной жизни и безукоризненной честности и порядочности. Судьба ему не ворожит, ни мне, ни моему предшественнику, несмотря на старание, не удалось провести его в товарищи обер-прокурора. В этой должности он был бы не только на месте, но и занимал бы ее по праву. Конечно, бедный Яцкевич испытывает огорчение и был бы счастлив, если б Ваше милостивое и участливое к нему отношение увенчалось прочным и почетным положением его большие заслуги перед Ведомством Православного исповедания.*

Сердечно преданный Вам А. Волжин³

³РГИА. Ф.1405. Оп. 545. Д..15743. Л. 102.

В дополнение к характеристике, данной в этом письме, можно добавить, что, согласно формулярному списку, за 30 лет службы В.И. Яцкевич только два раза брал отпуск: один месяц в 1891 и два месяца в 1895.

Чтобы понятней был смысл письма, поясню: обер-прокуроры представляли на высочайшее имя кандидатуру В.И. Яцкевича на пост товарища обер-прокурора, а император отвергал ее и назначал того, кого ему рекомендовал Распутин.

Заключение

Описанный мною путь от фрагментарных и мифологизированных знаний о предках к выяснению достоверных сведений о них, вероятно, не является типичным. Далеко не на всех этапах это носило целенаправленный характер, зачастую было случайным. Скрытие достоверных сведений о предках, безусловно, было характерно для большинства советских семей, и это было связано с боязнью репрессивных действий власти, желанием уберечь младшее поколение. Особенность ситуации в нашей семье заключалась в том, что потомку с раннего детства, с одной стороны, внушалось уважение к своему предку, подчеркивались его значимость и неординарность (это объяснялось тем пиететом, с которым моя мать относилась к своему отцу, которого она считала образцом человека, мужчины и гражданина), а с другой – скрывались должность и ведомство, в котором он служил. И так продолжалось даже когда я достиг зрелого возраста. Я думаю, что в последние годы жизни матери ею руководили уже не только и не столько прежние опасения, сколько неловкость передо мной за ту неправду, которую я раньше от нее столько раз слышал. Возможно, поэтому незадолго до смерти она еще немного раскрылась, – но не передо мной, а перед моим сыном.

Полагаю, что ведомство, в котором служил дедушка, мать таила, скорее всего, потому, что он был близок к К.П. Победоносцеву, много лет проработал под его руководством, был в чем-то его учеником, а в советское время фигура Победоносцева сделалась неким жупелом, близость к которому могла сильно повредить человеку (тем более такому, как я, работа которого была связана с секретными сведениями).

СОДЕРЖАНИЕ

Петр Базанов

Заявления из Гулага как биографический источник 3

Олег Божков, Светлана Игнатова

Осмыслить непредсказуемое прошлое 19

Константин Годунов

Пьеса А.В. Луначарского «Оливер Кромвель» в контексте
советской политической истории 33

Михаил Горин

Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии
Биографический словарь и анкеты (1918–1946) 39

Александр Даниэль

Один из 25 тысяч: судьба Алексея Ивановича Крупина 43

Наталья Ивановская

Письма как источник изучения персональной истории
(по переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей. 1921–1938 гг.) 54

Марко Клементи

Архив фашистской политической полиции – Carabinieri на Родосе 64

Наталья Крук

ОКБ-196. Из истории ОТБ-ОКБ ОГПУ-НКВД-МВД по созданию
подводных лодок 72

Мартин Малек

Йохан Лайдонер: солдат и политик на службе Эстонии 87

Каринэ Маранджян

История одной книги о Японии из личной библиотеки вождя 91

Михаил Мартынов

Феномен анонимности в русском анархизме 98

Петр Мицнер Секретная биография Генрика Юзевского.....	114
Александр Островский Петр Якир. «Танец на острие ножа».....	122
Николай Петров Служение протоиерея Антония Озерова в селе Левоча Новгородской губернии.....	132
Грете Ребшток Заговорить к концу жизни. На материалах онлайн-архива «Принудительный труд 1939–1945. Воспоминания и история»	138
Константин Семенов Повседневная жизнь военной эмиграции в дневнике Алексея Александровича фон Лампе (1920–1943).....	146
Сергей Фокин Жизнь как роман. Борис Соколов (1889–1979)	153
Виктор Чебанов Биография семьи: путь от мифа и полуправды к истине	171

Научно-информационный центр «Мемориал», Санкт-Петербург

Польский институт в Санкт-Петербурге

ПРАВО НА ИМЯ Биографика 20 века

Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе

20-22 апреля 2014

Сборник докладов

Научный редактор: *Т. Б. Притыкина*

Обложка: *А. Ходот*

НИЦ «Мемориал»: 191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна 23, оф. 103

ЗАО «Норма»: 192102, Санкт-Петербург, ул. Салова, д. 37

Подписано в печать 08.04.2015.

Формат 60 X 90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 1095.

Отпечатано в типографии ООО «Аллегро»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК